

СТИВЕН
РАНСИМЕН

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Основание Иерусалимского королевства

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ
ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО
ПОХОДА

Annotation

Подробное исследование одного из самых захватывающих эпизодов Средневековья — Крестовых походов. Автор, выдающийся британский ученый, дает разносторонний обзор истории Византии и ислама, а также религиозных споров, которые привели к возникновению множества христианских церквей. В книге рассматривается история зарождения самой идеи крестоносного движения, его скрытые причины. Приведены основные этапы Первого крестового похода. Показаны взаимоотношения между его участниками, их врагами и союзниками. Повествование продолжается до того момента, когда новообразованное Иерусалимское королевство получает своего первого короля.

- [Стивен Рансимен](#)
 - [Часть первая. Святые места христианства](#)
 - [Глава 1. Мерзость запустения](#)
 - [Глава 2. Царство антихриста](#)
 - [Глава 3. Паломники Христа](#)
 - [Глава 4. Крах близится](#)
 - [Глава 5. Смута на Востоке](#)
 - [Часть вторая. Проповедь Крестового похода](#)
 - [Глава 1. Святой мир и святая война](#)
 - [Глава 2. Камень святого Петра](#)
 - [Глава 3. Призыв](#)
 - [Часть третья. Путь на войну.](#)
 - [Глава 1. Народный поход](#)
 - [Глава 2. Германский крестовый поход](#)
 - [Глава 3. Принцы и император](#)
 - [Часть четвертая. Война с тюрками](#)
 - [Глава 1. Кампания в Малой Азии](#)
 - [Глава 2. Армянская интерлюдия](#)
 - [Глава 3. Под стенами Антиохии](#)
 - [Глава 4. Антиохия взята](#)
 - [Часть пятая. Земля обетованная](#)

- [Глава 1. Дорога на Иерусалим](#)
- [Глава 2. Триумф Креста](#)
- [Глава 3. Защитник Гроба Господня](#)
- [Глава 4. Иерусалимское королевство](#)
- [Вклейка](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
-

Стивен Рансимен
Основание Иерусалимского
королевства. Главные этапы
Первого крестового похода

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО
«Центрполиграф», 2020

**Часть первая. Святые места
христианства**

Глава 1. Мерзость запустения

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте...

Евангелие от Матфея, 24: 15

В феврале года Господа Нашего 638 халиф Умар въехал в Иерусалим верхом на белом верблюде. Одежда его истрепалась и замаралась, за ним следовала грубая и неопрятная армия, но дисциплина в ней поддерживалась идеальная. Рядом с ним ехал патриарх Софроний как главный управитель покоренного города. Умар направился прямо в храм Соломона, откуда в небеса возносился его друг Мухаммед. Глядя на стоящего там халифа, патриарх припомнил слова Христа и пролепетал сквозь слезы: «Увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила».

Потом халиф захотел посмотреть на христианские святыни. Патриарх отвел его в храм Гроба Господня и показал все, что там находилось. Пока они пребывали в храме, наступил час молитвы для мусульман. Халиф спросил, можно ли ему расстелить там свой молитвенный коврик. Софроний упрашивал его оставаться на месте; но Умар вышел во двор храма, чтобы, по его словам, его слишком рьяные сподвижники не объявили, что святыня, в которой он помолился, отныне принадлежит исламу. И так это и произошло. Двор присвоили мусульмане, но храм, как и прежде, остался величайшей святыней христианства.

Таковы были условия, на которых сдался город. Сам Пророк постановил, что язычникам следует предлагать на выбор обратиться в ислам и погибнуть, а людям Писания — христианам и иудеям (к которым он любезно присовокупил и зороастрийцев) — позволить сохранить их богослужебные дома и беспрепятственно пользоваться ими, однако они не имеют права прозелитствовать, носить оружие и ездить верхом; а кроме того, должны платить

особую подушную подать — так называемую *джизью*. Софроний не мог и надеяться на лучшие условия, когда ехал на своем осле под охранной грамотой на встречу с халифом на Масличной горе, отказавшись сдать город кому-либо, кроме предводителя мусульман. Иерусалим больше года находился в осаде; и его недавно отремонтированные укрепления оказались не под силу арабам, не имевшим опыта в ведении осадной войны и плохо для нее оснащенный. Однако в городе кончилась еда, а всякая надежда на освобождение угасла. Арабы завладели всеми окрестными районами, и города Сирии и Палестины один за другим пали перед их натиском. Ближе Египта не осталось ни одной христианской армии, не считая одного гарнизона, который еще удерживал прибрежную Кесарию, защищенную имперским флотом. Единственное, чего сумел добиться Софроний от завоевателя, помимо обычных условий, было обещание, что городские имперские чиновники смогут без помех уехать на побережье в Кесарию вместе с семьями и движимым имуществом.

Это было последнее, что сделал патриарх для своего народа, трагическая развязка долгой жизни, проведенной в трудах во славу православия и единства христианского мира. С самой юности, когда он путешествовал по монастырям Востока вместе с другом Иоанном Мосхом, собирая для будущего «Луга духовного» изречения и предания о святых, и до поздних лет, когда император, политике которого он противостоял, назначил его в великую Иерусалимскую патриархию, он бескомпромиссно вел войну с ересями и зарождающимся национализмом, в котором видел зачатки распада Европы. Однако «медоречивый защитник веры», как прозвали его, увещевал и старался напрасно. Арабские завоевания доказали его провал; и через несколько недель он скончался от разбитого сердца^[1].

Поистине никакие человеческие силы не могли бы поставить преграду перед разрушительными влияниями в восточных провинциях Рима. На протяжении всей истории Римской империи между Востоком и Западом подспудно

шла война. Запад одержал победу при Акции, но Восток одолел своих победителей. Самыми богатыми и густонаселенными провинциями империи были Египет и Сирия. Там находились ее главные центры производства; их корабли и караваны контролировали торговлю с Востоком; их культура, духовная и материальная, была выше, чем у Запада, и не только в силу давних традиций, но и благодаря тому стимулу, который давала им близость к единственной сопернице римской цивилизации — царству персидских Сасанидов. Влияние Востока неизбежно возрастало, пока наконец император Константин Великий не перешел в восточную религию и не перенес свою столицу на восток — Византий на Босфоре. В следующем веке, когда ослабленной внутренним разложением империи пришлось столкнуться с натиском варваров, Запад погиб, а Восток выжил, в первую очередь благодаря политике Константина. Пока в Галлии, Испании, Африке, в далекой Британии и, наконец, в Италии возникали варварские королевства, римский император управлял восточными провинциями из Константинополя. Римское правительство редко пользовалось популярностью в Сирии и Египте. Константинопольское правительство вскоре стало вызывать еще более яростное отторжение. В значительной мере причиной этой ненависти были внешние обстоятельства. Обнищание Запада означало потерю рынков для сирийских торговцев и египетских производителей. Постоянные войны с Персией прервали торговый путь, который шел через пустыню к Антиохии и городам Ливана; а немного погодя падение Абиссинской империи и хаос в Аравии закрыли и красноморские пути, где хозяйничали мореходы Египта и владельцы караванов Петры, Трансиордании и Южной Палестины. Константинополь превращался в главный рынок империи: торговля с дальними странами Востока при поддержке императорской дипломатии стремилась найти к ним прямой, более северный путь через степи Центральной Азии. Это вызывало негодование жителей Александрии и Антиохии, и так уже завидовавших городу-выскочке, который угрожал вскоре совсем их затмить. Еще больше

возмущало сирийцев и египтян то, что в основе новой административной системы лежала централизация. Местные права и автономии постепенно обрезались; сборщики налогов становились еще строже и требовательнее, чем в старые римские дни. Недовольство придало силу восточному национализму, который никогда надолго не утихал.

Выход открытой борьбе дали религиозные споры. Языческие императоры терпимо относились к локальным культам. Местные боги легко вписывались в римский пантеон. Одни только упрямые единобожники вроде христиан и иудеев порой страдали от притеснений. Но христианские императоры уже не могли позволить себе проявлять такую веротерпимость. Христианство — религия исключительная; и они хотели сделать ее объединяющей силой ради того, чтобы подчинить всех своих подданных своей власти. Константин, человек довольно расплывчатых религиозных воззрений, стремился объединить церковь, которую тогда разрывал конфликт по поводу арианства. Полвека спустя Феодосий Великий ввел соблюдение догматов в императорскую политику. Но не так просто добиться того, чтобы все соблюдали догматы. Восток когда-то с энтузиазмом проникся христианством. Греки взялись за его тонкости со всей своей любовью к дотошнейшим дебатам, а эллинизированные жители Востока прибавили к ней яростную, страстную горячность, которая вскоре переродилась в нетерпимость и ненависть. Главным предметом их споров была природа Христа — центральный и самый трудный вопрос всей христианской теологии. Споры эти имели богословский характер, но в те времена любой человек с улицы интересовался богословскими спорами, и это развлечение превосходили по увлекательности разве что игры на арене. Но богословием дело не ограничивалось. Типичный сириец или египтянин хотел ритуалов попроще, нежели обряды православной церкви со всей их пышностью. Церковная роскошь оскорбляла его во все более глубокой нищете. Более того, он считал православных прелатов и священников агентами константинопольского

правительства. А его высшее духовенство из зависти легко переходило к такой же враждебности. Патриархи древних церквей Александрии и Антиохии с негодованием следили за тем, как их братец-выскочка Константинополь одерживает над ними верх. В таких условиях неизбежно должны были возникать ереси, приобретая форму националистического и подрывного движения.

Вскоре арианство затухло на Востоке, за исключением Абиссинии; но ереси V века оказались более живучими. В начале века Несторий, урожденный сириец, патриарх Константинопольский, обнародовал доктрину, которая выводила на первое место человеческую природу Христа. Богословы антиохийской школы издавна склонялись в эту сторону, и Несторий нашел много единомышленников в Северной Сирии. Его учение осудили как еретическое на Вселенском соборе в Эфесе 431 года, после чего откололось множество сирийских общин. Несториане, объявленные в империи вне закона, обосновались в месопотамских владениях персидского царя. Вскоре они со всеми своими силами взялись за миссионерский труд на более далеком Востоке: в Индии, Туркестане и даже в Китае; но в VI и VII веках у них еще оставались церкви в Сирии и Египте, которые в основном посещали купцы, что вели торговлю с дальними восточными странами.

Полемика о несторианстве породила другую, еще более ожесточенную. Александрийские богословы, окрыленные двойной победой — над антиохийскими учениями и патриархом Константинопольским, сами вышли за границы православия, но в противоположном направлении. Они выдвинули доктрину, по-видимому отрицавшую человечность Христа. Эту ересь иногда называют евтихианством по имени Евтихия, одного малоизвестного священника, впервые предложившего эту идею. Но больше она известна под именем монофизитства. В 451 году ее осудил IV Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне; и монофизиты в негодовании откололись от общего тела Христовой Церкви и увели за собой большинство христиан Египта и

несколько сирийских общин. Армянская церковь, чьи делегаты опоздали на дебаты в Халкидон, отказались принимать постановления собора и встали на сторону монофизитов. Позднее императоры неустанно искали какую-то примирительную формулу, которая навела бы мост между расколотыми фракциями и при поддержке Вселенского собора могла бы быть принята в качестве уточненного догмата истинной веры. Но против них играло два фактора. Еретики не особенно стремились вернуться в паству, разве что на собственных и неприемлемых условиях; да и отношение Рима и западной церкви упорно противилось компромиссу. Папа Лев I, исходя из того взгляда, что определять Символ веры должен наместник святого Петра, а не Вселенский собор, и не имея терпения, чтобы вникать в диалектические тонкости, которых он не понимал, выступил с окончательным постановлением о том, какая точка зрения по данному вопросу должна считаться верной. Это постановление, оставшееся в истории как Томос к Флавиану, хотя и игнорировало тонкости спора, было принято собравшимися в Халкидоне сановниками церкви в качестве основы для обсуждения, и использованные в Томосе формулировки вошли в решения собора. Постулаты папы Льва были прямыми и четкими, как бревно, и не допускали ни превратного толкования, ни модификации. Любой компромисс с целью задобрить еретиков означал отход от них и вследствие этого схизму, раскол с Римом. Этого не мог позволить себе ни один император, который имел интересы и планы в Италии и на Западе. Попав в тиски подобной дилеммы, императорское правительство так и не сумело разработать последовательного курса. Оно колебалось между преследованием и задабриванием еретиков, по мере того как возрастали их силы в провинциях Востока при поддержке возрождающегося национализма местных жителей.

Кроме монофизитов и несториан, в восточных провинциях сложилась и еще одна община, которая постоянно сопротивлялась императорскому правительству, а именно иудейская. Значительная доля евреев жила во

всех крупнейших городах Востока. Они были в какой-то степени поражены в гражданских правах; порой возникали погромы, жертвами которых становились и они сами, и их имущество. В отместку они не упускали ни единой возможности причинить вред христианам. Их финансовые ресурсы и широкие связи превращали их в потенциальную угрозу для властей.

В течение VI века ситуация усугубилась. Войны Юстиниана на Западе были долгими и дорогостоящими. Они наносили ущерб его религиозной политике и приводили к повышению налогов, притом что не создавали для его восточных подданных возможностей компенсировать потери. Больше всего пострадала Сирия; ибо, помимо налогового бремени, она подверглась ряду жестоких набегов персидских армий и серии разрушительных землетрясений. Процветали только еретики. Иаков Барадей из Эдессы организовал сирийских монофизитов в грозную силу при поддержке сочувствовавшей им императрицы Феодоры. С тех пор их церковь стала называться сиро-яковитской. В число египетских монофизитов, получивших имя коптов, вошло почти все коренное население страны. Несториане, безопасно окопавшиеся за персидской границей и быстро расширявшиеся на Восток, упрочили свои позиции в пределах империи. За исключением палестинских городов, православные оказались в меньшинстве. Их презрительно называли мелькитами, приспешниками императора, и не без причины, ибо само их существование зависело от власти и авторитета императорской администрации.

В 602 году императорский трон захватил центурион Фока. Он правил топорно и некомпетентно; и пока в Константинополе водворилось царство террора, в провинциях разгорались мятежи и гражданские войны между городскими фракциями и между соперничающими религиозными сектами. В Антиохии сиро-яковитские и несторианские патриархи открыто провели совместный собор для обсуждения общих действий против православных. В наказание Фока прислал армию, которая перебила огромное число еретиков при охотной помощи

евреев. Два года спустя восстали и сами евреи и замучили до смерти православного патриарха города.

В 610 году Фоку сместил молодой аристократ армянского происхождения — Ираклий, сын экзарха Африки. В том же году персидский царь Хосров II закончил подготовку к вторжению и расчленил империю. Персидская война продолжалась девятнадцать лет. Двенадцать лет империя оборонялась, пока одна персидская армия оккупировала Анатолию, а другая завоевывала Сирию. Антиохия пала в 611 году, Дамаск — в 613-м. Весной 614 года персидский военачальник Шахрвараз вошел в Палестину, опустошая страну и сжигая церкви на своем пути. Он пощадил только храм Рождества в Вифлееме из-за мозаики на его дверях с изображением волхвов с Востока в персидских нарядах. 15 апреля он осадил Иерусалим. Патриарх Захария был готов открыть ворота города, чтобы избежать кровопролития; но жители-христиане отказались покорно сдаться. 5 мая с помощью находившихся в городе евреев персы сумели ворваться за его стены. Последовали зверства, леденящие кровь. В отвесах полыхавших домов и церквей христиан резали всех без разбору, многих перебили персы, но еще больше — евреи. По некоторым сведениям, погибло шестьдесят тысяч человек, а тридцать пять тысяч были проданы в рабство. Священные реликвии города — Крест Господень и орудия Страстей Христовых — удалось спрятать, но их нашли и вместе с патриархом отправили на Восток в дар царице Персии, христианке — несторианке Марьям. Опустошение в городе и его окрестностях было таково, что и по сей день страна полностью от него не оправилась.

Три года спустя персы вторглись в Египет и в течение года полностью им овладели. Между тем на севере их полчища достигли Босфора.

Падение Иерусалима стало для христиан чудовищным потрясением. Роль, которую сыграли в этом евреи, они не могли ни забыть, ни простить, и война с персами приобрела характер священной. Когда в 622 году Ираклий в конце концов смог начать наступление, он

торжественно принес обет Богу за себя и свою армию и отправился воевать как христианский воин с силами тьмы. Для последующих поколений он стал первым из крестоносцев. Вильгельм Тирский включает в свою историю Крестовых походов, написанную пять веков спустя, рассказ о персидской войне, а старый французский перевод этой книги был известен под названием *Livre d'Eracles*, «Жизнеописание Ираклия».

Поход оказался успешным. После множества превратностей, долгих дней тревог и отчаяния Ираклий в конце концов разгромил персов при Ниневии в декабре 627 года. В начале 628 года царь Хосров был убит, и его преемник запросил мира; однако мир установился лишь в 629 году, и завоеванные провинции вернулись в империю. В августе Ираклий отпраздновал свой триумф в Константинополе. Следующей весной он снова отправился на юг, чтобы вернуть Святой Крест и торжественно водворить его в Иерусалим.

Это была трогательная сцена. Однако христиане Востока не так уж плохо проживали при персах. Вскоре евреи впали в немилость у Хосрова, и он даже выгнал их из Иерусалима. Его двор благоволил к несторианам, но сам он официально отдавал равное предпочтение монофизитам и православным. Им вернули и вновь отстроили церкви; и при его покровительстве в персидской столице Ктесифоне состоялся собор для обсуждения вопроса о воссоединении сект. Возвращение императорской администрации, как только утихли первые восторги победы, принесло выгоду одним только православным. Ираклий унаследовал пустую казну. Оплатить свои войны он мог только за счет огромного займа у церкви. Взятой у Персии добычи оказалось недостаточно, чтобы расплатиться за него. Сирийцам и египтянам снова пришлось раскошелиться на высокие налоги и смотреть на то, как от их денег разбухают сундуки православных иерархов.

Не улучшил Ираклий положения и своей религиозной политикой. Сначала он принял меры против евреев. Император не испытывал к ним никакой вражды, и даже

по дороге в Иерусалим он остановился в доме у одного гостеприимного еврея в Тивериаде, однако ему стало в полной мере известно о том, какую роль сыграли они во время персидских нашествий. Возможно, им двигало также и неясное пророчество, в котором говорилось о том, что обрезанный народ погубит империю, и он приказал насильно окрестить всех евреев в пределах государства и написал королям Запада, призывая их поступить так же. Выполнить приказ было невозможно, но он дал ревностным христианам прекрасную возможность расправиться с ненавистным племенем. Единственным результатом его деяний стало то, что иудеи пуще прежнего возненавидели императорское правление. Затем император бросился в бурные воды христианского богословия. Патриарх Константинопольский Сергей, сам сирийский монофизит по рождению, много лет разрабатывал учение, которое, как ему думалось, должно было примирить монофизитов с православными. Ираклий дал ему свое одобрение; и новая доктрина, известная в истории как моноэнергизм, была обнародована по всей империи сразу, как только закончилась война с персами. Но несмотря на поддержку императора и патриарха и осторожное одобрение римского понтифика Гонория, она нигде не пользовалась популярностью. Монофизитские иерархи отвергли ее наотрез. Большинство православных во главе с великим мистиком Максимом Исповедником в Константинополе и Софронием на Востоке сочли ее столь же неприемлемой. Ираклий, больше с энтузиазмом, чем с осмотрительностью, упорно предпринимал попытки навязать ее своим подданным. Но, не считая его вельмож и немногих армян и ливанцев, которые позднее стали называться маронитами, доктрина не нашла сторонников. Позднее Ираклий видоизменил ее, и его опубликованный в 638 году «Эктезис» так же безуспешно ратовал уже за монофелитство. Вся эта эпопея, которая была окончательно прояснена лишь на VI Вселенском соборе в 680 году, только усугубила вражду и неразбериху, которые портили жизнь христианам Востока.

Говорят, что, когда в 629 году в Константинополе Ираклий принимал поздравительные посольства из таких

дальних стран, как Франция и Индия, ему пришло письмо от одного вождя арабского клана, который объявлял себя Божь им пророком и призывал императора принять его веру. Такие же письма были посланы царям Персии и Абиссинии и правителю Египта. История эта, вероятно, апокриф. Едва ли Ираклий в то время имел хоть какое-то представление о великих событиях, которые в конце концов произвели революцию на Аравийском полуострове. В начале VII века Аравию заселяли непокорные, независимые племена, часть их кочевые, часть — оседлые, а немногие жили в торговых городах, протянувшихся вдоль караванных маршрутов. Это была страна идолопоклонников. У каждой местности были свои божки, но самым священным из идолов была Кааба в Мекке, главном купеческом городе. Однако идолопоклонство уже начинало терять свои позиции, ибо Аравию уже давно обрабатывали еврейские, христианские и зороастрийские миссионеры. Зороастрийцы добились успеха только в тех районах, которые находились под политическим влиянием персов, на северо-востоке и позднее на юге. Евреи поселились во многих арабских городах, в первую очередь в Медине, и обратили немалое число арабов в свою веру. Христиане добились самых широких результатов. У православного христианства были последователи на Синае и в Петре. Несториане, как и зороастрийцы, сконцентрировались там, где им покровительствовали персы. Но монофизиты имели общины вдоль великих караванных путей вплоть до самого Йемена и Хадрамаута; а многие крупные племена на краю пустыни, такие как Бану Гассан и Бану Таглиб, были полностью монофизитскими. Арабские купцы, часто приезжавшие в города Сирии, Палестины и Ирака, имели немало возможностей узнать о религиях цивилизованного мира, притом что и в самой Аравии существовала традиция монотеизма — ханифизм. В то же время Аравия ощущала потребность в расширении. Скучных ресурсов полуострова, которые еще более обеднели после разрушения ирригационных систем химьяритов^[2], не хватало для растущего населения. На протяжении всей письменной истории пустынные племена постоянно

изливались на окружающие возделанные земли; и в тот момент давление стало особенно сильным.

Своеобразный и невероятный гений Мухаммеда прекрасно вписался в эти обстоятельства. Он происходил из священного города Мекки, будучи бедным сородичем его влиятельнейшего клана — курайшитов. Он путешествовал, повидал мир и изучил его религии. Особенно его привлекло монофизитское христианство; однако учение о Троице казалось ему не соответствующим чистому единобожию, которое восхищало его в традиции ханифов. Учение, которое он разработал сам, не полностью отвергало христианство, но, скорее, было его исправленным и упрощенным вариантом, который его народу было гораздо легче принять. Своим успехом в качестве религиозного вождя он прежде всего обязан тому, что понимал арабов. Даже будучи гораздо талантливее их, он искренне разделял их чувства и предрассудки. Вдобавок он обладал необычайными политическими способностями. Это сочетание качеств позволило ему за десять лет возвести на пустом месте империю, готовую завоевать весь мир. В 622 году, в год хиджры^[3], весь круг его последователей ограничивался домочадцами да небольшой группой друзей. В 632 году, ко времени его смерти, он стал властелином Аравии, и его армии уже переходили ее границы. Внезапное вознесение смелых выскочек не так уж редко встречается на Востоке, но обычно их так же внезапно постигает и крах. Мухаммед, однако, оставил после себя живучую организацию, деятельность которой поддерживал Коран. Этот потрясающий труд, изложенный пророком как слово Божье, содержит не только возвышающие душу изречения и рассказы, но и правила поведения в обычной жизни и управления империей, а также полный свод законов. Он был достаточно прост, чтобы его приняли современные пророку арабы, и достаточно универсален, чтобы ответить на нужды огромного царства, которое суждено было создать его последователям. Более того, сила ислама как раз в его простоте. В небесах один Бог, у правоверных один предводитель, чтобы править ими на земле, и один

закон — Коран, по которому он и должен править. В отличие от христианства, которое проповедовало мир, но так его и не достигло, ислам без всякого смущения взял в руки меч.

Меч этот ударил по провинциям Римской империи еще при жизни пророка, когда арабы совершили несколько мелких и не слишком успешных набегов в Палестину. При преемнике Мухаммеда Абу Бакре политика экспансии стала открытой. Завоевание Аравии завершилось изгнанием персов из зависимого Бахрейна, а арабская армия пересекла Петру, прошла по торговому пути на южное побережье Палестины, разгромила местного правителя Сергия где-то в районе Мертвого моря и продолжила наступление на Газу, которую захватила после недолгой осады. К жителям города победители отнеслись великодушно, но солдаты гарнизона стали первыми христианскими мучениками, погибшими от меча ислама.

В 634 году Абу Бакра сменил Умар, который унаследовал его планы расширения мусульманской державы. Между тем император Ираклий, все еще находившийся в Северной Сирии, осознал, что на арабские нашествия уже нельзя смотреть сквозь пальцы. Ему не хватало людей. Персидская война нанесла империи тяжелые потери. После окончания войны Ираклий распустил множество войск из соображений экономии, а новобранцы в армию не стремились. По всей империи воцарилась та атмосфера апатии и пессимизма, которая так часто поражает в равной мере и победителей, и побежденных после долгой и кровопролитной войны. Тем не менее он послал своего брата Феодора во главе войск сирийской провинции водворить порядок в Палестине. Феодор встретил две основные арабские армии при Аджнадаине, юго-западнее Иерусалима, и потерпел полный разгром. Арабы, надежно укрепившись в Южной Палестине, затем двинулись вдоль торгового пути, который шел на восток от Иордана к Дамаску и долине Оронта. Тивериада, Баальбек и Хомс пали перед ними без сопротивления, а Дамаск капитулировал после короткой осады в августе 635-го. Это вселило в Ираклия глубокую

тревогу. Не без труда он сумел собрать и послать на юг две армии. Одну составляли армянские призывники под началом армянского князя Ваана и большое число крещеных арабов во главе с шейхом Бану Гассан. Другой командовал Феодор Трифирий, и она состояла из смешанных войск. Прослышав об их приближении, мусульмане ушли из долины Оронта и Дамаска и отступили к Иордану. Трифирий нагнал их у Джабийи в Хауране, но был разбит. Ему, однако, удалось удержать позиции на реке Ярмук, на юго-востоке от Галилейского моря, вплоть до подхода армии Ваана. Там 20 августа 636 года в слепящих клубах песчаной бури состоялось решающее сражение. Христиане имели численное превосходство; но противник обыграл их искусным маневром; и в разгар сражения полководец Гассанид и двенадцать тысяч арабов-христиан перешли на сторону врага. Это были монофизиты, и они ненавидели Ираклия; к тому же им много месяцев не платили. Организовать эту измену было нетрудно, и она и решила вопрос. Мусульмане одержали полную победу. Трифирий и Ваан погибли почти со всеми своими войсками. Перед победителями открылась прямая дорога в Палестину и Сирию.

Ираклий находился в Антиохии, когда до него добежали вести о битве. Он совершенно пал духом; это Божья десница покарала его за кровосмесительный брак с племянницей Мартиной. У него не осталось ни людей, ни денег, чтобы и дальше защищать провинцию. После торжественного молебна о ниспослании помощи в соборе Антиохии он отправился к морю и сел на корабль до Константинополя, покидая берег с горькими слезами на глазах: «Прощай, Сирия, прощай навсегда»^[4].

Вскоре арабы овладели всей страной. Христиане-еретики сдавались перед ними без боя. Евреи активно оказывали им помощь и служили им проводниками^[5]. Только в двух великих городах Палестины — Кесарии и Иерусалиме — арабы встретили организованное сопротивление, а также в крепостях Пелла и Дара на персидской границе. В Иерусалиме после новостей о

битве при Ярмуке Софроний велел укрепить оборонные сооружения города. Затем, услышав, что враг уже достиг Иерихона, он собрал святые реликвии христианства и ночью отправил их на побережье, чтобы их доставили в Константинополь. Они не должны снова попасть в руки неверных. Иерусалим больше года продержался в осаде. Кесария и Дара выстояли до 639 года. Но к тому времени они уже оставались всего лишь одинокими аванпостами. Крупнейший город Востока Антиохия пал за год до того; и вся страна от Суэцкого перешейка до Анатолийских гор оказалась в руках мусульман.

Между тем они уничтожили исконную соперницу Рима — Персию. Их победа при Кадисии в 637 году обеспечила им Ирак, а вторая победа — в следующем году в Нехавенде — открыла для них Иранское нагорье. Царь Йездегерд III, последний из Сасанидов, продержался в Хорасане до 651 года. К тому времени арабы дошли до его восточных границ на Оксе и в афганских горах.

В декабре 639 года мусульманский военачальник Амр с четырьмя тысячами солдат вторгся в Египет. В делах управления провинцией царила неразбериха после окончания персидской оккупации; и тогдашний ее правитель, патриарх Александрийский Кир, не отличался ни умом, ни порядочностью. Он был обращенным из несториан и главным проводником монофелитской доктрины императора, которую собирался навязать коптам, невзирая на их сопротивление. Его так сильно ненавидели, что Амр без труда нашел союзников среди его подданных. В начале 640 года после двухмесячной осады Амр овладел крупной пограничной крепостью Пелузий. Там к нему подошли подкрепления от халифа. Оттуда он двинулся на Вавилон (Старый Каир), где был сосредоточен имперский гарнизон. После битвы, состоявшейся в Гелиополе в августе 640 года, римляне были вынуждены отступить в цитадель Вавилона, где они продержались до апреля 641 года. Между тем арабы заняли Верхний Египет. После падения Вавилона Амр прошел через Файюм, двигаясь к Александрии, и тамошний правитель вместе с гарнизоном бежал в страхе.

Кира вызвали в Константинополь по обоснованному подозрению в том, что он заключил изменнический пакт с Амром. Но в феврале Ираклий умер, а его вдова, императрица-регентша Мартина, сама находилась в слишком ненадежном положении в Константинополе, чтобы защищать Египет. Кира отправили назад, чтобы он заключил договор на любых условиях, которых сумеет добиться. В ноябре он отправился к Амру в Вавилон и подписал капитуляцию Александрии. Но тем временем Мартину сместили, и новое правительство отвергло и самого Киру, и его договор. Амр и так уже нарушил его со своей стороны, вторгшись в Пятиградье и Триполитанию. Однако удержать Александрию казалось невозможно, когда весь остальной Египет находился в руках у арабов. Город капитулировал в ноябре 642 года. Но надежда еще не умерла. В 644 году стало известно об опале Амра, которого вызвали в Медину. По морю из Константинополя прислали новую армию, которая легко отвоевала Александрию в начале 645 года, а затем пошла на Фостат, столицу Амра, основанную им возле Вавилона. Амр вернулся в Египет и разгромил имперские силы у Фостата. Их полководец, армянин Мануил, отступил в Александрию. Пораженный тем, с каким полнейшим безразличием крещеные жители города отнеслись к попытке вернуть страну в лоно христианства, он уже не пытался оборонять город и погрузился на корабли, чтобы отправиться в Константинополь. Коптский патриарх Вениамин вернул Александрию в руки Амра.

Египет был потерян навсегда. К 700 году римская Африка уже полностью находилась в руках арабов. Одиннадцать лет спустя они оккупировали Испанию. В 717 году их империя протянулась от Пиренеев до Центральной Индии, а их воины уже барабанили в стены Константинополя.

Глава 2. Царство антихриста

*Со сторожевой башни нашей мы
ожидали народ, который не мог спасти
нас.*

Плач Иеремии, 4: 17

Христиане Востока благосклонно восприняли господство своих басурманских господ. Они и не могли поступить иначе. Теперь оставалась лишь малая вероятность того, что Византия, как в дни персидской войны, поднимется снова ради освобождения святых мест. Арабы, оказавшись мудрее персов, скоро построили флот, базировавшийся в Александрии, который вырвал у византийцев самое ценное, чем они обладали, — господство на море. А на суше захватчики сохраняли наступательный импульс почти в течение трех веков. Казалось, бессмысленно надеяться на то, что спасение придет со стороны христианских государей.

Да такое спасение и не обрадовало бы еретические секты. Им смена правителей принесла облечение и удовлетворение. Сиро-яковитский патриарх Антиохии Михаил Сириец, писавший пять веков спустя, уже в дни латинских королевств, выразил древнее предание своего народа, сказав: «Господь отмститель, который один Всемогуш... поднял с юга исмаилитов, чтобы с их помощью избавить нас от власти римлян». Это избавление, добавил он, «принесло нам большое благо». Эти чувства разделяли и несториане. «Сердца христиан, — гласит анонимная несторианская хроника, — возрадовались от господства арабов — да укрепит их Господь и даст им процветание!» Египетские копты проявили чуть меньше благодушия, но их враждебность была направлена скорее против жестокого завоевателя Амра и его вероломства и поборов, чем против арабского народа и веры. Даже православные, видя, что на них нет гонений, которых они боялись, и что их подати, несмотря

на джизью, которой облагались христиане, намного ниже, чем при византийцах, не особенно проклинали свою судьбу. Некоторые горные племена — мардаиты Ливана и Таврских гор — все еще продолжали борьбу, но они боролись не столько за веру, сколько из собственной беззаконности и гордости.

Следствие арабского завоевания состояло в том, что оно перманентно зафиксировало восточные церкви в том положении, в котором они находились на тот момент. В отличие от христианской империи, которая пыталась навязать религиозное единообразие всем своим подданным — так никогда и не достигнутый идеал, ибо евреев невозможно было ни обратить, ни изгнать, — арабы, как и персы до них, были готовы смириться с религиозными меньшинствами при условии, что те относились к людям Писания. Христиане вместе с зороастрийцами и евреями стали зимми — защищаемыми народами, чью свободу вероисповедания гарантировала уплата джизьи, которая сначала была подушной податью, но вскоре превратилась в налог, уплачивавшийся вместо воинской повинности, к которому также прибавился новый земельный налог — харадж. Каждая секта считалась своего рода миллетом — полуавтономной общиной в рамках государства, которой управляет религиозный вождь, отвечая за поступки ее членов перед правительством халифа. Каждая община сохраняла свои культовые сооружения и места, которыми владела ко времени завоевания, и этот план больше устраивал православных христиан, нежели еретиков, поскольку Ираклий успел вернуть им множество церквей. Но это правило соблюдалось не строго. Мусульмане забрали некоторые христианские церкви, например большой собор Святого Иоанна в Дамаске, и периодически разрушали многие другие; при этом происходило постоянное строительство немалого числа церквей и синагог. Более того, позднее исламские правоведы признали право зимми на возведение зданий при условии, что они были не выше мусульманских, а звук их колоколов и богослужений не достигал ушей правоверных. Однако правило о том, что зимми должны носить отличающуюся одежду, и запрет

для них на верховую езду строго выполнялись; также они не имели права публично выступать против мусульманских обычаев или пытаться обратить мусульман, жениться на мусульманках и презрительно говорить об исламе; а кроме того, они должны были хранить верность государству.

Система миллетов установила несколько иную концепцию, нежели понималась под национальностью. Национализм на Востоке в течение многих веков основывался не на расе, не считая евреев, чья религиозная исключительность сохранила их кровь относительно чистой, а на культурных традициях, географическом положении и экономических интересах. Теперь же верность религии заменила национальную верность. Египтянин, к примеру, считал себя не гражданином Египта, а мусульманином, или коптом, или православным, в зависимости от религиозной принадлежности. И преданность он хранил именно своей вере или миллету. Это давало православным преимущество перед еретическими сектами. Их по-прежнему называли мелькитами — людьми императора; да и сами они считали себя людьми императора. Жестокая необходимость ввергла в неволю под власть иноверцев, чьи законы они были обязаны соблюдать, но император оставался Божьим наместником на земле и их подлинным государем. Святой Иоанн Дамасский, сам будучи чиновником на службе при халифском дворе, хотя и категорически расходился с императором по теологическим вопросам, неизменно называл его господином и повелителем, а своего прямого владыку звал просто эмиром. Восточные патриархи, которые в IX веке писали императору Феофилу, протестуя против его религиозной политики, употребляли те же формулировки. Императоры взяли на себя эту ответственность. Во всех своих войнах и дипломатических сношениях с халифами они не забывали о благе православных, находившихся за границами империи. Это был вопрос не административный. Они не могли вмешиваться в повседневное управление на мусульманских землях; так же и патриарх Константинопольский не обладал никакой юрисдикцией

над своими восточными собратьями. Это было выражение, сентиментальное, но все же мощное, той неумирающей идеи, что христианство едино и неделимо и что император остается олицетворением его единства.

У еретических церквей не было такого светского защитника. Они полностью зависели от расположения халифа, и из-за этого пострадали их влияние и авторитет. Более того, их ереси в значительной степени возникали из-за желания жителей Востока упростить христианские догматы и богослужебную практику. Ислам, который был достаточно близок к христианству, чтобы многие считали его всего лишь более развитой формой христианства, и который теперь обладал огромным социальным преимуществом, будучи вероисповеданием нового правящего класса, был для многих легко доступен. У нас нет данных о том, сколько человек перешло из христианства в ислам; но можно считать установленным, что подавляющее большинство новообращенных вышло из еретических церквей, а не православия. За век после завоевания Сирия, чьи граждане в основном относились к еретическим течениям, стала преимущественно мусульманской страной, при этом количество православных уменьшилось весьма незначительно. В Египте копты благодаря своей вере не так быстро сдавали свои позиции, но тоже проигрывали эту битву. С другой стороны, система миллетов способствовала сохранению еретических сект и, стабилизируя их положение, делала невозможным воссоединение церквей.

Число приверженцев ислама в Сирии и Палестине росло не по причине внезапного притока арабов из пустыни. Армии завоевателей были не так уж велики. Они превратились не более чем в военную касту, господствовавшую над уже имеющимся населением. Этнический состав местных жителей практически не изменился. Горожане и крестьяне, будь то перешедшие в ислам или оставшиеся христианами, уже вскоре начали говорить на арабском языке в повседневной жизни; и сейчас мы в широком смысле называем их потомков арабами, однако они сформировались из смешения

множества народов и племен, населявших эти земли еще до того, как Израиль вышел из Египта, амаликитян, иевусеев, моавитян и финикийцев, народностей вроде филистимлян, которые жили там почти так же долго, а также арамеев, которые на протяжении всей письменной истории медленно и почти незаметно проникали на возделанные земли, и евреев, которые, подобно первым апостолам, влились в Христову Церковь. Лишь практикующие иудаизм сохранили этническое отличие, но и их расовая чистота была отчасти загрязнена. В Египте хамитские народы смешивались не так сильно; однако их численность увеличилась за счет браков с переселенцами из Сирии и пустынь, верховий Нила и побережья всего Средиземноморского бассейна.

Как следствие, самой плотной арабская иммиграция была в тех районах, что граничили с пустыней, и в городах, расположенных вдоль караванных путей, которые шли по ее краю. Упадок морской торговли на Средиземном море после завоевания придал этим городам с их преимущественно мусульманским населением большую важность, нежели у эллинистических городов на побережье. Александрия была единственным крупным портом, которым владели арабы в Средиземноморье. Там и в эллинистических городах Сирии еще оставалось множество христиан, которых, вероятно, было больше, чем мусульман. Примерно та же пропорция сохранялась и в сирийских деревнях. Внутренние равнины и долины все больше становились мусульманскими, но между Ливаном и морем преобладали христиане из разнообразных сект. В Египте различия в основном наблюдались между городом и сельской местностью. Феллахи постепенно переходили в ислам, но города оставались в большинстве своем христианскими. В Палестине разделение было не таким четким. Большая часть сельского населения обратилась в ислам, но многие деревни держались и старой веры. В городах, особенно столь важных для христиан, как Назарет и Вифлеем, жили почти исключительно христиане; да и в самом Иерусалиме, несмотря на почтение, которое питали к нему мусульмане, большинство горожан оставалось христианским. Почти

все палестинские христиане относились к православному миллету. Кроме того, в Иерусалиме и некоторых менее значительных городах, например Сафед и Тивериаде, существовали крупные колонии иудеев. Главным мусульманским городом стала новая административная столица в Рамле. В этих рамках, которые мы определили в общих чертах, население Сирии, Палестины и Египта пребывало в течение последующих четырех веков.

Пятый халиф — Муавия из династии Омейядов — сначала был наместником в Сирии, и после восшествия на престол в 660 году он перенес свою столицу в Дамаск. Его потомки правили там почти столетие. Это был период процветания для Сирии и Палестины. Халифы Омейяды за несколькими исключениями были людьми необычайно способными и терпимыми, отличаясь широтой взглядов. Пребывание их двора в этой провинции обеспечивало ее эффективное управление и оживленную торговую деятельность; кроме того, они поддерживали культуру, которую обнаружили там. Это была эллинистическая христианская культура, и на нее повлияли идеи и вкусы, которые мы связываем с Византией. В чиновники могли поступить говорившие по-гречески христиане. Многие десятилетия делопроизводство велось на греческом языке. Христианские художники и мастера работали на халифов. «Купол скалы» в Иерусалиме, воздвигнутый для халифа Абдул-Малика в 691 году, является блестящим примером здания-ротонды, построенной в византийском стиле. Ее мозаичное убранство и еще более чудесная мозаика, которой выложен двор Великой мечети в Дамаске, построенной при его сыне аль-Валиде I, относятся к прекраснейшим произведениям византийского искусства. Насколько они были делом рук местных ремесленников и настолько им помогали мастера и материалы, наверняка ввезенные аль-Валидом из Византии, точно сказать невозможно. В этих мозаиках со всею строгостью соблюден запрет пророка на изображение живых существ. Однако в своих сельских дворцах, скрытых от неодобрительных взглядов имамов — например, в охотничьем доме в Каср-аль-Амре, в степях за Иорданом, — Омейяды позволяли свободно изображать на

фресках людей, даже обнаженных. Их правление, надо признать, вовсе не прервало развития эллинистической культуры на Ближнем Востоке, которая в то время достигла своего величайшего, но уже последнего расцвета.

Таким образом, у христиан не было повода сожалеть о триумфе ислама. Несмотря на отдельные вспышки гонений, несмотря на немногие уничижительные правила, им жилось лучше, чем при христианских императорах. Порядок поддерживался строже. Торговля шла хорошо, а налоги стали гораздо ниже. К тому же на протяжении большей части VIII века христианский император был еретиком, иконоборцем, притеснителем всех православных, которые поклонялись святым образам. Добрым христианам счастливее жилось под властью иноверцев.

Но это счастье продлилось недолго. Упадок Омейядов и междоусобные войны, которые привели к основанию империи халифов Аббасидов в Багдаде в 750 году, ввергли Сирию и Палестину в хаос. Беспринципные, никем не контролируемые местные правители наживались на том, что отнимали у христиан церкви, которые тем приходилось потом выкупать. Несколько раз поднимались волны фанатизма с гонениями и принудительным обращением в ислам. Победа Аббасидов восстановила порядок, но все уже было не так, как прежде. До Багдада было далеко. Над администрацией провинции не было неусыпного контроля. Торговля все еще активно шла вдоль караванных путей, но не осталось крупных рынков, чтобы стимулировать ее на местах. Аббасиды оказались более строгими мусульманами, чем Омейяды, и не так охотно проявляли терпимость к христианам. Хотя они тоже опирались на прежнюю культуру, это была культура не эллинистическая, а персидская. Багдад находился на древней территории Сасанидского царства. Главные должности в правительстве получали персы. Мусульмане переняли персидские идеалы в искусстве и персидские привычки в повседневной жизни. Как и при Омейядах, в чиновники брали христиан. Но эти христиане, за несколькими исключениями, были несторианами и

смотрели они на Восток, а не на Запад. Аббасидский двор в целом больше интересовался интеллектуальными вопросами, чем омейядский. Несториан невозбранно привлекали к переводу философских и научных трудов с древнегреческого; ученых и математиков приглашали даже из Византии преподавать в школах Багдада. Но интерес этот был неглубоким. Греческая мысль в корне не затронула аббасидскую цивилизацию, и та скорее следовала традициям, доставшимся ей от царств Месопотамии и Ирана. Только в Испании, куда бежали Омейяды, ища приюта, эллинистическое влияние продержалось несколько дольше.

Тем не менее множеству христиан при Аббасидах жилось совсем не плохо. Мусульманские авторы, например аль-Джахиз в IX веке, порой обрушивались на них с яростными нападкамии, но лишь потому, что христиане слишком уж преуспевали и начинали проявлять высокомерие и пренебрегать ограничительными законами. Патриарх Иерусалимский в послании патриарху Константинопольскому, написанному примерно в то же время, так отзывается о мусульманских властях: они «справедливы, не притесняют нас и не чинят насилия». Они и впрямь часто проявляли поразительную справедливость и сдержанность. Когда в X веке арабы несли потери в войнах с Византией и арабская чернь нападала на христиан, разгневанная их нескрываеимой симпатией к врагу, халиф всегда возмещал им причиненный ущерб. Возможно, его действия объяснялись страхом перед возрожденной мощью императора, тем более что в его владениях на тот момент проживали мусульмане, которых он мог бы подвергнуть гонениям в отместку^[6]. Православные церкви, имея за спиной поддержку иноземной державы, находились в благоприятном положении. В начале X века несторианин католикос Авраам III во время диспута с православным патриархом Антиохии сказал великому визирю: «Мы, несториане, друзья арабам и молимся за их победы», а затем прибавил: «Негоже вам смотреть на несториан, у которых нет иного царя, кроме арабского, как на греков,

чей царь непрестанно воюет с арабами». Однако победить в споре ему помогли не доводы, а дар в две тысячи золотых монет. Единственную группу христиан, к которым арабы были неизменно враждебны, составляли крещенные чистокровные арабы, такие как Бану Гассан или Бану Танух. Такие кланы принуждали перейти в ислам, а тем, кто упорствовал, приходилось искать себе пристанище за границей в Византии.

Переселение христиан на территорию императора шло непрерывно, да и мусульмане им никак не препятствовали. По-видимому, они также не принимали последовательных мер, чтобы помешать христианам внутри и вне халифата поддерживать тесные отношения даже во времена войны. На протяжении большей части аббасидского периода византийский император был недостаточно силен и не мог сделать многого для своих единоверцев. Провал арабов у Константинополя в 718 году гарантировал, что империя продолжит существовать, но прошло два века, прежде чем Византия смогла предпринять серьезное наступление против арабов. Между тем православные Востока обрели нового чужеземного друга. Подъем империи Каролингов в VIII веке не прошел незамеченным на Востоке. Когда в конце столетия Карл Великий, которого вскоре коронуют императором в Риме, выказал особое внимание к положению дел в Святой земле, его интерес встретили с огромным одобрением. Халиф Харун ар-Рашид, который был рад найти себе союзника в борьбе с Византией, всячески поощрял его старания основывать заведения в Иеру салиме и посылать средства тамошней церкви. На какое-то время Карл заменил византийского императора в качестве монарха, чье могущество было гарантией безопасности для православных в Палестине; и они отплатили за милость тем, что прислали королю знаки своего глубокого почтения. Однако из-за упадка его империи под властью потомков и возрождения Византии участие франков было краткосрочным, и вскоре о нем уже почти ничто не напоминало, кроме разве что гостиниц для паломников, построенных Карлом, и латинских богослужений, проводившихся в храме Святой Марии

Латинской, да еще латинских монахинь, служивших при храме Гроба Господня. Но на Западе об этом не забыли. В легендах и преданиях роль Карла преувеличивалась. Вскоре распространилась уверенность, что Карл учредил законный протекторат над святыми местами, а потом что будто бы он даже самолично ездил туда с паломничеством. Франкам последующих поколений право управлять Иерусалимом казалось само собой разумеющимся и законным.

Восточных христиан ближе касалось возрождение византийского могущества. В начале IX века империя пока еще находилась в обороне. Сицилия и Крит были потеряны и отошли к мусульманам; почти каждый год арабы совершали масштабные нашествия в самое сердце Малой Азии. В середине века, в основном благодаря разумной экономической политике императрицы-регентши Феодоры, удалось реорганизовать и переоснастить византийский флот. Благодаря его силе на море Византия снова подтвердила свое владычество над Южной Италией и Далмацией. В начале X века Аббасидский халифат начал быстро деградировать. Возвышались династии на местах, главными из которых были Хамданиды Мосула и Халеба (Алеппо) и Ихшидиды Египта. Первые были прекрасными воинами и рьяными мусульманами и на какое-то время сформировали оплот против византийской агрессии. Но они не могли остановить упадка мусульманской державы. Напротив, они усугубили его, развязывая междоусобицы. В ходе этих гражданских войн Ихшидиды овладели Палестиной и Южной Сирией. Византийцы не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией. Сначала их наступление было осторожным, но к 949 году, несмотря на доблесть хамданидского правителя Сайфа ад-Даулы, византийский военачальник Иоанн Куркуас завоевал для империи города и области в Верхней Месопотамии, которые уже три века не видели христианских войск. После 960 года, когда во главе императорской армии встал великий воитель Никифор Фока, события стали развиваться быстрее. В 961 году Никифор отвоевал Крит. В 962 году он провел кампанию на киликийской границе и

взял Аназарб и Мараш (Германикею), таким образом изолировав мусульманскую Киликию. В 963 году Никифор занимался домашними делами, планируя государственный переворот, в ходе которого при помощи императрицы-регентши пришел к власти. В 964 году он вернулся на Восток. В 965 году завершил завоевание Киликии, а экспедиция, посланная на Кипр, вернула остров под полный контроль византийцев. В 966 году Никифор действовал на Среднем Евфрате, чтобы прервать сообщение между Халебом и Мосулом. Он взбудоражил весь христианский Восток, который увидел в нем своего скорейшего избавителя. Патриарх Иерусалимский Иоанн обратился к нему с призывом поспешить в Палестину. Но этот изменнический поступок в кои-то веки переполнил чашу терпения мусульман. Разъяренная толпа местных жителей схватила Иоанна и сожгла на костре.

Надежды Иоанна оказались скороспелыми. В 967 и 968 годах Никифор занимался своими северными границами. Но в 969 году он снова возглавил поход на восток, в самое сердце Сирии. Он прошел по долине Оронта, захватывая и грабя один за другим крупные города Шайзар, Хаму и Хомс, и добрался до окраин Триполи на побережье. Затем он повернул на север, оставив за собой Тортосу, Джабалу и Латакию в языках пламени, а его командиры осадили Антиохию и Халеб. Древний город Антиохия пал в октябре. Халеб сдался в конце года.

Антиохия, где христиан, пожалуй, было больше, чем мусульман, вошла в состав империи, и мусульманам, по-видимому, пришлось ее покинуть. Халеб, полностью мусульманский город, стал вассальным. Договор, заключенный с его правителем, тщательно определял границы между новой имперской провинцией и городами-данниками. Правителя Халеба должен был назначать император. Вассальное государство должно было выплачивать непосредственно в императорскую казну обременительные подати, от которых христиане освобождались. Имперские купцы и караваны получали особые привилегии и защиту. Эти унижительные условия,

казалось, предвещали окончательный крах мусульманскому господству в Сирии.

Прежде чем пал Халеб, император погиб в Константинополе от рук императрицы и ее любовника — племянника Никифора Иоанна Цимисхия. Никифор был мрачным и малопривлекательным человеком. Несмотря на его военные победы, в Константинополе его ненавидели за денежные поборы и коррупцию, а также острые разногласия с церковью. Иоанн, уже успевший прославиться как блестящий полководец, сумел без труда сесть на трон и примирился с церковью, отвергнув свою высокопоставленную любовницу. Однако война с Болгарией продержала его в Европе следующие четыре года. Между тем вновь поднял голову ислам во главе с династией Фатимидов, которая воцарилась в Египте и Южной Сирии, а в 971 году даже попыталась отвоевать Антиохию. В 974 году Иоанн смог уделить внимание Востоку. Той же осенью он отправился в Восточную Месопотамию, захватил Нисибин и превратил Мосул в вассальную территорию и даже стал обдумывать молниеносный бросок на Багдад. Однако император понимал, что Фатимиды — куда более опасные противники, чем их соперники Аббасиды, и следующей весной отправился в Сирию. Идя по стопам Никифора, который прошел там за шесть лет до него, Иоанн пронесся по долине Оронта, мимо Хомса, который сдался без боя, и Баальбека, взятого силой, прямо в Дамаск, который пообещал ему дань и смиренную дружбу. Оттуда византийцы двинулись в Галилею, к Тивериаде и Назарету, затем к побережью у Кесарии. Из Иерусалима к императору явились посланцы с мольбами пощадить их и не подвергать город ужасам разграбления. Однако он понимал, что пока ему недостает сил, чтобы идти на сам Святой город, когда у него за спиной остаются непокоренные города финикийского побережья. Он отошел на север, овладел ими один за другим, за исключением укрепленного порта Триполи. Близилась зима, и императору пришлось отложить поход до более благоприятного времени года. По дороге назад в Антиохию он захватил две крупные крепости в горах ан-

Нусайрия — Барзуйя и Сахьюн — и поставил там свои гарнизоны, а затем вернулся в Константинополь. Но больше уже его кампания не возобновилась. В январе 976 года его постигла внезапная смерть.

Эти войны вновь сделали христианскую империю огромным фактором влияния на Востоке. Более того, они превратились в религиозные, когда перед христианами на Востоке забрезжила перспектива освобождения. До той поры вооруженные конфликты с мусульманами были самыми обычными, велись для обороны империи и, можно сказать, вошли в повседневную жизнь. Хотя порой какой-нибудь одержавший победу мусульманин-фанатик ставил пленных христиан перед выбором — отречься от Христа или умереть, и, хотя их мученическую кончину помнили и почитали, таких случаев было немного. В глазах византийского общества гибель в бою ради защиты от неверных арабов считалась не более почетной, нежели смерть на войне от рук болгарских христиан; да и церковь не проводила таких различий. Но Никифор и Иоанн заявили, что отныне борьба идет во славу христианства, ради избавления святых мест и уничтожения ислама. Уже в тот момент, когда император праздновал свой триумф над сарацинами, хор пел: «Слава Господу, победителю сарацин»^[7]. Никифор подчеркивал, что ведет христианскую войну, возможно, отчасти для того, чтобы наладить отношения с церковью. Он не сумел вынудить патриарха подтвердить указ, которым солдаты, павшие на восточном фронте, объявлялись мучениками, ибо с точки зрения восточной церкви даже военная необходимость не оправдывала акт убийства. Но в своем оскорбительном манифесте в адрес халифа, который император послал тому перед началом кампании 964 года, он представлял себя заступником христианской веры и даже угрожал пойти на Мекку и установить там престол Христа. Иоанн Цимисхий прибегал к аналогичным формулировкам. В письме царю Армении, говоря о своей кампании 974 года, он пишет: «Мы желали освободить Гроб Господень от мусульманского поругания». Он рассказывает, что пощадил галилейские города от разграбления, памятуя об

их роли в истории христианской веры, а говоря о вынужденной остановке перед Триполи, прибавляет, что, если бы не это, то он был отправился в Святой город Иерусалим и помолился бы у тамошних святынь.

Арабы всегда больше придавали войне религиозный характер, но и они потеряли былое рвение. Теперь же, напуганные христианами, они попытались вновь разжечь праведный пыл. В 974 году мятежи в Багдаде заставили халифа, которого лично вовсе не огорчил разгром Фатимидов, объявить священную войну — джихад. Казалось, что наконец-то Святая земля вернется под власть христиан. Но православные Палестины ждали напрасно. Преемник Иоанна, законный император Василий II, несмотря на военную доблесть, так и не получил возможности продолжить наступление на юг. Междоусобицы, за которыми последовала долгая война с болгарами, требовали его безраздельного внимания. Лишь дважды он смог побывать в Сирии — чтобы восстановить господство Византии над Халебом в 995 году и дойти до самого Триполи в 999-м. В 1001 году он решил, что дальнейшие завоевания бессмысленны. С халифом Фатимидов заключили перемирие на 10 лет, и затем более чем на полвека воцарился мир, который почти не нарушался. Граница между империями прошла по линии побережья между Баниясом и Тортосой до Оронта южнее Кесарии-Шайзара. Халеб официально оставался в сфере влияния Византии, но династия Мирдасидов, основанная там в 1023 году, вскоре приобрела фактическую независимость. В 1030 году ее эмир нанес разгромное поражение византийской армии. Однако на следующий год Византийская империя компенсировала себе потерю Халеба поглощением Эдессы^[8].

Мир устраивал и византийцев, и Фатимидов, ибо и те и другие были встревожены возрождением Багдадского халифата при тюрках, пришедших в поисках лучшей доли из Центральной Азии. Фатимидский правитель, которого мусульмане-шииты считали истинным халифом, не мог допустить того, чтобы Аббасиды укрепили свои притязания; а Византия считала свою восточную границу

более уязвимой, чем южная. Страх перед тюрками заставил Василия II сначала аннексировать армянские провинции, лежавшие ближе всего к империи, а затем захватить самые юго-восточные районы страны — княжество Васпуракан. Его преемники продолжили ту же политику. В 1045 году царь Ани, главный правитель Армении, передал свои земли императору. В 1064 году империя поглотила последнее независимое армянское государство — Карсское царство.

Присоединение Армении было продиктовано военными соображениями. Опыт учил тому, что на армянских князей нельзя полагаться. Да, они были христиане и не могли ожидать никаких выгод от мусульманского завоевания, все же они оставались еретиками и, будучи таковыми, ненавидели православных еще более страстно, чем любых мусульман-угнетателей. Несмотря на постоянную торговлю и культурные связи, несмотря на то, что множество армян переселилось в империю и добилось там высочайшего положения, враждебность так и не угасла. Однако, как показала прошлая приграничная война, из долин Армении было легко проникнуть в самое сердце Малой Азии. С военной точки зрения власти проявили бы непростительную глупость, если бы не попытались взять под свой контроль такой чреватый опасностями регион. Однако в политическом смысле присоединение оказалось не столь благоразумным. Армяне противились византийскому правлению. Хотя византийцы могли укомплектовать границы своими гарнизонами, внутри этих границ проживало многочисленное и недовольное население, всегда готовое на измену и уже сейчас, не связанное узами верности с местным правителем, принявшееся бродить по империи, распространяя беззаконие. Более прозорливый государственный муж, не такой одержимый военными победами, как византийские императоры-полководцы, не торопился бы создать армянский вопрос, уничтожая единство империи и прибавляя к ее подданным строптивое меньшинство.

Северная Сирия перешла в руки христиан, но христиане Южной Сирии и Палестины находили бремя владычества Фатимидов не таким уж тяжким. Им пришлось пережить лишь один короткий период гонений, когда халиф аль-Хаким, сын матери-христианки и воспитанный в основном христианами, внезапно обрушился против авторитетов и догм, окружавших его в детстве. В течение десяти лет, с 1004 по 1014 год, несмотря на все увещания императора, он издавал указы против христиан; он конфисковал церковное имущество, потом стал сжигать кресты и приказывал строить маленькие мечети прямо на крышах церквей, а в конце концов приказал сжечь и церкви. В 1009 году он повелел разрушить сам храм Гроба Господня на том основании, что ежегодное чудо схождения благодатного огня, отмечаемое там в канун Пасхи, — кощунственная подделка, и это не может быть иначе. К 1014 году около тридцати тысяч церквей было разграблено и сожжено, и многие христиане ради спасения собственной жизни для виду приняли ислам. Подобные же меры принимались и против евреев. Однако нужно заметить, что и мусульмане тоже подвергались огульному притеснению со стороны своего религиозного вождя, который при этом не перестал брать к себе на службу христиан. В 1013 году в качестве уступки императору христианам было позволено переселиться на территорию Византии. Гонения остановились лишь тогда, когда аль-Хаким стал убежден в своей собственной божественности. Об этом публично объявил его друг ад-Дарази в 1016 году. Поскольку мусульман подобное поведение повелителя и единоверца шокировало куда сильнее, чем могло бы шокировать неверных, аль-Хаким стал покровительствовать христианам и евреям и нанес удар уже по мусульманам, запретив им поститься на Рамадан и совершать паломничество в Мекку. В 1017 году он дал полную свободу вероисповедания христианам и иудеям. Вскоре около шести тысяч недавно отрекшихся вернулись в паству. В 1020 году церквям вернули конфискованное имущество, в том числе и материалы, взятые из развалин строений. В то же время был отменен закон, требовавший

от иноверцев одеваться иначе. Но к тому времени халиф, который велел на богослужениях в мечети произносить его имя вместо имени Аллаха, уже успел вызвать к себе ярость со стороны мусульман. Ад-Дарази бежал в Ливан и основал там секту, чьи приверженцы стали называться друзами от его собственного имени. Аль-Хаким исчез в 1021 году. Вероятно, с халифом расправилась его честолюбивая сестра Ситт аль-Мульк; но его судьба по сию пору остается покрыта тайной. Друзы верят, что в положенное время он вернется вновь.

После смерти аль-Хакима Палестиной некоторое время владел эмир Халеба Салих ибн Мирдас, но в 1029 году Фатимиды вернули себе полную власть над нею. В 1027 году уже был подписан договор, который позволял императору Константину VIII заняться восстановлением храма Гроба Господня и разрешал еще оставшимся вероотступникам вернуться в христианство без наказания. Договор возобновили в 1036 году, но фактические работы по перестройке храма начались лишь около десяти лет спустя, при императоре Константине IX. Чтобы присматривать за работами, имперские чиновники беспрепятственно приезжали в Иерусалим, где полностью всем распоряжались, к отвращению местных мусульман и приезжих христиан^[9]. По улицам ходило столько византийцев, что среди мусульман поползли слухи, будто приехал сам император. Там процветала колония купцов из Амальфи под протекцией халифа, которая протестовала против того, что их итальянская родина находилась в вассальной зависимости от императора, чтобы разделить получаемые его подданными привилегии. Страх перед византийским могуществом охранял благополучие христиан. Персидский путешественник Насир Хосров, побывавший в Триполи в 1047 году, рассказывает, что в гавани стояло множество греческих торговых кораблей и жители опасались нападения византийского военного флота^[10].

В середине XI века христианам жилось в Палестине на редкость привольно. Мусульманские власти не свирепствовали, император заботился об их интересах.

Торговля процветала, расширялись коммерческие связи с заморскими христианскими странами. И еще никогда раньше Иерусалим не пользовался такой любовью и богатством, которые принесли ему паломники с Запада.

Глава 3. Паломники Христа

Вот, стоят ноги наши во вратах твоих, Иерусалим.

Псалом 121: 2

Склонность к паломничеству глубоко коренится в человеческой натуре. Стоя на той же земле, где когда-то стояли те, перед кем мы благоговеем, глядя своими глазами на те самые места, где они родились, жили и умерли, мы исполняем ощущение мистической связи с ними и получаем возможность действительно выразить свое преклонение. И если у великих людей всего мира есть свои святилища, куда их поклонники сходятся из дальних уголков, то еще охотнее стекаются толпы к тем местам, где, по их убеждению, землю освятило присутствие самого божества.

В первые дни христианства паломники встречались нечасто. Ранняя христианская мысль, как правило, ставила на первое место божественность и всеобщность Христа, а не его человечность; да и римские власти не поощряли поездок в Палестину. Сам Иерусалим, разрушенный Титом, лежал в руинах, пока Адриан не перестроил его как римский город Аэлию. Но христиане хранили память о том, где разыгралась драма жизни Христа. Они так почитали Голгофу, что Адриан намеренно возвел там храм Венеры Капитолийской. В III веке была всем известна пещера в Вифлееме, где родился Христос, и христиане отправлялись туда, как и на Масличную гору, в Гефсиманский сад и к месту Вознесения. Путешествия в эти святые места, чтобы помолиться и обрести духовные заслуги, уже успели войти в христианскую практику^[11].

С триумфальным шествием Креста паломничества распространялись все шире. Император Константин охотно укреплял избранную им религию. Его мать, императрица Елена, самая высокопоставленная и удачливая из великих археологов мира, отправилась в

Палестину, открыла Голгофу и отыскала все реликвии Страстей Господних. Император поддержал ее открытия тем, что построил там церковь, которая сквозь все превратности оставалась главной святыней христианства, — храм Гроба Господня.

К месту Елениных трудов тут же хлынул поток паломников. Невозможно сказать, сколько их было, поскольку в большинстве своем они не оставляли никаких сведений о своих путешествиях. Но уже в 333 году, еще до окончания раскопок, один странник оставил нам описание своего пути в Палестину от самого Бордо. Вскоре после этого мы находим описание поездки, которую предприняла одна неутомимая дама — одни называют ее Эгерией или Этерией, а другие — блаженной Сильвией Аквитанской. В конце века один из великих отцов латинской церкви — святой Иероним — обосновался в Палестине и увлек за собой кружок богатых и модных женщин, сидевших в Италии у его ног. В своей вифлеемской келье он принимал паломников, которые шли к нему непрерывной вереницей, чтобы отдать ему дань уважения, поглядев на святые места^[12]. Святой Августин, самый духовно возвышенный из западных отцов церкви, считал, что паломничества не представляют важности и даже опасны, и греческие отцы в основном с ним согласны^[13]. Однако святой Иероним, хотя и не утверждал, что факт проживания в Иерусалиме имеет хоть какую-то религиозную ценность, все же говорил, что человек, молящийся в тех местах, где Христос ступал собственными ногами, совершает акт веры. Его мнение было популярнее, чем мнение Августина. Паломников при поддержке властей становилось все больше. По некоторым сведениям, к началу следующего века в самом Иерусалиме и его окрестностях насчитывалось уже двести монастырей и странноприимных домов, построенных для приема паломников, и почти все они находились под патронажем императора.

Середина V века стала zenитом этой новой популярности Иерусалима. Императрица Евдокия, дочь философа-язычника из Афин, не обрета счастья при дворе,

поселилась там, и многие набожные представители византийской аристократии последовали ее примеру. В перерывах между написанием стихов она оказывала поддержку растущей моде на собирание реликвий, императрица заложила основание крупной коллекции в Константинополе, прислав туда икону Божьей Матери, написанную святым Лукой.

Ее примеру последовали паломники и с Запада, и из Константинополя. С незапамятных времен предметы материальной роскоши шли в Европу с Востока. Теперь же на Запад потекли и предметы роскоши религиозной. Вначале христианство считалось восточной религией. Большинство раннехристианских святых и мучеников родилось на Востоке. Поклонение святым распространялось все шире. Такие авторитеты, как Пруденций и Эннодий, учили тому, что у мест их упокоения можно обрести помощь свыше и что их останки чудотворны^[14]. Теперь мужчины и женщины были готовы проделать дальний путь, чтобы посмотреть на святыни. Больше того, они старались заполучить святыню в свои руки, чтобы отвезти ее домой и поместить в тамошнем храме. Главные реликвии — связанные с Христом — оставались на Востоке, пока их не перевезли в Константинополь, а святых — как правило, туда, где они родились. Но кое-какие реликвии попроще стали проникать на Запад, привозимые отдельными счастливыми пилигримами и предприимчивыми купцами или присланные в дар какому-нибудь правителю. Вскоре последовали небольшие части более важных святынь, а потом и сами они целиком. Все это помогло привлечь внимание Запада к Востоку. Вполне ожидаемо жителей Лангра, гордых обладателей пальца святого Маманта, в конце концов охватывало стремление побывать в каппадокийской Кесарии, где когда-то жил святой. Монахини Шамальера, которые хранили у себя в часовне мощи святой Феклы, живо интересовались местом ее рождения в Селевкий Исаурийской. Когда правительница Морьена привезла из своих путешествий большой палец святого Иоанна Крестителя, все ее подруги

воспылали желанием поехать и посмотреть на его тело в Самарии и голову в Дамаске. Целые посольства будут отправляться в путь в надежде раздобыть такое сокровище, может быть, даже чашу со Святой Кровью или частицу самого Животворящего Креста. На Западе воздвигались церкви в честь восточных святых и Гроба Господня, и нередко часть их доходов откладывали на то, чтобы посылать деньги в святые места, в честь которых они были названы.

Этим взаимным связям способствовала торговая деятельность, которая по-прежнему велась на побережьях Средиземного моря. Постепенно она приходила в упадок по причине все большего обнищания Запада, а время от времени прерывалась, как, например, когда в середине V века море стало небезопасным для безоружных купцов из-за пиратов-вандалов; и положение еще больше осложнялось из-за вражды и ересей на Востоке. Однако до наших дней дошло множество путевых заметок, написанных в VI веке паломниками с Запада, которые отправлялись на Восток на греческих или сирийских торговых судах; да и сами купцы, помимо пассажиров и товаров, доставляли с собой религиозные новости и слухи. Благодаря путешественникам и торговцам историк Григорий Турский был прекрасно осведомлен о делах на Востоке. Существует изложение беседы, состоявшейся между святым Симеоном Столпником и сирийским купцом, который пришел посмотреть на него на столпе возле Халеба. Симеон спросил о новостях о святой Женефеве (Геновеве) Парижской и попросил передать ей привет. Несмотря на религиозные и политические ссоры высших властей, отношения между восточными и западными христианами оставались весьма тесными и душевными.

Арабские завоевания поставили крест на этой эпохе. Сирийские купцы уже не приходили к берегам Франции и Италии с товарами и новостями. В Средиземном море снова появились пираты. Мусульманские правители Палестины подозрительно относились к приезжающим из-за границ христианам. Поездка обходилась дорого и

давалась трудно, а у западного христианства было туго с деньгами. Однако общение не прервалось полностью. Западные христиане все так же стремились к восточным святыням и тосковали по ним. Когда в 682 году папу Мартина I обвинили в дружественных отношениях с мусульманами, он объяснил, что им двигало желание получить от них дозволение посылать денежную помощь в Иерусалим. В 670 году франкский епископ Аркульф отправился на Восток и сумел вдоль и поперек объездить Египет, Сирию и Палестину и вернуться через Константинополь, однако его путешествие заняло несколько лет, и он пережил немало лишений. Мы знаем имена и других паломников того времени, например святого Ульфийа из Рю в Пикардии или святого Берхария из Монтье-ан-Дер в Бургундии и его друга Вемера. Но их истории свидетельствуют о том, что только самые стойкие и предприимчивые люди могли рассчитывать добраться до Иерусалима. Похоже, женщины даже не осмеливались отправляться в паломничество.

На протяжении VIII века число паломников возрастало. Люди приезжали даже из Англии; из них самым знаменитым был Виллибальд, который умер в 781 году, будучи епископом Эйхштадта в Баварии. В юности он отправился в Палестину, выехав из Рима в 722 году, и вернулся после многих злоключений в 729-м. В конце века, вероятно, предпринимались попытки сделать паломничества более организованными под патронажем Карла Великого. Карл восстановил порядок, вернул Западу некоторое процветание и установил добрые отношения с халифом Харуном ар-Рашидом. С его помощью возводились гостиницы для пилигримов в Святой земле, и это говорит нам о том, что в его времена немало паломников добиралось до Иерусалима, в том числе и женщин. Монахини христианской Испании приезжали служить при Гробе Господнем. Но такое положение дел продлилось недолго. Империя Карла пришла в упадок. Мусульманские пираты снова появились в Восточном Средиземноморье, а с запада явились скандинавские пираты. Бернард Мудрый, прибыв в 870 году из Бретани в Палестину, обнаружил, что основанные Карлом заведения

все еще работают, но опустели и обветшали. Бернард смог совершить это путешествие только благодаря тому, что получил разрешение на проезд у мусульманских властей, которые управляли городом Бари в Южной Италии, но даже это разрешение не позволяло ему высадиться в Александрии.

Великая эпоха паломничеств началась в X веке. В течение века арабы потеряли свои пиратские аванпосты в Италии и Южной Франции, а в 961 году у них отняли и Крит. Уже к тому времени византийский флот сумел в достаточной мере овладеть морями, чтобы морская торговля в Средиземноморье полностью восстановилась. Греческие и итальянские торговые суда свободно курсировали между портами Италии и Византии и даже, при расположении мусульманских властей, начинали налаживать торговлю с Сирией и Египтом. Паломнику стало легко добраться напрямую из Венеции или Бари до Триполи или Александрии, хотя большинство путешественников предпочитало заехать по дороге в Константинополь посмотреть на его богатые собрания реликвий, а оттуда продолжить путь по морю или по суше, ибо последние военные успехи византийцев сделали дороги безопасными. В самой Палестине мусульманские власти, будь то аббасидские, ихшидидские или фатимидские, редко чинили препятствия путникам и даже, напротив, приветствовали их, ведь те приносили провинции богатство.

Улучшение условий для паломников оказало влияние на западную религиозную мысль. Точно неизвестно, в каком веке паломничества впервые стали назначаться в качестве церковного наказания. Все раннесредневековые *roenitentialia* рекомендуют совершать паломничество, но обычно не указывают конкретного места назначения. Однако постепенно росла вера в то, что те или иные святые обладают особой духовной ценностью, которая воздействует на тех, кто их посещает, и даже могут даровать им отпущение грехов. Так, паломник знал, что может не только поклониться земным останкам и местам пребывания Господа и его святых и таким образом

вступить с ними в мистическое соприкосновение, но и заслужить Божье прощение за свои дурные поступки. Начиная с X века считалось, что особенной такой силой обладают четыре рода святилищ: Святого Иакова в испанской Компостеле и Михаила в Монте-Гаргано в Италии, многие священные места в Риме, но в первую очередь в Палестине. Теперь туда стало добратся гораздо проще благодаря либо отступлению, либо доброй воле мусульман. Но путешествие все же оставалось довольно долгим и утомительным и потому удовлетворяло и практическим соображениям, и религиозным чувствам средневекового человека. Весьма разумное решение — на год или дольше удалить преступника оттуда, где он нарушил закон. Трудность и дороговизна пути станут ему наказанием, а достижение цели и сопутствующая эмоциональная атмосфера дадут чувство духовного очищения и силы. И он вернется исправленным^[15].

Краткие упоминания в хрониках часто говорят нам о паломничествах, хотя, разумеется, до нас дошли имена только самых высокопоставленных из тех, кто их совершал. Среди великих аристократов Запада, отправившихся на Восток, была Хильда, графиня Швабская, скончавшаяся в пути в 969 году, и Юдифь, герцогиня Баварская, невестка германского императора Оттона I, чье паломничество состоялось в 970 году. Графы Ардеша, Вены, Вердена, Арси, Ангальта и Гориции — все они были паломниками. Еще более истово предавались этому занятию высшие церковные иерархи. Святой Конрад, епископ Констанцкий, совершил три путешествия в Иерусалим, а святой Иоанн, епископ Пармский, — не менее шести. Епископ Оливольский побывал там в 920 году. В числе паломников были аббаты Сен-Сибара, Флавиньи, Орийака, Сент-Обен-д'Анжера и Монтье-ан-Дера. Все эти высокопоставленные пилигримы путешествовали в обществе мужчин и женщин более скромного положения, чьи имена не интересовали писателей той эпохи.

Все это было возможно в основном благодаря частным предпринимателям. Однако в европейской

политике начала зарождаться новая сила, которая, не считая своих прочих задач, взялась за организацию паломнических поездок. В 910 году герцог Гийом I Аквитанский основал Ключийское аббатство. К концу того же века под руководством ряда выдающихся настоятелей оно превратилось в центр обширной церковной сети, прекрасно организованной, сплоченной и тесно связанной с папским престолом. Ключийцы считали себя попечителями совести западного христианства. Их учение одобряло паломничество, и они хотели оказать им практическое содействие. К началу следующего века они почти полностью взяли под свой контроль поездки к великим испанским святыням. В то же время они начали организовывать и популяризировать путешествия в Иерусалим. Именно благодаря их убеждению аббат Ставло отправился в Святую землю в 990 году, а граф Верденский — в 997 году. Об ключийском влиянии свидетельствует огромный рост числа паломников из Франции и Лотарингии в XI веке, из областей, близко расположенных к Ключни и дочерним монастырям. Хотя среди пилигримов XI века все еще было много германцев, как, например, архиепископы Трирский и Майнцкий и епископ Бамбергский, а также множество путников из Англии, французские и лотарингские паломники намного превосходили их численностью. Две великие династии Северной Франции — графы Анжуйские и герцоги Нормандские, несмотря на взаимное соперничество, поддерживали тесные связи с Ключийским аббатством, и обе покровительствовали путешествиям на Восток. Ужасный Фульк Нерра, граф Анжуйский, отправился в Иерусалим в 1002 году и еще дважды возвращался туда потом. Герцог Ричард III Нормандский посылал туда пожертвования, а герцог Роберт возглавил там крупную кампанию в 1035 году. Все эти паломничества добросовестно записывал ключийский историк, монах Глабер.

Нормандцы последовали примеру своего герцога. Они особо почитали святого Михаила и в огромном числе отправлялись к Монте-Гаргано. Оттуда самые предприимчивые продолжали путь в Палестину. В

середине века они составляли такую большую и такую рьяную долю палестинских паломников, что константинопольское правительство, озлобленное на нормандцев за их набеги на византийскую Италию, начало неодобрительно смотреть на все паломническое движение^[16]. Сородичи нормандцев из Скандинавии отличались почти таким же энтузиазмом. Северяне еще издавна приезжали в Константинополь, и тамошние богатства и чудеса производили на них большое впечатление. На своей северной родине они вели разговоры о Миклагарде, как они называли великий город, и порой даже отождествляли его с Асгардом, домом богов. Уже в 930 году в армии императора служили скандинавы. В начале XI века их стало так много, что было сформировано отдельное скандинавское подразделение — знаменитая варяжская стража. Варяги вскоре взяли себе за привычку брать отпуск для того, чтобы съездить в Иерусалим. Первым из них, о ком до нас дошли хоть какие-то сведения, был некий Кольскегг, побывавший в Палестине в 992 году. Харальд Хардероде — Харальд Суровый, самый знаменитый из варягов, побывал там в 1034 году. На протяжении XI века множество норвежцев, исландцев и датчан, которые проводили на императорской службе по пять и более лет, затем отправлялись в паломничество, а потом уже возвращались со всеми своими накоплениями на северную родину. Воодушевленные их рассказами, друзья отправлялись на юг только ради того, чтобы там побывать. Апостол Исландии Торвальд Кодранссон по прозвищу Путешественник приезжал в Иерусалим около 990 года. Некоторые пилигримы с севера утверждали, что видели там Олава Трюггвасона, первого христианского короля Норвегии, после его таинственного исчезновения в 1000 году. Олаф II намеревался последовать его примеру, но его путешествие состоялось только в легенде. Эти северные властелины были людьми необузданными, нередко они были виновны в убийствах и нуждались в покаянии. Полудатчанин Свен Годвинссон отправился вместе с группой англичан в 1051 году отмаливать убийство, но следующей же осенью умер от холода в анатолийских

горах, ибо ради искупления грехов шел босым. Легман Гудредссон, норвежский король Мэна, убивший своего брата, отправился просить у Бога прощения таким же способом. Большинство скандинавских паломников предпочитали ехать кругом — по морю через пролив Гибралтар и обратно по суше через Русь.

Паломники западных стран в X веке должны были добираться по Средиземному морю до Константинополя или Сирии. Но плата за проезд была высока, и коек на всех не хватало. В 975 году правители Венгрии приняли христианство, и тогда открылась дорога по суше — сначала по Дунаю и затем через Балканы до Константинополя. До 1019 года, когда Византия окончательно взяла под свой контроль весь Балканский полуостров, это была опасная дорога; но с тех пор путник мог, почти не рискуя, доехать через Венгрию до византийской границы у Белграда, а оттуда через Софию и Адрианополь до столицы. Либо он мог направиться в византийскую Италию и совершить короткое путешествие по морю от Бари до Диррахия, а оттуда по старой римской Эгнатиевой дороге проследовать через Фессалонику до Босфора. Оттуда вело три удобные и широкие дороги, которые вели через Малую Азию в Антиохию. Далее путь шел на побережье к Латакии и возле Тортосы перебирался на территорию, подвластную Фатимидам. Это была единственная граница, которую приходилось пересекать путешественнику после отбытия из Белграда или Термоли в Италии и оттуда он мог без помех добраться до Иерусалима. Путь по суше, хотя и небыстрый, обходился гораздо дешевле и был проще, чем по морю, а также гораздо лучше подходил для больших групп.

Пока паломники вели себя благонаравно, они могли рассчитывать на гостеприимное отношение со стороны византийских крестьян, и вдоль всей первой половины пути клонийцы начали строить странноприимные дома. В Италии было несколько монастырских гостиниц, некоторые принимали исключительно скандинавов. В австрийском Мельке находилась известная и крупная гостиница. В Константинополе странноприимный дом

Святого Сампсона отвели для паломников с Запада, а на окраинах Родосто клонийцы держали свое заведение. В самом Иерусалиме богомольцы могли остановиться в больнице Святого Иоанна, основанной купцами из Амальфи. Никто не возражал против того, чтобы великие сеньоры Запада привозили с собой вооруженный эскорт, если только он вел себя дисциплинированно, и большинство паломников старалось присоединиться к подобной компании. Однако довольно часто люди путешествовали поодиночке, парой или втроем и не особенно рисковали при этом. Порой, конечно, возникали трудности. Во время гонений аль-Хакима останавливаться в Палестине надолго было небезопасно, хотя поток паломников никогда полностью не прерывался. В 1055 году считалось чреватым переходить через границу на мусульманскую территорию. Литберту, епископу Камбре, правитель Латакии не дал разрешения на выезд, и он был вынужден отправиться на Кипр^[17]. В 1056 году мусульмане, быть может при потворстве императора, запретили приезжим с Запада заходить в храм Гроба Господня и выдворили из Иерусалима около трехсот человек. Василий II и его племянница императрица Феодора нанесли паломникам обиду, велев своим таможенным чиновникам взимать пошлину с путников и их лошадей. Папа Виктор II в письме от декабря 1056 года молил императрицу отменить ее распоряжение, и из его письма напрашивается вывод, что ее чиновники находились и в самом Иерусалиме.

Однако такие осложнения случались редко. На протяжении всего XI столетия вплоть до двух его последних десятилетий непрерывная людская река текла на Восток. Порой они путешествовали целыми тысячами человек, мужчин и женщин любых возрастов и классов, проводя год или больше в пути в тот неторопливый век. Они останавливались в Константинополе, чтобы полюбоваться огромной столицей, вдесятеро превышавшей любой известный им город Запада, и поклониться хранящимся там святыням. Там они могли увидеть Терновый Венец, Ризу Господню и все важнейшие

Орудия Страстей. Там хранился плат из Эдессы, на котором отпечатался лик Христа, и икона Божьей Матери, собственноручно написанная святым Лукой; волос с головы Иоанна Крестителя и накидка Илии; мощи бесчисленных святых, пророков и мучеников; бездонная сокровищница святынь христианства. Оттуда богомольцы продолжали путь в Палестину, в Назарет и на гору Тавор, к Иордану и Вифлеему и ко всем святилищам Иерусалима. Поглядев на святыни и помолившись у них, они отправлялись в долгий путь домой, возвращаясь укрепленными в вере и очищенными, а соотечественники встречали их как паломников во славу Христа, совершивших самое возвышенное из путешествий.

Но успех паломничества зависел от двух условий: во-первых, в Палестине должен царить достаточный порядок, чтобы беззащитный путник мог приехать и преклонить колени, не подвергаясь опасностям; и, во-вторых, дорога должна быть открыта, а расходы — невелики. Для первого требовался мир и доброжелательное правительство мусульманских стран, а для второго — благоденствие и благоволение Византии.

Глава 4. Крах близится

Среди мира идет на него губитель.

Книга Иова, 15: 21

В середине XI века казалось, что в Восточном Средиземноморье на долгие годы воцарилось спокойствие. Две его великие державы — фатимидский Египет и Византия — находились в добрых отношениях друг с другом. Ни первая, ни вторая не проявляли агрессии, и обе желали удержать в узде восточные мусульманские государства, где тюркские авантюристы баламутили воду, хотя пока и не вселяли серьезных опасений правителям Константинополя и Каира. Фатимиды благосклонно относились к христианам. После смерти аль-Хакима не было никаких притеснений, и они открывали свои гавани для купцов из Италии и Византии. Их добрая воля шла на пользу и торговому люду, и паломникам.

Эту добрую волю гарантировала мощь Византии. Благодаря ряду великих императоров-воителей Византийская империя раскинулась от Ливана до Дуная и от Неаполя до Каспия. Несмотря на проявления коррупции и вспышки мятежей, ее администрация была эффективнее, чем у любого другого современного ей королевства. Константинополь еще никогда раньше не владел такими богатствами. Он превратился в финансовую и коммерческую столицу мира, не имеющую соперников. Торговцы со всех уголков света, из Италии и Германии, Руси, Египта и стран Востока, стекались туда, чтобы покупать предметы роскоши, производимые ее мастерами, и обменивать их на свои более грубые товары. Кипучая жизнь огромного города, куда более многолюдного и обширного, чем даже Каир и Багдад, неизменно приводила путешественников в изумление своей гаванью, где толпились корабли, людными рынками, просторными предместьями и громадными храмами и дворцами. Императорский двор, хотя им тогда распоряжались две

весьма эксцентричные пожилые императрицы, казался центром вселенной.

Если искусство — зеркало цивилизации, то византийская цивилизация достигла невероятных высот. Ее художникам XI века была свойственна сдержанность и гармоничность их античных предков, однако они привнесли два новых качества, взятые из восточной традиции, — насыщенный декоративный формализм иранцев и мистическую напряженность Древнего Востока. Дошедшие до нас произведения того века, будь то резные статуэтки из слоновой кости, или крупные мозаичные панно, или провинциальные церкви, например мозаики в обителях Дафни и Осиос Лукас в Греции, демонстрируют нам все тот же триумфальный синтез традиций, слитых в единое и безупречное целое. Литература того времени, хоть и стесненная еще слишком сильной памятью о классических шедеврах, может похвастаться разнообразием великолепнейших образцов. У нас сохранилась хроника Иоанна Дякона с ее отточенным стилем, тонкая лирика Христофора Митиленского, масштабная эпическая поэма «Дигенис Акрит», написанные шершавым языком, пронизательные изречения солдата Кекавмена и остроумные, циничные придворные мемуары Михаила Пселла. В атмосфере царил бы благодушие почти XVIII века, если бы не неотмирность и пессимизм, от которого Византии никогда не удавалось освободиться.

У греков мудреный и непростой характер, которого никак не разглядеть по тем картинам, которые любят изображать популярные исследователи V века до нашей эры. У византийцев этот характер осложнился из-за доли восточной крови. Результат оказался полон парадоксов. Это был человек чрезвычайно практичный, с деловой хваткой и вкусом к мирским почестям, однако всегда готовый отказаться от мира ради того, чтобы провести остаток жизни в монашеских размышлениях. Он горячо верил в божественное предназначение империи и богоданную власть императора, однако был индивидуалист, скорый на бунт против правительства,

если оно его не устраивало. Он испытывал ужас перед ересью, однако его религия, самая мистическая среди всех укоренившихся форм христианства, допускала большую философскую широту и священнику, и мирянину. Он презирал всех своих соседей, считая их варварами, однако легко перенимал их обычаи и идеи. Несмотря на свою изощренность и гордость, он был человеком неуравновешенным. Византия так часто оказывалась на грани гибели из-за разных несчастий, что они подорвали его уверенность в окружающем мире. Если вдруг приходила беда, он паниковал и совершал зверства, которые в спокойное время сам же презирал. Пусть даже настоящее было для него мирным и светлым, бесчисленные пророчества предупреждали его о том, что когда-нибудь его город погибнет, и он верил в то, что так и будет. В этом печальном брэнном мире нельзя обрести счастья и покоя, которые возможны только в Царствии Небесном.

И эти страхи имели основания. Могущество Византии опиралось не на такой уж прочный фундамент. Великая империя возникла для обороны. Провинциями управляли военные чиновники, а над ними стояла гражданская администрация в Константинополе. Эта система обеспечивала эффективное местное ополчение, способное защитить свой район в случае вторжения и поставлять солдат в основную императорскую армию для крупных кампаний. Но при такой системе, когда опасность вторжения миновала, слишком большая власть оставалась в руках правителей провинций, особенно если личное богатство позволяло им игнорировать распоряжения столичного начальства, у которого они состояли на жалованье. Более того, процветание разрушало аграрное устройство Малой Азии. Опорой Византии были ее общины свободных крестьян, получавших земли непосредственно от государства, обычно за исполнение воинской повинности. Но здесь, как и везде в Средние века, земля была единственным надежным вложением для накопления богатств. Любой состоятельный человек стремился приобрести землю. Церковь убеждала паству завещать землю ей. Землевладениями обычно награждали

победоносных полководцев и заслуженных министров государства. Пока империя отвоевывала земли у врага или заселяла области, опустошенные набегами и разграблением, все шло хорошо; но сам ее успех создавал земельный дефицит. Магнаты и монастыри могли расширять свои владения только одним способом: выкупать землю у крестьян, нуждавшихся в деньгах, или забирать целые деревни, получая их либо в дар от государства, либо принимая на себя обязанность выплачивать налоги за местную общину. Более мудрые императоры стремились им помешать, отчасти в силу того, что новые землевладельцы редко могли устоять против искушения превратить новые земли в пастбища, а еще больше из-за того, что передача участков, принадлежавших раньше крестьянам-солдатам, в руки землевладельца давала ему возможность набрать личную армию и ослабляла армию государства. Но законодательно они ничего не могли поделать. За X век в Византии возникла наследственная земельная аристократия, достаточно богатая и влиятельная, чтобы позволить себе не повиноваться центральному правительству. Император Василий II, величайший представитель македонской династии, с большим трудом подавил мятеж этой аристократии в начале своего правления. Он одержал оглушительную победу, и его слава не померкла вплоть до того момента, когда его династия прервалась в 1056 году со смертью племянницы Василия Феодоры. Если бы македонская династия произвела на свет наследников мужского пола, это укрепило бы наследственный принцип передачи императорского престола, и Византия получила бы силу, способную укротить наследственную знать. Но хотя верность династии позволила императрице Зое и ее мужьям процарствовать в беззаботной расточительности почти тридцать лет, а престарелой императрице Феодоре — править в одиночку, все это время подрывные тенденции набирали силу. Когда Феодора умерла, две византийские партии оказались в яростной оппозиции друг к другу: придворная клика, распорядившаяся центральной администрацией, и знатные семьи, которым принадлежал контроль над армией; в то время как церковь,

стараясь усидеть на обоих стульях, пыталась сохранить равновесие.

Едва только семидесятидвухлетняя императрица, до конца верившая в пророчество, которое обещало ей многолетнее царствование, погрузилась в предсмертное забытие, придворные выдвинули на трон немолодого чиновника Михаила Стратиока. Армия отказалась признать нового императора. Войска отправились на Константинополь, твердо решив посадить на трон своего командующего. Михаил уступил без борьбы, и императором стал военачальник Исаак Комнин. Военная аристократия выиграла первый раунд.

Исаак Комнин, подобно большинству таких же византийских дворян, был аристократом только во втором поколении. Он родился в семье фракийского воина, вероятно влаха, который полюбился императору Василию II и получил от него земли в Пафлагонии, где он построил огромный замок, известный как Кастра Комненон — Замок Комнина — и по сей день зовущийся Кастамону. Исаак и его брат Иоанн унаследовали земли отца и его воинскую доблесть, и оба благодаря женитьбе вошли в круг византийской знати. Жена Исаака была царевной из рода, прежде правившего Болгарией, супруга Иоанна — наследницей знатного семейства Далассенов. Но, несмотря на богатство, высокое положение и поддержку армии, правление Исаака постоянно осложнялось противодействием гражданских чиновников. Через два года он сложил руки и ушел в монастырь. Он не оставил сыновей и потому назначил преемником Константина Дуку. Невестка Исаака Анна Далассена так и не простила его.

Константин Дука был главой, пожалуй, древнейшего и богатейшего семейства византийской аристократии; однако свою карьеру он сделал при дворе. Исаак надеялся, что в силу этих причин обе партии посчитают его кандидатуру приемлемой. Но вскоре тот показал, что его интересы не совпадают с интересами касты. Казна его была пуста, а влияние армии — угрожающим. Поэтому он решил сократить вооруженные силы. В качестве меры

внутренней политики это вполне объяснимо. Однако во всей византийской истории не найдется такого времени, когда ослабление обороны государства можно было бы считать безопасным, а в тот момент оно было просто фатальным. Грозные тучи сгущались на Востоке, а на Западе буря уже разразилась.

В течение нескольких последних десятилетий Южная Италия пребывала в состоянии смуты и неразберихи. Граница Византийской империи формально пролегла от Террачины на побережье Тирренского моря до Термоли на берегу Адриатического. Но в пределах этой линии только провинции Апулия и Калабрия находились непосредственно под властью Византии. Тамашнее население в основном состояло из греков. На западном побережье было три торговых города-государства: Гаэта, Неаполь и Амальфи. Все три номинально считались вассалами императора. Для амальфийцев, которые к тому времени уже наладили обширную торговлю с мусульманским Востоком, благосклонность императора была полезна в их переговорах с фатимидскими властями, и потому они держали в Константинополе постоянного консула. Неаполитанцы и гаэтанцы, хотя и не менее охотно заключали торговые сделки с иноверцами, к императору относились не так церемонно. Во внутренней части страны распоряжались ломбардские правители Беневенто и Салерно, признавая сюзеренитет то восточного, то западного императора и одинаково пренебрегая ими обоими. Сицилией по-прежнему владели мусульмане, несмотря на неоднократные попытки византийцев отвоевать остров; и набеги оттуда и из Африки на итальянские побережья усугубляли хаос в стране.

В эти области в огромном числе стекались норманнские искатели приключений из Северной Франции, паломники по пути в Иерусалим или Монте-Гаргано, к излюбленному святилищу Святого Михаила, многие из них были наемниками, которые оставались служить у ломбардских аристократов. В Нормандии не хватало земли, ибо ее густонаселенные территории не

давали размахнуться честолюбивым и беспокойным младшим сыновьям и безземельным рыцарям. Этот импульс к расширению, который вскоре заставит их отправиться завоевывать Англию, заставил их обратить взгляд на Восток со всеми его сокровищами, и в Южной Италии они увидели ключ к средиземноморской империи. А царивший в ней беспорядок предоставил им благоприятную возможность.

В 1040 году шестеро братьев, сыновья мелкого норманнского рыцаря Танкреда де Отвиля, захватили город Мельфи в апулийских горах и основали там графство. Местные византийские власти отнеслись к ним несерьезно, но западный император Генрих III, стремившийся к контролю над провинцией, за которую так долго соперничали обе империи, и германский папа, которого он посадил на престол, категорически не желавший, чтобы патриарх Константинопольский распоряжался в итальянских епархиях, оказали поддержку нормандцам. За двенадцать лет сыновья Танкреда установили господство над ломбардскими государствами. Они загнали византийцев на оконечность Калабрии и апулийское побережье. Они угрожали городам на западном побережье и совершали набеги через Кампанию на север до окрестностей Рима. Византийское правительство встревожилось. Правителя Апулии Мариана Аргира вызвали в метрополию для доклада и отослали назад, дав ему дополнительные полномочия для того, чтобы исправить ситуацию. В военном отношении Мариан ничего не добился — нормандцы легко отразили его небольшое войско. С точки зрения дипломатии он оказался более успешен, ибо создавшееся положение весьма беспокоило и папу Льва IX, происходившего из Лотарингии. Нормандцы добились больших успехов, чем думалось ему или Генриху III. Генрих тогда занимался венгерской кампанией, но прислал папе помощь. Летом 1053 года Лев IX отправился на юг с армией германцев и итальянцев, объявив свой поход священной войной. К нему должен был присоединиться византийский контингент; но пока он ждал подкреплений у апулийского городка Чивитате, его атаковали нормандцы. Его армию

разгромили, а самого его взяли в плен. И ради освобождения он отрекся от всей своей политики.

Это была последняя серьезная попытка укротить сыновей Танкреда. Генрих III умер в 1056 году. Его преемником стал малолетний Генрих IV, и регентша Агнесса де Пуату была слишком занята в Германии, чтобы заботиться о южных делах. Папы решили быть реалистами. В 1059 году на соборе в Мельфи папа Николай II признал Роберта Гвискара, Роберта Хитреца, старшего из уцелевших сыновей Танкреда, «герцогом Апулии милостью Господа и святого Петра, и Сицилии, с их соизволения». Это признание, которое, как полагал Рим, но не сам Роберт, подразумевало его вассальную зависимость от наместника святого Петра, позволило нормандцам легко завершить свои завоевания. Морские республики вскоре покорились им, а к 1060 году от Византии в Италии осталась только ее столица — крепость Бари на побережье. Между тем младший брат Роберта Рожер начал медленно, но успешно отвоевывать Сицилию у арабов.

Пока Бари стоял, византийцы в какой-то степени сдерживали нормандскую экспансию на восток. Но политические беспорядки в Италии неизбежно породили религиозную смуту. Прибытие латинских завоевателей в Южную Италию поставило вопрос о греческой церкви в этой провинции и возродило старинный спор между Константинополем и Римом относительно того, кто обладает над нею духовной властью. Реформы в Риме привели к тому, что папы категорически решили не допускать никаких компромиссов по вопросу своих притязаний; между тем на патриарший престол в Константинополе сел один из самых агрессивных и амбициозных иерархов греческой церкви Михаил Керуларий. Историю неудачного приезда легатов папы Льва IX в Константинополь в 1054 году следует рассказывать в контексте всей последовательности отношений между восточной и западной церквями. Он окончился взаимным отлучением, несмотря на попытки императора добиться компромисса; так стало

невозможным какое-либо искреннее сотрудничество между Римом и Константинополем там, где речь шла о насущных нуждах Италии. Но это не привело к окончательному расколу, как полагали историки более поздних времен. Политические отношения между имперскими дворами стали напряженными, но не прервались. Керуларий вскоре лишился своего влияния. Одернутый императрицей Феодорой, у которой он пытался отобрать ее наследие, и низложенный императором Исааком, он умер бессильным изгнанником. Но в конце концов он все же победил. Последующие поколения византийцев видели в нем поборника их независимости; и буквально в то время, когда император и папа снова стали слать друг другу письма с заверениями в сердечной любви, императрица Евдокия Макремволитисса, его племянница и супруга Константина Дуки, добилась канонизации Михаила.

Судя по тому, что писали византийские историки той эпохи, правители империи практически не заметили этой ссоры. Беда на Западе затмила в их глазах проблемы, возникавшие на Востоке.

Упадок Аббасидского халифата оказался не совсем выгоден Византии. Из-за растущего обеднения Ирака начали изменяться мировые торговые пути. Купцы с далекого Востока уже не привозили свои товары на багдадские рынки, откуда многое попадало в империю, чтобы на кораблях доставляться из портов Малой Азии или самого Константинополя на Запад. Теперь они предпочитали добираться по морскому пути через Красное море в Египет, а из Египта их товары переправлялись в Европу на итальянских торговых судах. Византия уже не лежала у них на пути. Более того, беззаконие, царившее в дальних провинциях Аббасидской империи, привело к закрытию старого караванного пути из Китая, который пролегал через Туркестан и Северную Персию в Армению и к морю у Трапезунда. Альтернативный маршрут, который шел севернее Каспийского моря, никогда не был безопасен в течение долгого времени. Для всего средиземноморского мира в политическом и коммерческом

смысле держава Аббасидов была благодетелем, так как обороняла его извне от варваров Центральной Азии.

Теперь же оборона пала. Орды Центральной Азии снова смогли хлынуть на земли древней цивилизации. Тюрки издавна играли важную роль в истории. Тюркская империя VI века за свою краткую жизнь успела стать цивилизующей и стабилизирующей силой в Азии. Тюркские народы на ее дальних рубежах, такие как принявшие иудаизм волжские хазары или несториане уйгуры, позднее обосновались на границе Китая и показали себя умеющими легко приспособиваться и способными к культурному развитию. Но в самом Туркестане не было никакого прогресса с VII века. Несколько городов выросло вдоль караванных путей, но население туркменов оставалось в большинстве своем скотоводческим и полукочевым, и его растущая численность внушала ему постоянное желание переселяться за пределы освоенных ими земель. В X веке Туркестаном управляла персидская династия Саманидов, чья главная роль в истории состояла том, что она обратила центральноазиатских тюрков в ислам. Отныне взгляды тюрков были направлены в Юго-Западную Азию и Восточное Средиземноморье.

Саманидов сместил первый великий тюркомусульманин — Махмуд Газневи, который в первые десятилетия XI века построил огромную империю, протянувшуюся от Исфахана до Бухары и Лахора. Между тем тюркские наемники проникали во все государства мусульманского мира, практически так же, как норманны проникали в государства христианской Европы. У багдадских халифов и многих других правителей-мусульман были тюркские полки. Среди подданных Газневидов был клан тюрков-огузов из аральских степей, называвшихся по имени своего полумифического предка сельджуками. Сельджукские вожди образовали альянс захватчиков, завистливых друг к другу, но сплотившихся ради возвышения рода, почти как это произошло с сыновьями Танкреда де Отвиля. Но им повезло больше, чем нормандцам, чьи соотечественники были

немногочисленны, и сельджуки могли призвать на помощь огромные и беспокойные орды туркменов. После смерти Махмуда в 1030 году они восстали против Газневидов и к 1040 году выгнали их, заставив искать пристанища в индийских владениях. В 1050 году Тогрул-бек, глава династии, вошел в Исфахан и сделал его столицей государства, включившего в себя Персию и Хорасан, а его братья и родственники воцарились на северных границах, образовав непрочную конфедерацию, признававшую его владычество и совершавшую свободные набеги в соседние страны. В 1055 году по приглашению аббасидского халифа, который пришел в ужас от интриг своего тюркского министра аль-Басасири с Фатимидами, Тогрул-бек вошел в Багдад как защитник суннитского ислама и был назван царем Востока и Запада, обладающим верховной светской властью над всеми землями, которые признавали своим духовным вождем халифа.

Тюрки совершали набеги в Армению еще в царствование Василия II, когда сельджуки находились под властью Газневидов; и именно ради защиты своей империи от тюрков Василий стал проводить свою политику постепенного присоединения Армении. После завоевания Персии сельджуками набеги участились. Тогрул-бек сам принял участие в них лишь однажды, в 1054 году, когда опустошил страну вокруг озера Ван, но не сумел взять крепость Манцикерт. Набегами обычно руководили его родственники — Асан и Ибрагим Инал. В 1047 году их разгромили византийцы под Эрзерумом, и в последующие годы они бросили все силы на борьбу с грузинскими союзниками империи. В 1052 году они разорили Карс; в 1056-м и 1057-м они снова вернулись в Армению. В 1057 году разграбили Мелитену. В 1059-м тюркские войска впервые дошли до самого сердца имперских владений — города Севастии.

Тогрул-бек умер в 1063 году. Сам он не особенно интересовался своей северо-западной границей. Но его племянник и наследник Алп-Арслан, встревоженный возможностью союза между византийцами и Фатимидами,

постарался обезопасить себя от первых посредством завоевания Армении, прежде чем приступить к своей основной цели — победе над вторыми. Набеги в империю участились. В 1064 году была уничтожена старая армянская столица Ани; и царь Карса, последний независимый армянский правитель, охотно передал свои земли императору в обмен на владения в Таврских горах. Огромное число армян отправилось вместе с ним в его новый дом. Начиная с 1065 года великая пограничная крепость Эдесса подвергалась ежегодным нападениям, но турки пока еще не имели опыта осадной войны. В 1066 году они оккупировали перевалы в горах Аманос, а следующей весной разграбили каппадокийскую столицу Кесарию. Наступившей зимой византийские армии потерпели поражение при Мелитене и Севастии. Эти победы дали туркам полное господство над Арменией. В последующие годы они совершали набеги вглубь империи, на Неокесарию и Аморий в 1068 году, на Иконий — в 1069-м, а в 1070-м — на Хоны, возле побережья Эгейского моря.

Правительство империи было вынуждено принимать меры. Константин X, чья политика сокращения вооруженных сил в основном и привела к такому плачевному положению, скончался в 1067 году, оставив юного сына Михаила VII при регентстве императрицы-матери Евдокии. В следующем году Евдокия вышла замуж за главнокомандующего армией Романа Диогена и посадила его на трон. Роман был выдающимся военачальником и искренним патриотом; но задача, стоявшая перед ним, требовала способностей гения. Роман понимал, что ради безопасности империи надо отвоевать Армению. Но византийская армия была уже не той великолепной ратью, какой была полвека назад. Провинциальные войска были слишком слабы, чтобы защитить собственные территории от захватчиков, и не могли отрядить бойцов для военных походов императора. Знатные семьи, которые могли набирать рекрутов у себя во владениях, относились к нему подозрительно и держались в стороне. Конные полки числом в шестьдесят тысяч человек, патрулировавшие сирийскую границу до

середины века, были распущены. Императорская гвардия, отборные, прошедшие превосходную выучку анатолийцы, была давно уже не так сильна, как прежде. Основной костяк армии теперь состоял из чужеземных наемников, скандинавов варяжской стражи, нормандцев и франков из Западной Европы, славян с севера и тюрок из южнорусских степей, печенегов, половцев и огузов. Из этих разнородных элементов Роман собрал войско почти в сотню тысяч человек, из которых, пожалуй, половина родилась в Византии, но лишь очень немногие были профессиональными солдатами и ни один не имел хорошей экипировки. Из наемников самый крупный контингент составляли половцы под предводительством урожденного тюрка Иосифа Тарханиота. Элитный корпус составляла франкская и норманнская тяжелая конница во главе с нормандцем Русселем де Байолем. Бывшие франкские командиры корпуса Эрв и Криспин были один за другим смещены за открытую измену, но солдаты желали служить только под началом соотечественника. Главным византийским командующим при императоре был Андроник Дука, племянник покойного императора и, подобно всему своему семейству, заклятый враг Романа, который не смел оставить его за своей спиной в Константинополе. С этим довольно крупным, но ненадежным воинством Роман выступил в поход весной 1071 года, чтобы отвоевать Армению. Когда он покидал столицу, из Италии пришли вести о том, что Бари, последний византийский оплот на полуострове, пал в руки нормандцев.

Летописцы во всех прискорбных подробностях рассказывают о походе императора на восток по великой военной дороге. Он собирался захватить армянские крепости и поставить в них свои гарнизоны, прежде чем армия тюрок успеет подойти с юга. Алп-Арслан находился в Сирии, возле Халеба, когда до него дошли новости о продвижении византийцев. Он осознал всю серьезность создавшейся ситуации и поспешил на север навстречу императору. Роман вошел в Армению вдоль южного рукава верхнего Евфрата. У Манцикерта он разделил свои силы. Сам он пошел на Манцикерт, а своих франков и

половцев отправил на захват крепости Ахлат на берегу озера Ван. В Манцикерте он узнал о приближении Алп-Арслана и развернулся на юго-запад, чтобы воссоединиться с остальными силами, прежде чем подойдут тюрки. Но, позабыв о первейшем принципе византийской тактики, он не выслал вперед дозорных. В пятницу 19 августа, когда Роман засел в долине на дороге в Ахлат в ожидании своих наемников, Алп-Арслан нанес по нему удар. Наемники так и не пришли к нему на выручку. Половцы, вспомнив, что они тоже тюрки и что к тому же им задолжали оплату, всем скопом перешли на сторону врага еще предыдущей ночью, а Руссель и его франки решили не принимать участия в битве. Исход ее недолго оставался неопределенным. Роман сражался отважно, но Андроник Дука, видя, что его дело проиграно, и догадываясь, что следующий акт драмы разыграется в Константинополе, вывел из боя находившиеся под его началом резервные войска и повел их на запад, предоставив императора его судьбе. К вечеру византийская армия была уничтожена, а раненый Роман взят в плен^[18].

Глава 5. Смута на Востоке

*Хотя они и посылали дары к народам,
но скоро Я соберу их, и они начнут
страдать от бремени царя князей.*

Книга пророка Осии, 8: 10

Битва при Манцикерте стала самой сокрушительной катастрофой в истории Византии. Сами византийцы не испытывали по ее поводу никаких иллюзий. Снова и снова их историки возвращались к этому страшному дню. Крестоносцам последующих эпох казалось, что на этом поле боя византийцы потеряли право называться защитниками христианства. Манцикерт оправдал вмешательство Запада^[19].

Тюрки не воспользовались прямыми плодами своего успеха. Алп-Арслан достиг своей цели. Теперь он был защищен с фланга, а кроме того, устранил угрозу византийско-фатимидского союза. От плененного императора он потребовал только уйти из Армении и выплатить огромный выкуп за освобождение. Затем Алп-Арслан ушел вести кампанию в Трансоксиане, где и умер в 1072 году. Также и его сын и преемник Маликшах, чья империя протянется от Средиземноморья до китайских границ, сам никогда не возглавлял походов в Малую Азию. Но подданных ему туркменов уже было не остановить. Он не желал, чтобы они поселились на древних землях халифата, однако центральные равнины Анатолии, опустевшие и превращенные в пастбища самими византийскими магнатами, прекрасно для них годились. И он поставил перед своим двоюродным братом Сулейманом ибн Кутулмышем задачу завоевать страну для тюркского народа.

Выполнение этой задачи ему облегчили сами византийцы. Следующие двадцать лет своей истории они провели в неразрешимом клубке интриг и восстаний. Когда новости о катастрофе и пленении императора

достигли Константинополя, его пасынок Михаил Дука объявил себя совершеннолетним и взял власть в свои руки. Когда в столицу прибыл его родственник Андроник с остатками армии, это укрепило его положение. Михаил VII был неглупым образованным юношей, который, будь времена подбрее, мог бы стать достойным правителем. Однако стоявшие перед ним проблемы требовали для решения куда более великого человека. Роман Диоген вернулся из плена и оказался отстраненным от престола. Он попытался силой вернуть себе прежние позиции, но был легко побежден и доставлен пленником в Константинополь. Там ему выкололи глаза таким варварским образом, что несколько дней спустя он скончался. Михаил не мог позволить ему остаться в живых, однако влиятельные родственники Романа и друзья, которых он приобрел благодаря своей отваге, пришли в ужас и гнев от столь ужасного конца. Их негодование вскоре нашло выход в измене.

Всерьез нашествия тюрков в Малую Азию начались в 1073 году. Они не были ни сплоченными, ни однородными. Сам Сулейман хотел только основать себе приличный султанат, которым он правил бы при верховной власти Малик-шаха. Но среди тюрков были вожди рангом пониже, вроде Данишменда, Чаки или Менгучека, чьей целью было захватить город или крепость, откуда они господствовали бы над местным населением как главари разбойных кланов. За ними, придавая вторжению полную силу, шли легковооруженные туркменские кочевники со своими табунами, шатрами и семьями, направляясь в степи нагорья. Христиане бежали от них, бросая деревни и стада, деревни захватчики сжигали, а стада забирали. Туркмены обходили города стороной, но их присутствие и причиняемые ими разрушения прерывали сообщение по всей стране, так что губернаторы провинций оказывались в изоляции, позволяя тюркам творить, что им вздумается. Они образовали тот элемент, который в дальнейшем лишит Византию всякой возможности отвоевать захваченное.

Император Михаил пытался противостоять наступлению тюрков. Благоразумное предательство Русселя де Байоля позволило франко-нормандскому полку пережить катастрофу при Манцикерте. Хотя Руссель показал себя человеком ненадежным, Михаилу пришлось воспользоваться его услугами. К силам Русселя он присовокупил небольшую местную армию под началом молодого Исаака Комнина, племянника прежнего императора. Выбрав его, Михаил поступил мудро. Исаак и его брат Алексей, сопровождавший его, принадлежали к семейству, которое питало самую жгучую ненависть к клану Дука; но, несмотря на уговоры матери, они оставались верны Михаилу на протяжении всего его правления, и оба доказали свой полководческий талант. Однако верность Исаака свело на нет вероломство Русселя. Прежде чем византийская армия встретилась с тюрками, Руссель и его войска забыли про свою присягу. Исаак, атакованный одновременно тюрками и франками, безнадежно уступая противникам в численности, был уведен сельджуками в плен.

Тогда намерения Русселя стали ясны. Распаленный примером соотечественников в Южной Италии, он собирался сам основать нормандское государство в Анатолии. С ним было всего три тысячи человек; но все это были преданные люди, хорошо экипированные и обученные. Один на один они могли одолеть любого византийского или тюркского воина. Теперь Руссель казался императору опаснее самих тюрков. Собрав все войска, которые смог наскрести, он поставил их под начало своего дяди, кесаря Иоанна Дуки. Руссель встретил их у Амория и легко одолел, а кесаря захватил в плен. Ради того, чтобы иметь благовидный предлог, он провозгласил своего пленника императором против его же воли и выступил на Константинополь. Он без помех достиг азиатского берега Босфора, сжег пригород Хрисополь и раскинул лагерь среди его развалин. В отчаянии Михаил обратился к единственной силе, которая могла ему помочь. Он отправил посольство к султану сельджуков Сулейману. Сулейман с одобрения своего сюзерена Малик-шаха пообещал императору помощь в

обмен на уступку восточных анатолийских провинций, которые он уже оккупировал. Руссель повернул назад навстречу тюркам, но те окружили его войска на горе Софон в Каппадокии. Он сам с небольшим отрядом сумел спастись и окопался северо-восточнее, в Амасии. Тогда Михаил послал разобраться с ним Алексея Комнина. Алексей смог предложить более выгодные условия тюркским вождям в соседних областях за их поддержку и принудил его к сдаче. Но Руссель правил Амасией так хорошо и пользовался такой популярностью, что тамошние жители прекратили попытки его спасти лишь после того, как узнали о том, что его ослепили. Однако на самом деле Алексей не мог заставить себя изувечить Русселя; так велико было обаяние этого человека, что даже император с радостью услышал о том, что изменника избавили от столь позорной кары.

После этого Руссель исчезает из истории. Однако все произошедшее оставило свой отпечаток на византийцах. Оно научило их, что нормандцам нельзя доверять, что их честолубие не ограничивается берегами Южной Италии и что они мечтают основать государства на Востоке. Это может объяснить византийскую политику двадцать лет спустя. Между тем нормандцы уже не приветствовались на службе у императора, и под подозрением оказались даже их скандинавские кузены. Варяжскую стражу отныне стали набирать из народа, который сам пострадал от северян, — англосаксов Британии.

Страх перед нормандцами и постоянная потребность в иностранных наемниках заставила Михаила проводить политику умиротворения Запада. Утрата Южной Италии была невосполнима, но он не мог позволить себе продолжать там войну. Многие византийцы считали, что посол, которого он отправил заключить мир с нормандцами, Иоанн Итал, философ, родившийся в Италии, предал интересы империи. Но Михаил был доволен и, зная о желании столь стремительно выдвинувшегося дома Отвилей заключить выгодные брачные союзы, предложил выдать дочь Гвискара Елену за его собственного сына, тогда еще младенца Константина.

В то же время он стремился наладить добрые отношения с великим папой Григорием VII, и это ему удалось. Его политика обеспечила мир на западных границах.

Но в Анатолии дела шли все хуже. Имперское правительство потеряло власть над нею, и, хотя немногие местные военачальники, как, например, Исаак Комнин, теперь командовавший Антиохией, поддерживали авторитет императора, сообщение прервалось, и единой политики не существовало. Наконец в 1078 году Никифор Вотаниат, правитель великой Анатолийской фемы в Западно-Центральной Малой Азии, отчасти из-за личных амбиций, а отчасти из-за того, что его в самом деле вывела из терпения слабость правления Михаила, взбунтовался. Но Никифор был генералом без армии. Чтобы раздобыть необходимое войско, он собрал под своими знаменами множество тюрок и использовал их для того, чтобы укомплектовать гарнизонами города, взятые им на пути к столице: Кизик, Никею, Никомедию, Халкидон и Хрисополь. Впервые тюркские воины оказались в крупных городах Западной Анатолии. Пусть они всего лишь наемники нового императора, но ему будет нелегко заставить их уйти. Михаил не оказал сопротивления. Когда Никифор вошел в столицу, он удалился в монастырь. Там он нашел свое истинное призвание. Ему повезло больше, чем большинству низложенных императоров, и несколько лет спустя он — полностью благодаря своим заслугам — возвысился до сана архиепископа. Оставленная им супруга Мария Аланская, родом с Кавказа, прекраснейшая царевна своего времени, мудро предложила свою руку узурпатору.

Никифор обнаружил, что мятежником быть проще, чем императором. Другие военачальники последовали его примеру. На западе Балкан Никифор Вриенний, правитель Диррахия, объявил себя императором и привлек солдат европейских провинций под свои знамена. Против него послали Алексея Комнина с небольшим войском из неподготовленных греческих солдат и немногих франков, которые, как обычно, дезертировали. Только благодаря своевременному прибытию контингента тюркских

наемников он смог одолеть Вриенния. Сразу после завершения этой кампании Алексею пришлось отправиться в Фессалию, чтобы подавить еще одного узурпатора — Никифора Васибеки. Тем временем взбунтовался тюркский гарнизон в Никее. Папа Григорий, услышав о падении его союзника Михаила, отлучил нового императора; а Роберт Гвискар, подстрекаемый папой, да и сам в ярости из-за разрыва помолвки его дочери, собрался плыть через Адриатическое море. В мае он во главе всех своих сил высадился в Авлоне и выступил на Диррахий. В начале той же весны поднял мятеж крупнейший полководец в Азии Никифор Мелиссин и заключил союз с тюркским султаном Сулейманом, благодаря чему Сулейман смог беспрепятственно войти в Вифинию, где его приветствовали оставленные Вотаниатом тюркские гарнизоны. Когда Мелиссину не удалось захватить Константинополь, Сулейман отказался вернуть занятые им города. Вместо этого он обосновался в Никее, и Никея, один из самых почитаемых городов христианства, находящаяся в пределах сотни миль от самого Константинополя, стала столицей тюркского султаната.

В Константинополе император Никифор погубил единственный свой шанс на выживание, поссорившись с семейством Комнинов. Исаак и Алексей верно служили ему и надеялись сохранить его благосклонность тесной дружбой с императрицей, на чьей двоюродной сестре был женат Исаак и чьим любовником считали Алексея. Однако она не могла совладать с придворными интригами, которые настроили Никифора против них. Ради собственной безопасности братья были вынуждены поднять мятеж; и Алексей, признанный семьей самым способным из двоих, объявил себя императором. Никифор пал так же легко, как и низложенный им император. По совету патриарха он, усталый и униженный, оставил престол, чтобы окончить свои дни в монастыре.

Алексею Комнину было суждено царствовать тридцать семь лет и стать величайшим государственным мужем своего времени. Но в 1081 году казалось

гарантированным, что ни он, ни его империя не уцелеет. Алексей был молод, вероятно, не достиг еще и тридцати, но имел за плечами многолетний опыт полководца, причем, как правило, вынужденного действовать с недостаточными силами, и своими успехами он был обязан исключительно собственному уму и дипломатии. У него была привлекательная внешность; он был невысокого роста, но хорошо сложен и изучал достоинство. Его отличали изящная и непринужденная манера себя держать, а кроме того, он обладал превосходной выдержкой, однако сочетал в себе истинную доброту с циничной готовностью использовать хитрость и запугивание, если того требовали интересы страны. У него не было особых богатств, помимо личных качеств и любви солдат. Его семья, связи которой оплели всю византийскую аристократию, несомненно, помогла ему прийти к власти, и он укрепил свое положение женитьбой на представительнице семейства Дука. Но интриги и зависть родственников, особенно ненависть, которую его властная мать питала к его жене и всему ее клану, только усугубили его проблемы. Двор кишел членами семей прежних императоров или семей будущих узурпаторов, которых Алексей хотел привязать к себе брачными союзами. Там была императрица Мария, отчаянно ревновавшая к новой императрице Ирине, и сын Марии Константин Дука, которого он сделал своим младшим соправителем и вскоре обручил со своей старшей дочерью Анной; там были сыновья Романа Диогена, одного из которых он женил на своей сестре Феодоре; там был сын Никифора Вриенния, который стал мужем Анны Комнины после преждевременной смерти Константина Дуки; там был Никифор Мелиссин, уже женатый на его сестре Евдокии и отказавшийся от притязаний на имперский престол в пользу шурина в обмен на титул кесаря. За всеми ними Алексей был вынужден внимательно присматривать, разрешая их ссоры и предотвращая измены. Чтобы удовлетворить их претензии, была разработана замысловатая система титулов. Знать и высшие сановники государства были в такой же степени ненадежны. Алексей постоянно раскрывал заговоры

против его правления и находился под постоянной угрозой убийства. В силу своей политики и характера он предпочитал мягкие наказания; и это милосердие и невозмутимая дальновидность во всех его действиях тем более замечательны, что всю свою жизнь он был не уверен в завтрашнем дне^[20].

Состояние империи в 1081 году было таково, что только человек невероятно отважный или столь же невероятно глупый взялся бы ею управлять. В казне не осталось денег. Последние императоры не считали расходов; потеря Анатолии и мятежи в Европе прискорбно сократили доходы; прежняя система сбора налогов разрушилась. Алексей не был финансистом, и его методы привели бы в ужас современного экономиста. Однако каким-то образом, обложив подданных налогами по самые уши, принудительно беря займы и конфискуя собственность у магнатов и церкви, наказывая штрафами, а не тюремным заключением, продавая привилегии и развивая дворцовые производства, он сумел найти средства, чтобы оплачивать огромную административную организацию, восстановить армию и флот и в то же время поддерживать роскошный двор и делать щедрые дары верным подданным и приезжим послам и государям. Ибо он понимал, что на Востоке престиж государя всецело зависит от великолепия и пышности его двора. Единственным непростительным грехом была скупость. Но Алексей совершил две огромные ошибки. В обмен на скорую помощь он давал торговые преимущества иноземным купцам в ущерб собственным подданным и в какой-то критический момент обесценил имперскую монету, которая в течение семи веков была единственной стабильной валютой в этом хаотичном мире.

Еще более отчаянное положение сложилось во внешних делах — если их еще можно было называть «внешними», ибо со всех сторон враги проникли в самую глубь империи. В Европе господство императора над Балканским полуостровом еще держалось, хотя шаталось, но в Сербии и Далмации славяне подняли восстание. Бродившее за Дунаем тюркское племя печенегов то и дело

в своих набегах переходило реку. А на Западе Роберт Гвискар и нормандцы захватили Авлону и осаждали Диррахий. В Азии мало что осталось у Византии, не считая берега Черного моря, отдельных городов на южном побережье и великой укрепленной метрополии Антиохии, но сообщение с дальними городами было ненадежным и редким. Некоторые города во внутренних районах пока еще находились в руках христиан, но их правители были полностью отрезаны от центрального правительства. Большая часть территории находилась в руках сельджукского султана Сулеймана, который правил из никейских владений, протянувшихся от Босфора до сирийской границы, но его государство не имело упорядоченной администрации и фиксированных границ. Другие города находились под властью мелких тюркских князьков, кое-кто из них подчинялся Сулейману, но большинство не признавало над собой других господ, кроме Маликшаха. Из них самыми важными были Данишменд, которому теперь принадлежала Кесария, Севастия и Амасия; Менгучек, владыка Эрзинджана и Колонеи; и самый опасный из всех, авантюрист Чака, захвативший Смирну и эгейское побережье. Тюркские вожди более-менее установили порядок вокруг своих основных городов, но в сельской местности все еще верховодили кочевые орды туркменов, а толпы греческих и армянских беженцев усугубляли неразбериху. Огромное число христиан переходило в ислам и постепенно вливалось в тюркскую общность. Немногие греческие общины еще оставались в горных районах, а тюрки-христиане, поселившиеся за несколько веков до того вокруг каппадокийской Кесарии, сохранили свою идентичность и религию вплоть до нынешних времен. Но большая часть греческого населения постаралась как можно быстрее перебраться на берега Черного и Эгейского морей.

Миграция армян шла более осознанно и упорядоченно. Разные армянские князья, лишённые владений византийцами, получили поместья в Каппадокии, особенно на юге, близ Тавра. С ними ушло множество верных слуг, и к началу масштабного

сельджукского вторжения армяне стали покидать свои дома, и их непрерывный поток пополнял новые колонии, пока почти половина населения Армении не оказалась на юго-западе. Проникновение тюрков в Каппадокию загнало их еще дальше в Тавр и Антитавр, и они распространились по долине среднего Евфрата, куда тюрки еще не дошли. Покинутые ими районы вскоре заполнили не тюрки, а курды-мусульмане с ассирийских нагорий и из Северо-Западного Ирана. Последний армянский правитель старой династии Багратидов, которая гордо заявляла о своем происхождении от Давида и Вирсавии, был убит по приказу византийцев в 1079 году, после того как сам он чудовищно зверским образом расправился с архиепископом Кесарии; после чего один из его родственников по имени Рубен взбунтовался против империи и укрепился в горах Северо-Западной Киликии. Примерно в то же время еще один армянский вождь — Ошин, сын Хетума, основал аналогичное государство чуть дальше на запад. Обе династии, Рубениды и Хетумиды, сыграют свою роль в последующей истории, но в то время Рубен и Ошин находились в тени армянина Вахрама, которого греки называли Филаретом.

Филарет служил у византийцев, и Роман Диоген назначил его правителем Германикеи (Мараша). После падения Романа Филарет отказался признавать Михаила Дуку и объявил о собственной независимости. Во время беспорядочного царствования Михаила он завоевал главные города Киликии, Тарс, Мамистру и Аназарб. В 1077 году один из его подчиненных после шестимесячной осады отнял Эдессу у византийцев. В 1078 году жители Антиохии, чей правитель, преемник Исаака Комнина, только что был убит, молили Филарета взять город, чтобы спасти его от тюрков. Его владения теперь простирались от Тарса до земель за Евфратом, и его вассалами стали Рубен и Ошин. Но он не чувствовал уверенности в завтрашнем дне. В отличие от большинства современников, он был православным и не желал полностью отмежеваться от империи. После отречения Михаила он поклялся в верности Никифору Вотаниату, который оставил его губернатором завоеванных им земель. Видимо, он признал

и Алексея, но принял дополнительные меры предосторожности, принеся нечто вроде присяги арабским владыкам Халеба.

Алексей по своему восшествию на престол должен был решить, против кого из врагов необходимо выступить в поход первым. Рассудив, что тюрков можно отбросить назад только в ходе долгой и последовательной кампании, к которой он пока был не готов, тем более что, скорее всего, они тем временем сами предавались бы междоусобным распрям, он посчитал более насущной потребностью положить конец наступлению нормандцев. На это ушло больше времени, чем он рассчитывал. Летом 1081 года Роберт Гвискар в сопровождении своей жены Сишельгаиты Салернской, достойной именоваться амазонкой^[21], и старшего сына Боэмунда осадил Диррахий. В октябре Алексей с войском, в котором основной контингент составляла англосаксонская варяжская стража, отправился освобождать крепость. Но там, как и при Гастингсе пятнадцать лет назад, англосаксам оказалось далеко до нормандцев. Алексей понес решительное поражение. Диррахий продержался зиму, но пал в феврале 1082 года, позволив Роберту весной выступить по великой Эгнатиевой дороге на Константинополь. Итальянские дела вскоре потребовали его возвращения, но он оставил свою армию под началом Боэмунда овладевать Македонией и Грецией. Боэмунд дважды разгромил Алексея, которому пришлось просить подкреплений у тюрков и кораблей у венецианцев. Пока вторые прерывали сообщение между нормандцами, первые позволили императору освободить Фессалию. Боэмунд отступил в Италию 1083 году, но вернулся с отцом на следующий год и уничтожил венецианский флот у берегов Керкиры (Корфу). Война закончилась только со смертью Роберта в Кефалонии в 1085 году, когда его сыновья рассорились из-за наследства.

Император наконец-то установил свою власть над европейскими провинциями; но на те четыре года восточные провинции были потеряны. Филарет смертельно запутался в интригах с тюрками. В начале

1085 года его сын выдал Антиохию вместе с киликийскими городами султану Сулейману. Эдесса пала в 1087 году перед тюркским вождем Бузаном, но затем была отвоевана в 1094 году армянином Торосом, вассалом Малик-шаха, и сначала порядок там поддерживал тюркский гарнизон в цитадели. Тем временем Мелитену занял еще один армянин, зять Тороса Гавриил, который, как и его тесть, принадлежал к православной церкви. Ссоры между православной, сирояковитской и армянской церквями усугубляли беспорядок во всей Северной Сирии. Последняя восприняла упадок византийской власти как повод для радости. Она предпочитала подчиняться тюркам.

Южной Сирией полностью овладели сельджуки. С тех самых пор, как Тогрул-бей вошел в Багдад в 1055 году, сирийские владения Фатимидов находились под угрозой, и растущая тревога и напряжение приводили к смутам и мелким мятежам. Когда в 1056 году пограничные византийские чиновники в Латакии отказали прибывшему с паломничеством епископу Камбре в праве продолжить путь на юг, их мотивом было не желание навредить латинянину, как подозревали на Западе (хотя, вероятно, там существовал запрет на пропуск нормандских паломников); на самом деле у них были сведения о том, что Сирия небезопасна для путешественников-христиан. Злоключения германских епископов, которые восемь лет спустя все же добились разрешения пересечь границу вопреки советам местных жителей, показывают, что византийские чиновники имели все основания так говорить.

В 1071 году, в год битвы при Манцикерте и падения Бари, дерзкий тюрк Атсиз ибн Увак, номинально вассал Алп-Арслана, без борьбы захватил Иерусалим и вскоре оккупировал всю Палестину вплоть до пограничной крепости Аскалон. В 1075 году он овладел Дамаском и окрестностями. В 1076 году Фатимиды отвоевали Иерусалим, из которого Атсиз снова выгнал их после осады, длившейся несколько месяцев, и перебил жителей-мусульман. Уцелели только христиане, засев за стенами

своего квартала. Несмотря на это, Фатимиды вскоре снова смогли атаковать Атсиза в Дамаске, и ему пришлось звать на помощь сельджукского правителя Тутуша, брата Малик-шаха, который с одобрения брата создавал себе султанат в Сирии. В 1079 году Тутуш приказал убить Атсиза и стал единоличным правителем государства, простиравшегося от Халеба, который пока еще оставался под властью арабской династии, до границ Египта. Тутуш и его подчиненный Орток, правитель Иерусалима, видимо, сумели наладить организованную администрацию. Они не выказывали особой вражды к христианам, хотя православный патриарх Иерусалима, по всей видимости, проводил большую часть времени в Константинополе, где теперь поселился и его коллега из Антиохии^[22].

В 1085 году император Алексей, освободившись от нормандской угрозы, обратил свое внимание на тюркскую проблему. До той поры он мог хоть как-то сдерживать тюрок только за счет неустанных интриг, стравливая их правителей друг с другом. Теперь же, сочетая дипломатию с демонстрацией оружия, он добился заключения договора, который вернул империи Никомедию и анатолийское побережье Мраморного моря. На следующий год его терпеливость была еще больше вознаграждена. Сулейман ибн Кутулмыш, взяв Антиохию, выступил на Халеб, чей арабский правитель позвал на помощь Тутуша. В последовавшей битве под стенами города Тутуш одержал победу, а Сулейман погиб.

Смерть Сулеймана вызвала сумятицу среди тюрок в Анатолии; и Алексей почувствовал себя в своей стихии, настраивая одного вождя против другого, играя на их взаимной зависти, предлагая всем по очереди подкупы и намекая на брачные союзы. Никею уже шесть лет удерживал сельджукский мятежник Абуль-Касим; но в 1092 году Малик-шах заменил его сыном Сулеймана Кылыч-Арсланом I. Тем временем Алексей сумел упрочить свои позиции. Это было нелегко. Единственной территорией, которую ему удалось вернуть, был город Кизик, и он оказался не в силах помешать Данишмендидам расширить их владения на запад и

захватить его же родовой замок — Кастамон в Пафлагонии. Императору мешали дворцовые заговоры, а в 1087 году ему пришлось столкнуться с крупным вторжением печенегов с Дуная, которым помогали венгры. Лишь в 1091 году его дипломатические старания, усиленные одной огромной победой, надолго освободили его от угрозы варварских нашествий с севера.

Еще больше тревог вселял Чака, тюркский эмир Смирны. Чака, более честолюбивый, чем большинство его соотечественников, нацелился прибрать к рукам целую империю. Он брал к себе на службу греков, а не тюрок, ибо понимал, что ему нужен сильный флот, но в то же время пытался организовать союз тюркских вождей и выдал свою дочь за молодого Кылыч-Арслана. Между 1080 и 1090 годами он овладел эгейским побережьем и островами Лесбос, Хиос, Самос и Родос. Алексей, одной из первых забот которого было возрождение византийского флота, сумел в конце концов разгромить его корабли у входа в Мраморное море; но угроза оставалась до тех пор, пока в 1092 году Чака не погиб от руки своего зятя Кылыч-Арслана на пиру в Никее. Убийство явилось результатом того совета, который император подал султану, опасавшемуся, как бы еще кто-нибудь из тюрок не стал более могущественным, чем он сам^[23].

Теперь, когда Сулейман и Чака были мертвы, Алексей получил возможность обдумать более агрессивный курс. Сам он теперь надежно царил в Константинополе, в европейских провинциях наступил покой. У него был эффективный флот, казна временно наполнилась. Вот только армия была очень малочисленна. С потерей Анатолии у него осталось совсем немного местных войск, откуда он мог бы набирать солдат. Ему требовались профессиональные иноземные наемники.

Да, около 1095 года казалось, что сельджуки наконец начали терять силу. Малик-шах, который еще худо-бедно еще держал в руках всю империю тюрок, умер в 1092 году; и за его смертью последовала междоусобная война между его молодыми сыновьями. В следующие десять лет, пока они не смогли договориться о разделе наследства,

главное внимание тюрок было направлено на это противоборство. Между тем арабские и курдские вожди набирали силу в Ираке. В Сирии, где умер Тутуш в 1095 году, его сыновья — Ридван, эмир Халеба, и Дукак, эмир Дамаска, — оказались не в состоянии сохранить порядок. Иерусалим отошел сыновьям Ортока. Их правительство было неэффективным и деспотичным. Православный патриарх Симеон и его высшие иерархи перебрались на Кипр. В Триполи шиитский клан Бану Аммар основал княжество. Фатимиды начали отвоевывать Южную Палестину. На севере турецкий военачальник Кербога, атабек Мосула при аббасидском халифе, постепенно посягал на территорию Халеба, принадлежавшую Ридвану. У путешественников того времени складывалось впечатление, что у каждого города свой владыка.

Удивительно, что кто-то еще продолжал путешествовать, и не только мусульмане, но и христиане с Запада. Поток паломников никогда полностью не прекращался, но теперь путь для них стал очень трудным. Христиан, живших в Иерусалиме до смерти Ортока, события, по-видимому, затрагивали не так сильно, и в Палестине, за исключением того времени, когда турки и египтяне непосредственно вели там бои, обычно царил покой. Но пересечь Анатолию можно было только с вооруженной охраной, но и тогда путешественника поджидало множество опасностей, и его часто задерживали войны между враждующими правителями. В Сирии было немногим лучше. Повсюду на дорогах засели разбойники, и в каждой городке местный князек пытался взимать пошлину с проезжающих. Паломники, которым удавалось преодолеть все эти трудности, возвращались на Запад изможденными и обнищавшими, и от их рассказов у слушателей стыла кровь.

**Часть вторая. Проповедь
Крестового похода**

Глава 1. Святой мир и святая война

Ждем мира, а ничего доброго нет.

Книга пророка Иеремии, 8: 15

Перед горожанами-христианами встал один фундаментальный вопрос: имеют ли они право сражаться за свою страну? Ведь их религия — религия мира, а война означает убийство и разрушение. Первые христианские отцы не имели на этот счет никаких сомнений. Для них война была самым настоящим убийством. Но после триумфа Креста, после того как вся империя стала христианской, разве ее граждане не должны быть готовы с оружием в руках защитить ее благополучие?

Восточная церковь так не считала. Ее великий законодатель в сфере канонических правил святитель Василий хотя и признавал, что воин обязан подчиняться приказу, но все же утверждал, что всякий повинный в убийстве на войне должен в покаяние три года воздерживаться от причастия. Эта рекомендация была слишком строга. На самом деле византийских солдат готовили не как убийц, но их занятие не приносило им ни славы, ни престижа. Смерть в бою не считалась почетной, а смерть в бою с иноверцами не считалась мученической; мученики умирали вооруженными только своей верой. Воевать с иноверцами полагали делом прискорбным, хотя порой и неизбежным, а воевать с братьями-христианами было вдвое хуже. Более того, в истории Византии на удивление мало захватнических войн. Юстиниан вел свои кампании с целью освободить римлян от их варварских угнетателей, Василий II против болгар — чтобы вернуть провинцию империи и устранить угрозу для Константинополя. Византия всегда предпочитала мирные методы, даже если они подразумевали дипломатические околичности и денежные подкупы. Западным историкам, привыкшим восхищаться военной доблестью, действия многих государственных мужей Византии казались

трусливыми или коварными, но обычно эти мужи руководствовались искренним желанием избежать кровопролития. Царевна Анна Комнина, одна из самых типичных византиек, ясно пишет в своей истории, что, как бы глубоко ее ни интересовали военные дела и как бы высоко ни ценила она успехи отца на поле боя, война была для нее постыдным делом, последним средством, когда все остальные способы потерпели крах, то есть война сама по себе была признанием неудачи.

Запад был далек от таких просвещенных взглядов. Сам святой Августин признавал, что войны можно вести по велению Господа Бога, а военизированное общество, возникшее на Западе в результате варварских нашествий, неизбежно стремилось найти оправдание своему привычному занятию. Развивающийся рыцарский кодекс, поддержанный народными сказаниями, превозносил героя-воина, а миролюбец приобретал несмываемое черное пятно на своей репутации. Церковь не могла побороть подобных умонастроений. Она скорее стремилась направить воинственную энергию в те русла, которые в итоге будут выгодны ей самой. Священная война, то есть, иначе говоря, война в интересах церкви, стала допустимой и даже желательной. Папа Лев IV в середине IX века заявил, что всякого, кто погибнет в битве, защищая церковь, ждет райское блаженство. Папа Иоанн VIII несколько лет спустя приравнял павших на священной войне к мученикам; если они сложили голову в бою с оружием в руках, им отпускались все грехи. Но при этом воинам полагалось быть чистыми сердцем. Николай I утверждал, что осужденные церковью за грехи не должны брать в руки оружия, разве что для битвы с иноверцами.

Однако, хотя высочайшие церковные авторитеты и не осуждали войны, на Западе все же встречались мыслители, которых она возмущала. Германец Бруно Кверфуртский, принявший мученическую смерть от рук язычников-пруссков в 1009 году, приходил в негодование из-за войн, которые вели современные ему императоры с единоверцами-христианами: Оттон II с французским королем, Генрих II с поляками. Движение за мир уже

началось во Франции. Собор, прошедший в Шарру в 989 году, куда съехались аквитанские епископы защищать неприкосновенность духовенства, выступил с предложением, чтобы церковь гарантировала беднякам мирную жизнь. На соборе в Ле-Пюи на следующий год предложение повторили уже тверже. Ги Анжуйский, епископ Пюиский, заявил, что без мира никто не может лицезреть лика Господа, и поэтому побуждал всех людей стать сынами мира. Несколько лет спустя Гийом Великий, герцог Аквитанский, продолжил эту мысль. На соборе в Пуатье, который он созвал в 1000 году, было постановлено, что отныне споры надлежит решать не силой оружия, а правосудием, и любой, кто откажется подчиниться этому правилу, подлежит отлучению от церкви. Герцог и его знать торжественно поклялись соблюдать запрет; и король Франции Роберт Благочестивый последовал их примеру, введя аналогичное правило на своих землях. Движение за мир по-прежнему интересовало церковь главным образом с точки зрения сохранения ее имущества от лишений и бедствий войны; и с этой целью прошел еще целый ряд соборов. В Вердене-сюр-ле-Ду в 1016 году была составлена формула клятвы, которую приносила знать, обязуясь никогда насильно не забирать в свои войска ни священников, ни крестьян, не топтать их посевы и не отнимать у них домашнего скота. Клятву стали добровольно приносить во всей Франции под возгласы собравшихся священников и прихожан: «Мир! Мир! Мир!»

Этот успех подвиг некоторых восторженных епископов пойти еще дальше. В 1038 году Аймон, архиепископ Буржский, повелел, чтобы всякий христианин старше пятнадцати лет объявил себя врагом нарушителей мира и был готов при необходимости выступить против них с оружием в руках. Создавались мирные лиги и сначала действовали эффективно, но вторая половина архиепископского повеления оказалась более заманчивой, чем первая. Толпы вооруженных крестьян под предводительством священников стали громить замки неуступчивых аристократов, и это нищенское ополчение вскоре начало действовать так

огульно и приводить к таким разрушениям, что властям пришлось разбираться с ним силой. После того как великая Лига мира сожгла деревню Бенси, граф Деоля Одон разгромил ее на берегах Шера. По нашим сведениям, в битве погибло не менее семисот священников.

Между тем предпринимались и более здравые попытки ограничить войну. В 1027 году Олиба, епископ Вика, созвал синод в Тулузе, что в Руссильоне, который запретил всякие военные действия в день отдохновения. Эта идея перемирия, которое распространяется на святые дни, была расширена, когда под влиянием великого клюнийского аббата Одилона епископы Прованса, которые, по их собственному утверждению, выступали от имени всей галльской церкви, в 1041 году направили послание итальянской церкви, требуя, чтобы Божье перемирие соблюдалось также и в Страстную пятницу, Великую субботу и в праздник Вознесения. Церковь Аквитании уже последовала по стопам Прованса. Но герцогство Бургундское пошло еще дальше и присовокупило к перемирию все дни между вечером среды и утром понедельника, а также добавило период от начала Рождественского поста до первого воскресенья после Богоявления, а к неделе после Пасхи — еще Великий пост и Страстную неделю. В 1042 году Вильгельм Завоеватель, устанавливая законы для Нормандии, включил в перемирие период между Молебственными днями^[24] до праздничной недели после Пятидесятницы. В 1050 году собор в Тулузе рекомендовал прибавить к нему также три праздника Девы Марии и дни главных святых. К середине века идея перемирия Господня, казалось, уже вполне укоренилась; и великий Нарбоннский собор 1054 года попытался скоординировать его с идеей Божьего мира, защищая имущество церкви и бедняков от бедствий войны. И то и другое христианам надлежало соблюдать под страхом отлучения, а кроме того, собор постановил, что христианин не должен убивать другого христианина, «ибо лишаящий жизни христианина проливает кровь Христову».

На деле движения за мир редко бывают столь же внушительны, как в теории, и движения XI века не стали исключением. Сами властители, которые сильнее всех отстаивали идею Божьего перемирия, сами не соблюдали его правил. Именно в субботу Вильгельм Завоеватель сражался со своим единоверцем-христианином Гарольдом при Гастингсе; а Анна Комнина с ужасом писала о том, что, пока ее церковь честно старалась избегать войны в святые дни, западные короли напали на Константинополь прямо на Страстной неделе, а в их армиях было немало вооруженных и сражавшихся священников. Да и церковное имущество, как прекрасно знали римские папы по собственному опыту, вовсе не было неприкосновенным для мирян. Воинственность Запада и его страсть к военной славе нельзя было победить так просто. Разумнее было возвратиться к прежнему курсу и перевести эту энергию в русло войны с язычниками.

Странам Запада мусульманская угроза казалась куда более страшной, чем византийцам вплоть до тюркского вторжения, да и тюрки больше беспокоили византийцев как варвары, чем как иноверцы. Со времен провала арабов под Константинополем в начале VIII века военные действия на восточной границе христианства велись повсеместно, но недостаточно яростно, чтобы угрожать самой целостности империи, и война никогда надолго не прерывала торгового и интеллектуального обмена. Арабы почти в той же степени, что и византийцы, были наследниками греко-римской цивилизации. Они вели довольно похожий образ жизни. Византиец куда уютнее чувствовал себя в Каире или Багдаде, чем в Париже или Госларе или даже в Риме. За редким исключением периодов кризиса и репрессий, власти империи и халифата не принуждали подданных к переходу в иную веру и допускали свободу вероисповедания. Чванливые халифы порой презрительно отзывались о христианских императорах и порой взимали с них дань, но, как показала вторая половина X века, византийцы представляли собой грозного и хорошо организованного противника.

Западные христиане не могли разделить византийской терпимости и уверенности. Они гордились своею верой и тем, что являются, как им думалось, наследниками Рима, однако они с неприязнью осознавали, что во многих отношениях исламская цивилизация стоит выше европейской. Мусульмане господствовали в Западном Средиземноморье от Каталонии до Туниса. Мусульманские пираты разоряли христианские корабли. Рим разграбили мусульмане. Они построили разбойные замки в Италии и Провансе. Из своих оплотов в Испании они, казалось, снова смогут перейти границы и хлынуть через Пиренеи во Францию. Западное христианство не располагало организацией, которая могла бы отразить это нападение. Отдельные герои, начиная с дней Карла Мартела, порой громили нашествия сарацин, а империя Карла какое-то время обеспечивала необходимый бастион. В 915 году папа Иоанн X в сотрудничестве с константинопольским двором сформировал лигу христианских государей, чтобы выгнать мусульман из их крепости на Гарильяно. В 941 году византийцы вместе с Гуго Прованским атаковали их замок во Фрежюсе. Предприятие оказалось неудачным из-за отступления Гуго в последнюю минуту; но в 972 году лига прованских и итальянских правителей завершила работу. Однако такие альянсы были локальными, эпизодическими и недолгими. Существовала потребность в более эффективной координации и более сосредоточенных усилиях. И нигде эту потребность не понимали лучше, чем в Риме, где всегда помнили о разграблении храма Святого Петра в 846 году.

В XI веке испанские мусульмане представляли весьма реальную угрозу для христианства. Позиции, которые христиане отвоевали раньше, были утрачены. В середине века великий халиф Абд ар-Рахман III был неоспоримым владыкой полуострова. Его смерть в 961 году принесла некоторое облегчение, так как его преемник аль-Хакам II был человеком мирным и его больше волновали войны с Фатимидами и Идрисидами Марокко. Но после смерти аль-Хакама в 976 году на сцене стал доминировать воинственный визирь Мухаммад ибн Абу Амир по

прозвищу аль-Мансур, Победитель, прозванный испанцами Альмансор. Ведущей христианской державой в Испании было королевство Леон. Оно приняло на себя тяжесть нападения аль-Мансура. В 981 году он взял город Самору на юге королевства. В 996 году он разграбил сам Леон, а на следующий год сжег город Святого Иакова — Сантьяго-де-Компостела, который считался третьим важнейшим местом паломничества после Иерусалима и Рима. Однако аль-Мансур принял меры для того, чтобы не осквернить само святилище. Уже в 986 году он захватил Барселону. Казалось, что он вот-вот уже перейдет Пиренеи, как вдруг его постигла смерть в 1002 году. После его кончины мусульманская мощь пошла на убыль. Пиратам из Африки удалось разграбить Антибы в 1003 году, Пизу — в 1005-м и еще раз в 1016-м и Нарбонну — в 1020-м. Но организованная мусульманская агрессия на время закончилась. Наступило время для контрнаступления.

Это контрнаступление спланировал Санчо III по прозвищу Великий, король Наварры. В 1014 году он попытался организовать альянс христианских государей для борьбы с иноверцами. Его собратья в Леоне и Кастилии были готовы оказать помощь, а также он нашел активного союзника в лице Санша-Гийома, герцога Гасконского. Но король Франции Роберт не дал ответа на его призыв. Санш-Гийом не достиг никаких конкретных целей, но между тем заинтересовал куда более ценного союзника. Огромная организация Клюнийского аббатства при двух великих настоятелях, чье правление продлилось 115 лет, Одилона, который сменил предшественника в 994 году и умер в 1048-м, и его преемника Гуго, который дожил до 1109 года, обратила особое внимание на испанские дела. Клюнийцев всегда заботило благополучие паломников, и они с радостью помогали управлять паломническим движением в Компостелу, да и охранять испанское христианство в целом. Вероятно, именно влияние клюнийцев заставило Рожера де Тосни из Нормандии, хотя тут могло сыграть роль и его собственное норманнское честолюбие, прийти в 1018 году на помощь графине Эрселинде Барселонской, когда ей угрожали

мусульмане. При Санше и его преемниках клюнийцы еще крепче взяли в свои руки испанскую церковь и вывели ее в первые ряды реформистского движения. Поэтому папы не могли не взирать с одобрением на попытки расширить границы христианства в Испании. Ключийское и папское благословение сопровождало Санша-Гийома Гасконского, когда он вместе с Санчо Наваррским атаковал эмира Сарагосы, и поддерживало Раймунда-Беренгера I Барселонского, который стал теснить мусульман на юг.

Война с неверными в Испании таким образом приобрела статус священной, и вскоре сами папы взялись ею руководить. В 1063 году король Арагона Рамиро I в начале крупного наступления на мусульман пал от мусульманской стрелы при Граусе. Его смерть подняла большой шум в Европе. Папа Александр II сразу же пообещал индульгенцию всем, кто сражается за Крест в Испании, и стал собирать армию, чтобы продолжить дело Рамиро. Гийом де Монтрей, нормандец на папской службе, набрал войска в Северной Италии. В Северной Франции армию сформировал граф Эбль де Руси, брат арагонской королевы Фелиции, а самый крупный контингент привел Гийом, герцог Аквитанский, которому и поручили возглавить экспедицию. Она почти ничего не добила. Был взят город Барбастро с богатой добычей, но вскоре снова потерян. Однако с той поры французские рыцари рекой потекли за Пиренеи, чтобы продолжить начатое. В 1073 году Эбль де Руси организовал новый поход. Папа Григорий VII призвал христианских государей принять в нем участие и, напомнив миру, что испанское королевство находится под властью наместника святого Петра, заявил, что христианские рыцари могут пользоваться теми землями, которые отвоюют у иноверцев. В 1078 году Гуго I, герцог Бургундский, повел армию на помощь своему зятю Альфонсо VI Кастильскому. В 1080 году Григорий VII лично поддержал поход, возглавленный Гийомом. Несколько лет все шло хорошо. Кастильцы захватили Толедо в 1085 году. Последовало возрождение ислама во главе с фанатичными Альморавидами; и с 1087 года христианских рыцарей постоянно призывали в Испанию для борьбы с ними. Папа Урбан II поспешно оказал им

поддержку и даже посоветовал паломникам, собиравшимся в Палестину, что они принесут больше пользы, если потратят деньги на восстановление испанских городов, спасенных от мусульман-разорителей. До конца века испанские кампании продолжали привлекать к себе смельчаков с севера, пока захват Уэски в 1096 году и Барбастро в 1101-м не положил конец этому ряду военных операций.

К концу XI века идея священной войны таким образом была осуществлена на практике. Церковные авторитеты поощряли христианских рыцарей и воинов в стремлении позабыть о своих мелких ссорах и отправиться на границы христианского мира, чтобы сражаться там с иноверцами. В награду за службу они получали право забрать себе отвоеванные земли, а также приобретали духовные заслуги. Какие именно, точно неизвестно. Александр II, по-видимому, предлагал индульгенции участникам кампании 1064 года; но Григорий VII дал отпущение только тем, кто погиб в бою за Крест. Он также отпустил грехи воинам Рудольфа Швабского, дравшимся с отлученным Генрихом IV, королем Германии. Папы постепенно перенимали руководство священными войнами. Они часто объявляли их и назначали командиров. Предполагалось, что новые хозяева будут владеть завоеванными землями при безоговорочной верховной власти римского понтифика.

Пока великие государи, как правило, держались в стороне, западные рыцари и бароны охотно отвечали на призывы к священным войнам. Отчасти ими двигали истинно религиозные мотивы. Им было стыдно продолжать драться между собой, они хотели сражаться за Крест. Но их подстрекала к этому и нехватка земли, особенно в Северной Франции, где укоренилась практика майората^[25]. Сеньоры все меньше хотели дробить свои земельные владения и хозяйственные постройки, которые теперь все больше концентрировались вокруг каменных замков, и поэтому их младшим сыновьям приходилось пытаться счастья в других местах. В рыцарском сословии Франции создалась атмосфера общей тревожности и

стремления к честолюбивым авантюрам, заметнее всего среди нормандцев, которых от бродячих разбойников отделяло всего лишь несколько поколений. Возможность соединить христианский долг с приобретением земельных владений в теплом климате казалась очень заманчивой. У церкви были причины радоваться тому, как развивалось движение. А нельзя ли направить его и к восточным границам христианского мира?

Глава 2. Камень святого Петра

*Мною цари царствуют и повелители
узаконяют правду.*

*Книга притчей Соломоновых, 8:
15*

Когда прилив ислама удалось обратить вспять в Испании, папам было нетрудно установить свой авторитет над церковью на отвоеванных землях. Дар Константина^[26], который западное христианство широко, но ошибочно признавало подлинным, давал им мирскую власть над многими странами, и прибавление к ним Иберийского полуострова прошло незамеченным. Да и в самой Испании не существовало другой духовной власти, которая могла бы бросить вызов папству. Однако восточное христианство было организовано по-другому. Патриархии Александрийская и Антиохийская, первая основанная святым Марком, а вторая — самим святым Петром, были не менее древними, чем римский престол. Патриархия Иерусалимская, церковь Святого Иакова, хотя и была младше, но обладала престижем, которым была обязана тем, что находилась в самом священном городе мира. А самым внушительным соперником была патриархия Константинопольская. Несмотря на то что ее, по легенде, основал святой Андрей, она не могла претендовать на тот же авторитет в силу древности. Но Константинополь стал вторым Римом. Он сменил собою прежнюю столицу. В нем правила непрерывная цепочка христианских императоров. Это был величайший, непревзойденный город христианства. Его патриарх мог со всем основанием называть себя вселенским, главным церковным судьей цивилизованного мира. Временами религиозная оппозиция в Византии пыталась использовать авторитет старого Рима в качестве противовеса растущему владычеству императора, но никто на Востоке всерьез не считал, что епископ измельчавшего западного города, который так часто оказывался во власти своих буйных

мелочных дворян или северных варваров, мог обладать какой-то властью над восточными церквями с их давними и прочными традициями. И все же Рим еще пользовался неким особым уважением. Хотя его притязания на превосходство игнорировали, ему почти повсеместно отдавали первенство среди великих сект христианства, даже сам вселенский патриарх. Да и никто не хотел ставить под сомнение веру в единство христианства и в то, что оно и должно таковым оставаться.

После арабского завоевания патриархии юго-востока утратили большую часть своего могущества, и Константинополь поднялся на защиту восточных церквей. Рим и Константинополь немало спорили и ссорились по религиозным вопросам, хотя ни одна из этих распрей не была настолько длительной и серьезной, как думали спорщики впоследствии. Единство христианства пока еще не подвергалось сомнению. Однако в XI веке организация римской церкви значительно изменилась. Реформы в основном были вдохновлены влияниями монастырей в Клуни и Лотарингии, и на первых порах их проводили светские власти, в то время доминировавшие в Риме. Особую активность проявлял император Генрих III и придал реформам такой мощный импульс, что после его смерти церковь смогла продолжать и развивать их независимо от светского правительства, а в конце концов и вопреки ему; и из этого течения выросли теории, настаивавшие на всемирном духовном владычестве Рима и его верховной власти над светскими государями. Это, в свою очередь, спровоцировало новые разногласия с Востоком.

Главная проблема заключалась в том, что Рим хотел подтвердить свои притязания на превосходство. Но споры начались из-за мелких вопросов вероучения и литургии. В желании укрепить свою власть папство стремилось сделать богослужебную практику единообразной. По политическим и духовным соображениям оно не только желало запретить немонашескому духовенству вступать в брак, но и пыталось стандартизировать литургию и обряды. Такие реформы были возможны на Западе, но в

восточных церквях все было по-другому. В сфере влияния Рима находились греческие церкви, и латинские — в сфере влияния Константинополя; и в Южной Италии граница между этими сферами уже давно начала размываться. В то же время германское влияние в Риме привело к тому, что в Символ веры было вставлено слово «филиокве» в связи с исхождением Святого Духа^[27]. В отличие от своих предшественников, папы-реформаторы не особо желали идти на компромисс или хранить тактичное молчание по таким вопросам. Конфликты были неизбежны.

Папа Сергий IV включил слово «филиокве» в свое интронизационное послание — декларацию веры, которую посылает папа или патриарх по своем восшествии на престол. Патриарх Сергий II Константинопольский после этого запретил поминать его имя в диптихе^[28] в патриарших церквях в Константинополе. Византийцам это показало, что лично папа не считается православным в вопросах вероучения, но еще не поставило под сомнение православность всей западной церкви. Однако папе и западным церквям, привыкшим считать его источником православного учения, оскорбление показалось куда более широким и радикальным. Патриарх почувствовал, что перед ним открылись возможности диктовать свои условия в вопросе возвращения имени понтифика в диптих^[29].

В 1024 году папа Иоанн XIX получил из Константинополя предложение решить спорные вопросы между церквями таким образом: принять формулировку, составленную так хитроумно, что по ней Рим получал бы номинальное превосходство, а Константинополь оставался бы при своей полной практической самостоятельности. Там говорилось, что «с согласия римского понтифика константинопольская церковь будет считаться Вселенской в своей части света, как римская церковь — во всем мире». Сам Иоанн был готов согласиться, но клюниец, настоятель Святого Венигна Дижонского, поспешно и сурово напомнил ему, что власть связывать и развязывать на земле и на небесах принадлежит одному святому Петру

и его наместникам, и увещал его с большим усердием править Вселенской церковью. Пусть Византия уяснит себе, что реформированное папство не потерпит подобных компромиссов^[30].

В середине века вторжения нормандцев в Южную Италию сделали желательным политический союз между папой и восточным императором. Но теперь реформированное папство полностью отдалось политике единообразия и желало устранить богослужебную практику, существовавшую в греческих церквях Южной Италии, которую копировали многие итальянские церкви вплоть до самого Милана. В 1043 году гордый и честолюбивый Михаил Керуларий стал константинопольским патриархом и с не меньшим пылом вознамерился стандартизировать практику в своей сфере влияния. Первоначально им двигало стремление легче поглотить в православии церкви недавно оккупированных армянских провинций, где были другие порядки, например там причащались опресноками. Но его политика затрагивала и латинские храмы в византийской Италии, а также церкви, устроенные в самом Константинополе для иноземных купцов, паломников и солдат варяжской стражи. Когда эти церкви отказались подчиниться, их закрыли по приказу патриарха, и он со своими приближенными начал издавать трактаты с осуждением латинских обычаев.

Похоже, Керулария не интересовали теологические тонкости. Он был готов вернуть имя папы в диптих, если Рим ответит тем же. Споры шли из-за обрядов, поэтому они обозначили проблему границы между церквями в Италии, которая еще сильнее обострилась после вторжения нормандцев, принадлежавших к латинской церкви. Переговоры начал правитель византийской Италии ломбардец Аргил, подданный Византии, который сам следовал латинскому обряду. Император доверял ему, но Керуларий не мог его не подозревать, и обстоятельства сыграли на руку патриарху. В 1053 году нормандцы захватили папу Льва IX, прежде чем он успел назначить легатов для поездки из Рима в Константинополь. Когда

легаты во главе с кардиналом Гумбертом Сильва-Кандидским прибыли в Константинополь в январе 1054 года, император принял их с почестями; но Керуларий спросил, действительно ли их назначил папа и может ли папа, находясь в неволе, выполнить какие-либо данные ими обещания. В апреле, прежде чем обсуждение успело к чему-то прийти, Лев скоропостижно скончался, и легаты потеряли всякий официальный статус, если он у них и был. Это случилось за год до избрания нового папы, и никто не знал, какова будет политика будущего главы западной церкви. Керуларий отказался вести переговоры. Несмотря на желание императора прийти к согласию, страсти разгорелись, пока в конце концов легаты не уехали в гнев, оставив на алтаре Святой Софии буллу, которая отлучала патриарха и его советников, но при этом явно признавала православие византийской церкви. В ответ патриарх созвал синод, который осуждал буллу как продукт трех безответственных субъектов и сокрушался о включении филиокве в Символ веры, а также о гонениях на женатых священников, но не упоминал ни римской церкви в целом, ни других бытовавших в ней спорных практик. По сути ситуация никак не изменилась, хотя озлобленность возросла.

Церкви Александрии и Иерусалима не принимали участия в этом эпизоде. Патриарх Антиохийский Петр III явно считал, что Керуларий делает из мухи слона. Его церковь продолжала поминать имя папы в своих диптихах, и он не видел причин прекращать это. Возможно, он опасался, что Керуларий, чьи амбиции вызывали у него подозрения, лелеет замыслы лишить независимости его самого. Вероятно, он симпатизировал политике императора. Более того, он не мог поддержать введение единообразных обрядов и практик, ибо в его епархии были церкви, где богослужения проводились по сирийскому обряду, и многие из них находились за политическими границами империи. Он не мог ввести там единообразия, даже если бы и захотел. И он не стал вмешиваться в ссору.

За последующие десять лет отношения несколько улучшились. В 1059 году Михаил Керуларий был низложен. Вскоре после его исчезновения в Константинополе снова открылись латинские церкви. В Южной Италии все сильнее становились нормандцы, которые с 1059 года были верными союзниками папы, и потому Византия уже не могла настаивать на исполнении тамошним духовенством ее церковных требований. В 1061 году Рожер Нормандец отправился отвоевывать Сицилию у арабов при поддержке понтифика, сподвигшего его на эту святую войну. Византийцам и там пришлось столкнуться с утратой власти над христианскими общинами. В 1073 году император Михаил VII решил непременно достичь взаимопонимания с Римом. После завоевания Бари нормандцами в 1071 году он боялся дальнейшей агрессии, которую могло бы пресечь влияние папы. Тем временем в Малую Азию нахлынули туркмены. Михаил отчаянно нуждался в солдатах, а набрать их на Западе было бы легче при сочувствии папы. В 1073 году римским понтификом под именем Григория VII был избран кардинал Гильдебранд, уже прославившийся как человек энергичный и целеустремленный. Григорий был убежден в верховенстве престола Святого Петра и потому не стал даже посылать интронизационного письма никому из восточных патриархов. Но Михаил посчитал благоразумным сделать дружеский жест. Он направил новому папе поздравительное послание, намекая в нем на то, что ему хотелось бы установить более тесную связь. Польщенный, Григорий послал легатом в Константинополь патриарха Градо Доминика разведать тамошнюю обстановку.

После доклада Доминика Григорий убедился в искренности Михаила. Он также узнал о ситуации в Малой Азии. Она серьезно осложняла движение паломников. Сама Палестина еще не была закрыта для пилигримов, но добраться туда через Анатолию вскоре будет невозможно, если не остановить вторжения туркменов. Сделав ход, достойный хитроумного государственного мужа, Григорий стал планировать новый курс. Священную войну, которая так успешно велась в

Испании, следует распространить и на Азию. Его друзьям в Византии требуется военная помощь. Он пошлет к ним армию христианских рыцарей под началом церкви. И по такому случаю, поскольку еще оставались нерешенные церковные проблемы, папа возглавит их лично. Его войска изгонят нечестивцев из Малой Азии, и тогда он устроит в Константинополе собор, на котором христиане Востока решат свои споры в благодарном смирении, признав владычество Рима.

Знал ли император Михаил о намерениях папы, и если да, приветствовал ли он их, нам неизвестно. Ибо Григорий так и не смог исполнить свой замысел. Непреклонная прямота его политического курса все глубже и глубже завлекала его в проблемы Запада. Восточные амбиции пришлось пока отложить. Но он не забыл о них и не потерял к ним интереса.

В 1078 году Михаил VII был низложен. Услышав об этом, Григорий сразу же отлучил узурпатора Никифора Вотаниата. Вскоре после этого в Италии появился некий авантюрист и заявил, что он и есть сверженный император. Нормандцы какое-то время склонялись к тому, чтобы ему поверить, и Григорий оказал ему свою поддержку. Когда Никифор, в свою очередь, был смещен в апреле 1081 года Алексеем Комнином, нового императора тоже постигло отлучение. В июне Алексей написал папе, стремясь вернуть себе его расположение и заручиться его помощью в сдерживании агрессивных поползновений Роберта Гвискара, но не получил ответа. Тогда император нашел более многообещающего союзника в лице германского монарха Генриха IV. Между тем он закрыл латинские церкви в Константинополе. Византийцам казалось очевидным, что папа объединился с вероломными безбожниками-нормандцами. Они из уст в уста передавали фантастические истории о том, как он горд и немилосерден; а когда папа умер, запутавшись в сети несчастий, сотканных его же политикой, они с радостью встретили эту новость, увидев в ней Божий суд.

В 1085 году, когда скончался Григорий VII, отношения между восточным и западным христианством

никогда еще не были настолько холодны. Восточный император был отлучен римским папой, который открыто подстрекал беспринципных авантюристов к нападениям на их же единоверцев-христиан, а главный враг святейшего отца король Германии открыто получал финансовую помощь от Византии. Ненависть и злоба росли с обеих сторон. Но фактически раскола еще не произошло. Государственная мудрость еще могла бы сохранить единство христианства. В императоре Алексее Восток получил государственного мужа, достаточно гибкого и мудрого. А теперь и на Западе суждено было подняться деятелю того же калибра.

Одо де Лажери родился в благородном семействе в области Шатильон-сюр-Марн около 1042 года. Получать образование его послали в школу при Реймском соборе под руководством святого Бруно, позднее основавшего орден картузианцев. Он остался в Реймсе, стал каноником, а затем архидиаконом собора, но все это его не удовлетворяло. Внезапно он решил уйти в Клунийское аббатство. В 1070 году его принял туда аббат Гуго, распознавший его таланты. Он пробыл там некоторое время приором, а затем был переведен в Рим. Вскоре он получил возможность проявить себя, и в 1078 году Григорий VII назначил его кардиналом-епископом Остии. С 1082 по 1085 год он был легатом во Франции и Германии и по возвращении оставался с Григорием в последние несчастливые дни его папства. После смерти Григория в ссылке, когда в Риме царил антипапа Гиберт, верные кардиналы избрали вместо него слабого и не желавшего такой чести аббата Монте-Кассино, который взял имя Виктор III. Кардинал Остии не одобрил его избрания и не скрывал этого. Но папа Виктор не таил на него зла и на своем смертном одре в сентябре 1087 года рекомендовал кардиналам выбрать его своим преемником. Было известно, что и Григорий VII желал его восшествия, но конклав встретился в Террачине лишь в марте 1088 года, где и избрал его папой под именем Урбан II.

Урбан прекрасно подходил для своей задачи. У него была импозантная внешность, высокий рост, красивое

лицо и борода, обходительные манеры и убедительная речь. Если ему и не хватало огня и целеустремленности Григория VII, то он превосходил своего предшественника широтой кругозора и умением общаться с людьми. Также он не был настолько горд и упрям, как Григорий, но не был и слаб. За свою верность папе и собственным убеждениям он отсидел в германском узилище по приказу Генриха IV. Он мог быть суров и безжалостен, но предпочитал действовать мягко, избегая споров, которые могли бы привести к озлоблению и распрям.

Ему досталось тяжелое наследство. Он мог спокойно жить только на территории нормандцев, а нормандцы были эгоистичными и ненадежными союзниками. Римом же владел антипапа Гиберт. Урбан мог проникнуть на римские окраины, но не прошел бы дальше без кровопролития, а он отказывался проливать кровь. На итальянском севере Матильда Тосканская упорно поддерживала его во всех своих обширных владениях. В 1089 году она укрепила свое положение, цинично заключив брак с германским герцогом Вельфом Баварским, мальчиком вдвое младше ее. Но в 1091 году германский король Генрих разбил ее войска в битве при Триконтае. Генрих был в расцвете своей силы. В 1084 году антипапа короновал его императором, и теперь он был владыкой Германии и одерживал победы в Северной Италии. Находясь в столь неуверенном положении, Урбан не мог рассчитывать на повиновение и других.

Но Урбан не опускал рук, проявляя упорство и дипломатичность, пока в 1093 году все не переменилось. С помощью денег, а не оружия он сумел провести в Риме Рождество этого года, а следующей весной обосновался в Латеранском дворце. Позиции императора Генриха ослабели из-за мятежа, поднятого его собственным сыном Конрадом, чье недовольство Урбан исподтишка подстегивал. На родине Урбана во Франции он благодаря своим организаторским способностям сумел взять под свой контроль всю церковную структуру. В Испании его влияние было наиболее сильным, и постепенно все более дальние страны Запада начинали признавать его духовный

авторитет. Урбан забыл о притязаниях Григория VII на политическое господство. Со всеми мирскими князьями и государями, за исключением своих открытых врагов, он выказывал едва ли не безграничную сдержанность. К 1095 году он уже стал духовным властелином всего западного христианства.

А тем временем он обратил свой взгляд на восточное христианство. После смерти Роберта Гвискара его брат Рожер Сицилийский выдвинулся на первое место среди нормандцев, и Рожер не желал больше причинять обид византийцам. С его согласия Урбан вступил в переговоры с византийским двором. На соборе в Мельфи в сентябре 1089 года в присутствии императорских послов он снял отлучение с Алексея. На этот жест Алексей ответил тем, что в том же месяце созвал в Константинополе синод, на котором выяснилось, что имя папы не поминалось в диптихе «не по каноническому решению, а, так сказать, по небрежности», и было высказано предложение вернуть его туда после получения интронизационного послания от папы. Синод постановил, что для споров между церквями нет никаких серьезных причин, и рекомендовал посоветоваться с патриархами Александрии и Иерусалима. Патриарх Антиохийский присутствовал на синоде лично. Патриарх Николай III Константинопольский написал Урбану об этих решениях и попросил его прислать интронизационное послание в течение полугода. Он заверил папу, что латинские церкви в Константинополе могут беспрепятственно проводить богослужения по своему обряду. Ни слова не было сказано о богословских вопросах. Это не понравилось императорским послам в Италии — митрополиту Трани Василию и архиепископу Россано Роману, греческим клирикам, — их весьма тревожили посягательства папы на их территорию, и они с возмущением восприняли заявление папы о том, что в действительности к его сфере должны относиться и Фессалоники, причем на это у него имелись определенные исторические основания. Оба они предпочли бы, если бы Алексей встал на сторону антипапы. Но Алексей уже решил, кого поддержать, и, как человек прагматичный, понимал, что византийская Италия потеряна, притом и

Гиберт вскоре оскорбил своих греческих друзей, устроив в Риме собор, на котором были осуждены браки священников^[31].

Урбан на самом деле так и не прислал послания византийцам, видимо, потому, что не хотел вдаваться в теологические тонкости; да и его имя так и не вернулось в константинопольские диптихи. Однако добрые отношения были восстановлены. В 1090 году у Урбана побывало посольство от Алексея и привезло с собой его заверения в сердечной дружбе. Официальная точка зрения византийцев изложена в трактате Феофилакта, архиепископа Болгарского. Он просит читателя не придавать излишнего значения вопросам обрядности. Он сожалел о добавлении филиокве в Символ веры, но объяснял, что неизбежной причиной недопонимания стала скудость богословских терминов на латыни. Претензии папы на власть над восточными церквями он не рассматривал всерьез. В самом деле, нет никаких основания для раскола. Другие восточные богословы продолжали обсуждать различия в обрядах, но их полемика была умеренной по тону. Среди этих авторов был патриарх Иерусалимский Симеон II, осудивший латинский обычай совершать причастие на пресном хлебе, однако в таких выражениях, которые никто не назвал бы желчными^[32].

В начале 1095 года папа Урбан II отправился из Рима на север и пригласил представителей всех западных церквей встретиться с ним на первом великом соборе своего правления, который должен был состояться в марте в Пьяченце. Там собравшееся духовенство выпустило декреты против симонии и браков священников, а также против церковной схизмы. Обсуждался адюльтер короля Франции Филиппа, но было решено не предпринимать никаких действий, пока сам Урбан не побывает во Франции. Прибыли посланцы от сына императора Генриха Конрада, чтобы организовать его встречу с папой в Кремоне. Супруга Генриха, императрица Евпраксия Русская из правившей в Киеве скандинавской династии, лично прибыла рассказать о тех бесчестьях, которым

подвергал ее муж. Собор взял на себя функции верховного суда западного христианства, а папа возглавил его как судья.

Среди съехавшихся на собор были и посланники от императора Алексея. Он одерживал успехи в войнах с тюрками. Сельджуки очевидно утратили былую мощь. И с помощью нескольких удачных, своевременных кампаний можно было бы сломить их навсегда. Но Византийской империи не хватает солдат. На анатолийских территориях, откуда раньше приходил поток новобранцев, царила неразбериха, а многие из них были потеряны. Императору приходилось в значительной мере полагаться на чужеземных наемников, на полки печенегов и других степных племен, которых в основном использовали в качестве пограничных войск и военной полиции, на варяжскую стражу, набранную в большинстве своем из англосаксов-изгнанников из завоеванной Англии, и на искателей приключений с Запада, которые временно поступали на службу в его армию. Самым знаменитым из них был граф Роберт I Фландрский, который воевал за императора в 1090 году. Но даже если прибавить к ним все местные войска, которые Алексей еще мог бы собрать, этого было недостаточно для решения его задач. Он вынужден был охранять протяженную дунайскую границу от набегов северных варваров. На северо-западе ему не давали покоя сербы, да и болгарские подданные не успокаивались надолго. Еще постоянно оставалась опасность нормандской агрессии из Италии. В Малой Азии все оставшиеся ресурсы забирала оборона нечетко проведенной границы и аванпостов, а также поддержание общего порядка и коммуникации. Для наступательных действий ему понадобится гораздо больше солдат. Если бы он смог воспользоваться папским влиянием для того, чтобы найти себе новобранцев, его политика по отношению к папству принесла бы хорошие плоды. Урбан выслушал послов благосклонно. Это входило в папские планы — убедить драчливых рыцарей Запада обратить свой пыл на более возвышенные и более далекие цели. Он предложил византийским послам выступить перед собравшимися.

Их речи до нас не дошли. Но, по всей видимости, чтобы убедить слушателей в том, что служба у императора — дело достойное, они постарались особо ярко изобразить, какие бедствия и дальше ждут христиан Востока, пока не удастся отбросить иноверцев. Если церковь поддержит призыв, то обещания щедрой оплаты будет недостаточно для убеждения. Более сильным аргументом будет призыв исполнить христианский долг. Момент был неподходящий для того, чтобы оценивать, чего именно достигла и чего добивалась Византия. Пусть епископы вернутся домой, веря, что благополучие христианства под угрозой, и тогда они будут горячее призывать свою паству ехать на Восток сражаться с христианской ратью.

Византийцам удалось произвести впечатление и на епископов, и на папу. По дороге в Кремону, где Урбан принял присягу от юного Конрада, и дальше по альпийским перевалам во Францию он начал обдумывать уже более далеко идущий и блистательный план, рисуя в своем уме картину священной войны.

Глава 3. Призыв

*Послушайте Меня, жестокие сердцем,
далекие от правды.*

Книга пророка Исаии, 46: 12

Папа Урбан прибыл во Францию в конце лета 1095 года. 5 августа он находился в Валансе, а 11-го въехал в Ле-Пюи. Оттуда он отослал письма епископам Франции и соседних земель, прося их приехать на встречу с ним в Клермон в ноябре. Тем временем он повернул на юг, провел сентябрь в Провансе, Авиньоне и Сен-Жиле. В начале октября он побывал в Лионе, а оттуда отправился в Бургундию. В Ключни 25 октября он освятил высокий алтарь большой базилики, которую начал строить аббат Гуго. Из Ключни он поехал в Сувиньи возле Мулена, чтобы поклониться гробнице самого праведного из ключнийских аббатов — святого Майоля. Там к нему присоединился епископ Клермонский и проводил его в столицу своей епархии, уже готовой к проведению собора.

В пути Урбан занимался делами церкви во Франции, налаживая и исправляя, расточая похвалы и укоры тем, кто их заслуживал. Но разъезды позволили папе способствовать исполнению и его более грандиозного плана. Мы не знаем, встречался ли он, находясь на юге, с Раймундом Сен-Жильским, графом Тулузским и маркизом Прованским, который уже прославился как предводитель священной войны в Испании. Однако папа поддерживал с ним связь и должен был знать о его свершениях. В Ключни он имел возможность поговорить с теми, кого волновали паломничества и в Компостелу, и в Иерусалим. Они могли рассказать ему о непреодолимых трудностях, с которыми сталкивались идущие в Палестину богомольцы после распада там власти тюрок. Святейший отец узнал, что преграждены не только дороги через Малую Азию, но и сама Святая земля буквально закрыта для паломников.

Собор в Клермоне заседал с 18 по 28 ноября 1095 года. Туда съехалось около трехсот иерархов, и они рассмотрели широкий спектр вопросов. В целом собор повторил постановления против светской инвеституры, симонии и брака священников, а также выступил за Божье перемирие. Что касается конкретных решений, то собор отлучил короля Филиппа за супружескую измену, а епископа Камбре — за симонию, а также установил главенство Лионской епархии над епархиями Санса и Реймса. Но папа хотел воспользоваться случаем для достижения более масштабных целей. Было объявлено, что во вторник 27 ноября он выступит перед народом и сделает важное объявление. Здание собора не могло вместить в себя стекшихся толп мирян и духовенства. Трон для папы установили на помосте прямо в открытом поле за восточными воротами города, и, когда народ собрался, Урбан встал и обратился к нему.

Слова папы сохранили для нас четыре современных ему летописца. Один из них — Роберт Монах — утверждает, что лично присутствовал при этом. Бальдерик Дольский и Фульхерий Шартрский пишут так, будто тоже находились на месте. Четвертый — Гвиберт Ножанский, вероятно, получил свою версию из вторых рук. Но никто из них не утверждает, что приводит точную запись речи, и все они писали свою хронику годы спустя, и их описания хранят на себе отпечаток последовавших событий. Мы лишь приблизительно представляем себе, что на самом деле сказал Урбан. По всей видимости, он начал речь с того, что рассказал слушателям о том, что необходимо помочь братьям на Востоке. Восточное христианство обращается к ним за помощью, ибо тюрки проникли в самое сердце христианских земель, терзают местных жителей и оскверняют святыни. Но он говорил не только о Романии (то есть Византии). Он подчеркнул особую святость Иерусалима и описал страдания паломников по пути в святой город. Нарисовав такую мрачную картину, он озвучил свой великий призыв. Пусть западное христианство придет на помощь Востоку. Пусть отправятся в путь и богатые, и бедные. Пусть они перестанут убивать друг друга, а ведут лучше праведную

войну, делая богоугодное дело, и тогда их возглавит сам Господь. Тех, кто падет в бою, ждет прощение и отпущение грехов. Здесь люди влекут жалкую и порочную жизнь, изнемогая, ввергая в погибель свои тела и души. Здесь они бедны и несчастны, там будут радостны и преуспеют и станут истинными содружениками Богу. Медлить нельзя. Следует приготовиться выступить в дальний путь следующим летом, а поведет их войско сам Господь^[33].

Урбан говорил со всем пылом и красноречием великого оратора. Его призыв встретил немедленный и оглушительный отклик. Крики «Deus le volt!» — «Этого хочет Бог!» — прервали его речь. Едва только папа смолк, как тут же со своего места поднялся епископ Пюиский и, преклонив колена перед престолом папы, просил разрешения участвовать в святом походе. Сотни людей последовали его примеру. Потом кардинал Григорий пал на колени и громко прочел Confiteor^[34], и вся огромная толпа вторила за ним. Когда молитва отзвучала, Урбан снова поднялся, отпустил собравшимся грехи и отправил по домам.

Энтузиазм оказался еще сильнее, чем рассчитывал Урбан. Он еще не успел решить, как им распорядиться. В Клермоне не присутствовало ни одного из великих сеньоров. Все новобранцы были людьми скромного сословия. Предприятию требовалась более надежная поддержка со стороны светских властей. Тем времени Урбан снова созвал епископов на совет. Собор, скорее всего по его просьбе, уже принял общее постановление о том, все, кто примет участие в священной войне с благочестивыми намерениями, будут освобождены от мирских наказаний за их проступки. Теперь же к этому добавилась оговорка, что церковь возьмет под свою защиту и попечение все земные владения участников на время их отсутствия. За сохранность будет отвечать их местный епископ, который вернет все в целостности и сохранности, когда воины возвратятся домой. Каждый участник похода как символ своего призвания должен поместить на одежду знак — крест из красной ткани,

нашитый на плечо сюрко. Всякий, кто наденет на себя крест, должен дать обет отправиться в Иерусалим. Если он вернется слишком быстро или вовсе никуда не поедет, его ждет отлучение. Клирики и монахи не должны надевать креста без разрешения своего епископа или аббата. Пожилых и немощных следует отговаривать от попытки принять участие в походе, а также никто не должен отправляться в дорогу, не посоветовавшись предварительно со своим духовником. Это не будет простая война ради завоеваний. Во всех отвоеванных у неверных городах следует вернуть восточным церквям все отнятые у них права и владения. Все участники должны быть готовы покинуть дом к празднику Успения (15 августа) следующего года, после сбора урожая, и армии соберутся в Константинополе.

Далее следовало назначить главу предприятия. Урбан хотел, чтобы все себе четко уяснили, что поход будет проходить под контролем церкви. Его должен возглавить церковный служитель, папский легат. С единодушного согласия собор назначил таковым епископа Пюиского.

Адемар Мотейльский, епископ Пюиский, принадлежал к роду графов Валентинуа. Это был человек средних лет, уже побывавший паломником в Иерусалиме девятью годами раньше. Свое назначение он заслужил тем, что первым выступил вперед, отвечая на призыв Урбана, однако он уже принимал Урбана у себя в Ле-Пюи в августе и не мог не обсуждать с ним восточные дела, так что, возможно, его воодушевляющий жест не был совсем уж спонтанным. Это было мудрое назначение. Последующие события показали, что это прекрасный проповедник и тонкий дипломат, человек широкого кругозора, спокойный и незлобивый, всецело достойный уважения, который стремился более убеждать, чем повелевать. Своим влиянием он неизменно пользовался для того, чтобы укрощать страсти и способствовать взаимопониманию, но оно было не всегда настолько сильным, чтобы держать в узде властелинов и сеньоров, которые номинально находились у него в подчинении.

Первым из сеньоров, изъявивших желание участвовать в походе, был граф Раймунд Тулузский. 1 декабря, пока Урбан еще находился в Клермоне, туда прибыли гонцы от графа и сообщили ему, что их господин и многие из его вассалов желали бы возложить на себя крест. Находясь в Тулузе, Раймунд не имел возможности так быстро получить известие о произнесенном в Клермоне великом призыве. Вероятно, его предупредили заранее. Будучи первым человеком, кого познакомили с замыслом, и первым принесшим обет, он полагал, что заслужил стать светским главою похода, чтобы другие суверены и сеньоры находились под его началом. Он желал быть Моисеем при Аароне-Адемаре. Урбан не откликнулся на такие притязания, но Раймунд так полностью от них и не отказался. Но между тем он все же собирался искренне сотрудничать с Адемаром.

Урбан уехал из Клермона 2 декабря. Побывав в нескольких клюнийских монастырях, он провел Рождество в Лиможе, где проповедовал Крестовый поход в тамошнем соборе, затем отправился на север через Пуатье в долину Луары. В марте он уже был в Туре, где созвал собор, а в одно воскресенье пригласил местную общину послушать его на лугу у реки. Стоя на импровизированном возвышении, он прочел долгую и торжественную проповедь, увещевая слушателей покаяться и отправиться в Крестовый поход. Из Тура он снова повернул на юг через Аквитанию, мимо Сента и Бордо в Тулузу. В мае и июне он оставался в Тулузе и имел немало возможностей обсудить Крестовый поход с тамошним сеньором, графом Раймундом. В конце июня он двинулся в Прованс. Раймунд сопровождал его до Нима.

В августе папа снова пересек Альпы, направляясь в Ломбардию. Его путешествие не было увеселительной поездкой. На всем пути он разговаривал со священниками и рассылал послания, стараясь завершить реорганизацию французской церкви и прежде всего продвигать планы Крестового похода. Все епископы Запада получили синодальные послания с изложением принятых в Клермоне решений. В некоторых провинциях проводились

специальные соборы, чтобы ознакомиться с ними и обдумать дальнейшие действия. Скорее всего, высшие светские власти также были официально проинформированы о намерениях папы. В конце 1095 года из Лиможа Урбан написал всем верным христианам во Фландрии, сообщая им о постановлениях Клермонского собора и прося поддержки. У него были все причины быть довольным тем ответом, который пришел из Фландрии и соседних с нею регионов. В июле 1096 года, пока папа еще находился в Ниме, ему доставили письмо от короля Филиппа, в котором тот объявлял, что полностью подчиняется церкви в деле о своей супружеской измене, и, вероятно, в то же время сообщал о желании его брата Гуго Вермандуа присоединиться к Крестовому походу. В том же месяце Раймунд Тулузский доказал твердость своих намерений тем, что передал многие свои владения Сен-Жильскому монастырю. Вероятно, именно по совету Раймунда Урбан решил, что для обеспечения экспедиции необходимым снабжением потребуется помощь морской державы. Два легата отправились с письмами в Генуэзскую республику просить у нее содействия. Республика согласилась предоставить двенадцать галер и грузовой транспорт, но осмотрительно отложила их отправку до тех пор, пока не выяснится, настолько серьезно это крестоносное движение. Лишь в июле 1097 года этот флот поднял паруса и вышел из Генуи. Между тем многие генуэзцы записались в крестоносцы.

К тому времени, когда Урбан вернулся в Италию, он уже был уверен в успехе своего плана. Его призывы встречали активный отклик. Даже из таких дальних мест, как Шотландия, Дания и Испания, люди спешили принести обет. Одни, чтобы раздобыть деньги на путешествие, закладывали свое имущество и землю. Другие, не рассчитывая вернуться, отдавали все имущество церкви. Значительное число крупных сеньоров заявили о намерении участвовать в походе, чем дали ему внушительную военную поддержку. Не считая Раймунда Тулузского и Гуго Вермандуа, к отправке на Восток готовились Роберт Фландрский, герцог Роберт Нормандский и его зять Этьен, граф Блуа. Еще более

примечательной была готовность преданных сторонников императора Генриха IV. Главным из них был Годфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, который надел знак креста вместе со своими братьями — графом Эташем Булонским и Балдуином Булонским. Вокруг этих лидеров собралось множество дворян помельче и несколько видных церковников, таких как епископ Байе.

В Италии Урбан встретил такой же душевный подъем. В сентябре 1096 года он письменно поблагодарил жителей города Болоньи за их рвение, но предостерег от него, чтобы они не уезжали на Восток без разрешения своего священника. Также и молодоженам не следует уезжать без согласия супруги. Между тем новости о будущем предприятии достигли Южной Италии, где их с воодушевлением восприняли многие тамошние нормандцы, всегда готовые к новому приключению. Их правители на первых порах не торопились оказать свою поддержку, но сын Гвискара Боэмунд, тогдашний князь Тарентский, честолюбивые стремления которого ограничивали в Италии его брат Рожер Борса и дядя Рожер Сицилийский, вскоре осознал, какие возможности раскрывает перед ним Крестовый поход. Вместе со многими родственниками и друзьями он примкнул к крестоносцам. Благодаря их участию в новое движение влилось множество самых бывалых и предприимчивых вояк Европы. Когда понтифик вернулся в Рим к Рождеству 1096 года, он мог быть уверен, что начало Крестовому походу уже положено.

Фактически же благодаря Урбану зародилось движение куда более великое, чем он мог предполагать. Возможно, было бы лучше, если бы на его призыв отозвалось поменьше великих сеньоров. Ибо, хотя у всех них, кроме Боэмунда, самым сильным мотивом был истинный религиозный пыл, вскоре их мирские мотивы и соперничество приведут к таким бедствиям, с которыми не по силам было справиться папскому легату. Но еще более неукротимым стал отклик, который призыв Урбана нашел среди народа по всей Франции, Фландрии и Рейну.

Папа просил епископов проповедовать Крестовый поход, но гораздо эффективнее оказалась проповедь бедняков, таких ревностных христиан, как Роберт д'Арбриссель, основатель ордена Фонтевро, и еще более — странствующего монаха по имени Петр. Петр, родившийся под Амьеном, был уже немолодым человеком. Вероятно, он несколькими годами раньше уже пытался совершить паломничество в Иерусалим, но турки плохо с ним обошлись и заставили повернуть назад. Современники знали его как Петра Малого — *chtou* или *kiokio* на пикардийском диалекте, — но позднее из-за отшельнической накидки, которую он обычно носил, ему дали прозвище Пустынник, под которым он и вошел в историю. Это был человек небольшого роста, смуглокожий, длиннолицый, ужасно похожий на мула, на котором постоянно ездил и которого почитали едва ли не наравне с самим Петром. Он ходил босым, в грязных лохмотьях. Он не ел ни хлеба, ни мяса, а только рыбу и пил вино. Несмотря на неприметную внешность, он обладал даром трогать людей за душу. В нем чувствовалась какая-то странная властность. «Что бы он ни делал и ни говорил, — рассказывает нам лично знакомый с ним Гвиберт Ножанский, — это казалось чем-то едва ли не божественным».

По всей вероятности, Петр не помогал на Клермонском соборе, но еще до конца 1095 года он уже проповедовал Крестовый поход. Он начал путь в Берри, потом за февраль и март прошел через Орлеан и Шампань в Лотарингию, а оттуда мимо городов Мез и Ахен в Кёльн, где провел Пасху. Он собрал вокруг себя учеников, которых посылал в те места, которые сам не мог посетить. Среди них были француз Готье Неимуций (Вальтер Голяк), Рено из Бруа, Жоффруа Бюрель и Готье из Бретея, и германцы Орель и Готшалк. Куда бы ни шел Петр со своими сторонниками, повсюду мужчины и женщины оставляли свои дома и следовали за ним. К тому времени, когда он добрался до Кёльна, его последовали насчитывали около 15 тысяч человек, а в Германии к нему присоединилось еще больше народу.

Необычайный успех его проповеди объяснялся рядом причин. Жизнь крестьянина в Северо-Западной Европе была тяжелой и опасной. Во время варварских нашествий и набегов северян большая часть земли оставалась невозделанной. Плотины разрушались, море и реки заливали поля. Сеньоры часто запрещали вырубать леса, где охотились на дичь. Деревни, не защищенные замком, грабили и жгли разбойники или солдаты, участвовавшие в мелких междоусобных конфликтах. Церковь старалась защитить бедных крестьян и создавать *бурги* на опустевших землях, но ее помощь была эпизодической и часто ни к чему не приводила. Крупные феодалы порой поддерживали рост городов, но мелкие ему сопротивлялись. Организация землевладения рушилась, но вместо нее не возникало никакой упорядоченной системы. Хотя фактически крепостная зависимость исчезла, люди оставались привязаны к земле обязательствами, которых не могли легко с себя сбросить. Между тем население росло, а земельные участки в деревнях нельзя было делить до бесконечности. «Эта земля, — передает слова папы Урбана в Клермоне Роберт Монах, — едва может прокормить местных жителей. Вот почему вы истощаете ее блага и ведете бесконечные войны между собою». Последние годы были особенно трудными. После наводнения и чумы 1094 года пришли засуха и голод в 1095-м. Наступил такой момент, когда возможность куда-то перебраться казалась весьма заманчивой. В апреле 1095 года метеоритный дождь предсказал великое переселение народов.

К экономическому принуждению добавлялись апокалиптические предсказания. Это была эпоха духовных видений, и Петра считали провидцем. Средневековый человек был убежден, что Второе пришествие уже не за горами. Надо успеть покаяться, пока еще есть время, и идти делать добро. Церковь учила его, что грех можно искупить паломничеством, а пророчества утверждали, что, прежде чем Христос явится вновь, нужно вернуть Святую землю из рук нехристей. К тому же невежественный ум не умел провести четкого различия между просто

Иерусалимом и Новым Иерусалимом^[35]. Многие слушатели Петра верили, что он обещает вывести их из теперешней нищеты в землю, сочащуюся молоком и медом, о которой говорилось в писаниях. Путь будет трудным, придется одолеть антихристовы легионы. Но зато целью был золотой город Иерусалим.

Что папа Урбан думал о Петре и успехах его проповедей, никому не известно. Его письмо к жителям Болоньи позволяет предположить, что его слегка беспокоил столь необузданный энтузиазм, однако он или не стал, или не мог мешать ему разлетаться по Италии. Все лето 1096 года на Восток тянулся неровный, но непрерывный поток паломников, не имеющих ни вождей, ни какой-либо организации. Безусловно, понтифик надеялся, что они и приверженцы Петра благополучно доберутся до Константинополя и там подождут приезда его легата и военных командиров, которые примут их в упорядоченные ряды великого христианского воинства.

Урбан настаивал, чтобы участники похода собрались в Константинополе, и это показывает, насколько он был уверен в том, что император Алексей примет его благосклонно. Византийцы просили у Запада солдат, и вот они ответили на призыв, да не горсткой отдельных наемников, а целыми мощными армиями. Весьма бесхитростная уверенность. Конечно, любое правительство ищет себе союзников. Но когда эти союзники присылают громадные полчища, которые ему не подчиняются и собираются захватывать его территорию, рассчитывая, что их будут кормить, селить на постой и снабжать всем необходимым, тогда неизбежно встает вопрос: а стоит ли союз таких хлопот? Когда известия о движении крестоносцев достигли Константинополя, они вызвали там чувство беспокойства и опасения.

В 1096 году Византийская империя улучила несколько месяцев передышки. Незадолго до того император отразил вторжение половцев с Балкан с таким решительным успехом, что ни одно из варварских степных племен не осмеливалось пока пересекать границу. В Малой Азии благодаря междоусобицам, подстрекаемым

византийской дипломатией, империя сельджуков начала распадаться. Алексей надеялся вскоре предпринять против нее наступление, но хотел сам выбрать подходящее время. Он все еще нуждался в передышке, чтобы восполнить истощенные ресурсы. Его волновала проблема недостатка людей. Он хотел получить с Запада наемников и, несомненно, надеялся, что его послам в Италии удастся их найти. Теперь же ему сообщили, что вместо отдельных рыцарей или небольших отрядов, которые, по его расчету, должны были вступить в его войска, к нему движутся целые армии франков. Это не понравилось императору, ибо он по собственному опыту знал, что франки — народ ненадежный, жадный до денег и не умеющий держать слово. Они грозны в атаке, но в тогдашних обстоятельствах это было сомнительное преимущество. С некоторыми опасениями императорский двор узнал, по словам Анны Комнины, что «весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу». Не только императору, но и его подданным стало не по себе. Как дурное предзнаменование по империи пронесли тучи саранчи, оставив зерно нетронутым, но пожрав виноградные лозы. Возможно, воодушевленные намеками властей, которые старались не распространять мрачных настроений, народные гадатели истолковали это так, что франки не сделают худа добрым христианам, которых символизировало зерно, источник хлеба жизни, но уничтожат сарацин — народ, чью любовь к чувственным удовольствиям вполне могли символизировать виноградники. Это толкование вызвало некоторый скепсис у царевны Анны, однако сходство франков с саранчой было бесспорным.

Император Алексей спокойно взялся за приготовления к встрече. Франкские армии придется кормить во время их передвижения по империи; также надо принять меры против разорения ими деревень и ограбления жителей. Во все крупные населенные пункты, через которые им предстояло пройти, свозили запасы

продовольствия, а кроме того, были отряжены специальные силы охраны правопорядка, которые должны были встречать каждое прибывающее в империю войско и сопровождать его до Константинополя. Через Балканский полуостров пролегали две большие дороги: северная, пересекавшая границу у Белграда и шедшая на юго-восток через Ниш, Софию, Филиппополь и Адрианополь, и Эгнатиева дорога от Диррахия через Охрид и Эдессу (Водену) в Фессалоники и дальше через Мосинополь и Селимврию в столицу. Со времени великого германского паломничества 1064 года путешественники с Запада редко пользовались первой дорогой. Число пилигримов сократилось, а те, кто все же рисковал отправиться в путь, предпочитали другой маршрут. К тому же Алексей получил сведения о Крестовом походе из Италии. Поэтому он предположил, что армии франков пересекут Адриатику и воспользуются Эгнатиевой дорогой. Запасы провианта послали в Диррахий и промежуточные города, а правитель Диррахия, племянник императора Иоанн Комнин, получил указание радушно встретить франкских вождей, но проследить за тем, чтобы они со своими войсками постоянно находились под присмотром военной полиции. Встречать всех великих сеньоров по очереди будут высокопоставленные послы из Константинополя. Между тем адмирал Николай Маврокатакалон вывел в Адриатическое море флотилию кораблей, чтобы приглядывать за побережьями и предупредить о приближении франкских транспортных судов.

Сам император оставался в Константинополе в ожидании новых вестей. Зная, что папа назначил дату отъезда на 15 августа, он не спешил с подготовкой, как вдруг, в конце мая 1096 года, с севера явился гонец и сообщил, что первая армия франков прошла через Венгрию и перешла границу империи у Белграда.

Часть третья. Путь на войну

Глава 1. Народный поход

Господь не мог ввести их в землю, которую обещал им.

Второзаконие, 9: 28

Петр Пустынник со своими приверженцами прибыл в Кёльн в Великую субботу 12 апреля 1096 года^[36]. Там у него забрезжило понимание того, какие трудности ожидают народного вождя. Разношерстное собрание восторженных поклонников, собранное им вокруг себя, состояло из самых разных людей, явившихся из самых разных мест. Одни приводили с собой жен, а другие даже брали детей. Большинство было из крестьян, но встречались и горожане, и младшие сыновья рыцарских семейств, и бывшие разбойники и преступники. Единственное, что их связывало, — это искренняя вера. Все они отказались от всего, что имели, чтобы следовать за Петром, и им не терпелось идти дальше. Более того, им необходимо было идти дальше, чтобы не умереть с голода, ведь в средневековой Европе мало какая область имела достаточно излишков еды, чтобы прокормить такую огромную ораву. Но Кёльн находился в зажиточной местности с хорошим речным сообщением. Петр хотел воспользоваться теми удобствами, которые предоставляла она, чтобы ненадолго задержаться и проповедовать среди германцев. Он, как видно, хотел привлечь кого-нибудь из местной знати к своему Крестовому походу. Во Франции и Фландрии рыцари предпочитали примкнуть к компании какого-нибудь крупного феодала. Но ни один из крупных феодалов Германии пока не собирался на священную войну. Однако его проповеди имели успех. Среди множества немцев, отзывавшихся на его призыв, оказалось несколько представителей мелкой знати во главе с графом Гуго Тюбингенским, графом Генрихом Шварценбергским, Вальтером Текским и тремя сыновьями графа Циммерна^[37].

Однако французы проявляли нетерпение. Готье Неимуций решил, что не станет дожидаться в Кёльне. С несколькими тысячами соотечественников он покинул город сразу же после праздника Пасхи, вероятно в четверг на пасхальной неделе, и двинулся в Венгрию. Пройдя по Рейну и Неккару и далее вниз по Дунаю, к 8 мая он достиг венгерской границы. Там он послал

к королю Кальману спросить его разрешения на проход через его королевство, а также помощи с продовольствием для его спутников. Кальман отнесся к ним дружелюбно. Армия прошла через Венгрию без каких-либо неприятных инцидентов. Примерно в конце месяца она достигла Земуна у дальней границы и переправилась через реку Саву, войдя на территорию Византии в районе Белграда.

Командующий войсками в Белграде не ожидал такого. Он не получал никаких распоряжений о том, что ему делать с подобным нашествием. В срочном порядке он отправил гонца в Ниш, где находилась резиденция болгарского правителя, чтобы сообщить ему о прибытии Готье. Правитель, чиновник добросовестный, но ничем не выдающийся, тоже не получал никаких указаний. В свою очередь, он тоже отправил гонца, чтобы как можно быстрее доложить о новостях в Константинополь. Между тем Готье, находясь в Белграде, потребовал пропитания для своих сподвижников. Урожай еще не собрали, и гарнизон не имел лишней провизии, поэтому Готье и его люди стали грабить окрестности. Он пришел в раж из-за одного неудачного инцидента, случившегося в Земуне, где шестнадцать человек из его сборища, которые не переправились через реку вместе с остальными, попытались ограбить базар. Венгры схватили их, отобрали оружие и одежду и повесили на стенах Земуна в качестве предупреждения, а самих грабителей голыми отправили в Белград. Когда начались грабежи вокруг Белграда, тамошний командующий вынужден был взяться за оружие. В стычках погибло несколько из соратников Готье, а других сожгли заживо в церкви.

Готье в конце концов смог отправиться дальше в Ниш, где Никита радушно его встретил, накормил и продержал до тех пор, пока не получил ответа из Константинополя. Император, полагавший, что Крестовый поход не тронется с Запада до праздника Успения, был вынужден ускорить подготовку. Никите было велено пропустить Готье дальше, но сопровождать. Под эскортом Вальтер и его войско мирно продолжили путь. В начале июля они дошли до Филиппополя, где умер дядя Готье — Готье де Пуасси, а к середине месяца они уже прибыли в Константинополь.

От Готье Никита должен был узнать, что вскоре за ним явится Петр, да еще и с гораздо большей ратью. Поэтому он отправился в Белград ему навстречу и связался с венгерским правителем Земуна.

Петр вышел из Кёльна около 20 апреля. Сначала германцы потешались над его проповедями, но затем уже многие тысячи влились в его ряды, так что теперь они насчитывали, вероятно, без малого 20 тысяч человек, мужчин и женщин. Другие германцы, воодушевленные его энтузиазмом, собирались последовать за ним позже под началом Готшалка и графа Эмихо Лейнингенского. Из Кёльна Петр отправился обычным путем вверх по Рейну и Неккару до Дуная. У Дуная некоторые решили плыть на лодках по реке; но Петр и его главные силы двинулись по дороге, которая обходила с юга озеро Ферте, и вошли в Венгрию у Шопрона. Сам Петр ехал на муле, а германские рыцари — верхом на лошадях, и гроыхающие повозки тащили за ним припасы и сундуки с деньгами, собранными на дорогу. Однако подавляющее большинство бедноты шло пешком. По хорошим дорогам они умудрялись проходить по 25 миль (40 км) в день.

Король Кальман принял посланцев от Петра так же благосклонно, как и Готье, и только предупредил о том, что любые попытки грабежа будут наказаны. Рать мирно продвигалась по Венгрии всю вторую половину мая и начало июня. В какой-то момент, вероятно возле города Карловци, к ней присоединились отряды, уплывшие на лодках. 20 июня они добрались до Земуна^[38].

И там начались неприятности. Что случилось на самом деле, разобраться сложно. По-видимому, местного правителя, происходившего из тюрок-огузов, встревожила величина войска. Вместе со своим заграничным коллегой он попытался ужесточить полицейские меры. Тогда сподвижников Петра охватили подозрения. До них дошли слухи о том, что случилось с людьми Готье, и они испугались, что оба правителя что-то замышляют против них; а увидев висевшее на городских стенах оружие и одежду шестнадцати соратников Готье, пришли в возмущение. Но все еще могло бы кончиться хорошо, если бы не ссора из-за продажи какой-то пары башмаков. Из-за нее начался бунт, который перешел в настоящее сражение. Вероятно, против воли самого Петра его люди во главе с Жоффруа Бюрелем напали на город и даже сумели взять приступом цитадель. Погибло четыре тысячи венгров, также были захвачены большие запасы провизии. Затем, в страхе перед мстью венгерского короля, они поспешили переправиться через реку Саву.

Они забрали всю древесину, которую только смогли найти в домах, и соорудили себе плоты. Никита, опасливо наблюдая за ними из Белграда, сделал попытку контролировать их переправу через реку и принудить их перейти ее в брод. Его войска в основном состояли из печенежских наемников, людей, на чью слепую преданность он мог полностью положиться. Печенегов посадили на баржи и отправили не допустить переправы нигде, кроме отведенного места. Сам Никита, понимая, что у него недостаточно войск, чтобы совладать с такой ордой, удалился в Ниш, где располагалась военная ставка провинции. После его отъезда жители Белграда покинули город и ушли в горы^[39].

26 июня полчище Петра переплыло через Саву. Когда печенеги попытались принудить его переправиться в назначенном месте, на них напали. Несколько лодок затопили, солдат, находившихся на них, схватили и убили. Войско вошло в Белград, который повально разграбило и подожгло. После этого оно несколько дней шло по лесам и прибыло в Ниш 3 июля. Петр сразу же послал к Никите просить продовольствия.

Никита доложил в Константинополь о приближении Петра и дождался чиновников и военного эскорта, который должен был проводить пришельцев к столице. У него в Нише стоял многочисленный гарнизон, и он еще более усилил его за счет дополнительного набора местных печенежских и венгерских наемников^[40]. Но, по всей видимости, он не мог отрядить людей в сопровождение Петру до того, как его встретят войска из Константинополя. С другой стороны, было непрактично и опасно позволять такой громадной толпе задерживаться в Нише. Поэтому Петра попросили оставить заложников на то время, пока для него собирали провиант, а потом уходить как можно быстрее. Сначала все шло хорошо. В качестве заложников оставили Жоффруа Бюреля и Готье из Бретея. Местные жители не только позволили крестоносцам приобрести все необходимые им припасы, но многие даже подавали милостыню паломникам победнее. Некоторые даже попросились в Петрово войско.

На следующее утро крестоносцы двинулись по дороге к Софии. Когда они уходили из города, несколько немцев, которые повздорили с одним горожанином накануне, подожгли без разбору несколько стоявших на реке мельниц. Услышав об этом, Никита послал войска, чтобы атаковать арьергард и взять пленников, которых он мог бы оставить у себя в качестве заложников. Петр трусил на своем муле примерно в миле

вперед и ничего не знал о происходящем, пока некий человек по имени Ламбер не прибежал из задних рядов, чтобы рассказать ему об этом. Петр поспешил назад расспросить Никиту и договориться о выкупе за пленников. Но пока они совещались, по войску разошлись слухи о стычке и предательстве. Тогда несколько горячих голов развернулись и напали на городские укрепления. Гарнизон отогнал их и контратаковал; затем, пока Петр, который пошел образумить сподвижников, пытался снова связаться с Никитой, другая группа из их числа решила возобновить атаку. Поэтому Никита обрушился на крестоносцев всеми своими силами и полностью разгромил и рассеял их. Многих перебили, многих взяли в плен, мужчин, женщин и детей, и они провели остаток жизни в неволе в этих местах. Среди прочего Петр потерял и свои сундуки с деньгами. Сам Петр вместе с Рено из Бруа, Готье из Бретея и еще примерно пятью сотнями человек бежали в горы, думая, что только им и удалось уцелеть. Но на следующее утро их догнало еще семь тысяч соратников, и они продолжили путь. Они задержались в заброшенном городе Бела-Паланка, чтобы собрать урожай, так как у них не осталось еды. Там к ним присоединились другие отставшие. Когда они продолжили поход, оказалось, что войско уменьшилось примерно на четверть ^[41].

До Софии они добрались 12 июля. Там встретили посланников и сопровождение из Константинополя, которое получило приказ полностью обеспечить их продовольствием и позаботиться о том, чтобы они нигде не задерживались дольше, чем на три дня. Оттуда их путешествие продолжалось гладко. Местные жители приветливо встречали их. В Филиппополе греков так глубоко тронули рассказы об их страданиях, что они добровольно дали им денег, лошадей и мулов. Через два дня у Адрианополя Петра встретило еще несколько посланников с благосклонным сообщением от императора. Было решено простить Петровым соратникам их преступления, ибо они и без того уже достаточно наказаны. Петр прослезился от радости от такого милосердия, которое выказал к нему столь великий властелин.

Император продолжил проявлять сочувственный интерес к крестоносцам, когда они прибыли в Константинополь 1 августа. Ему было любопытно посмотреть на их предводителя, и Петра вызвали на аудиенцию ко двору, где ему помогли деньгами и советами. На опытный взгляд Алексея, полчище оказалось не

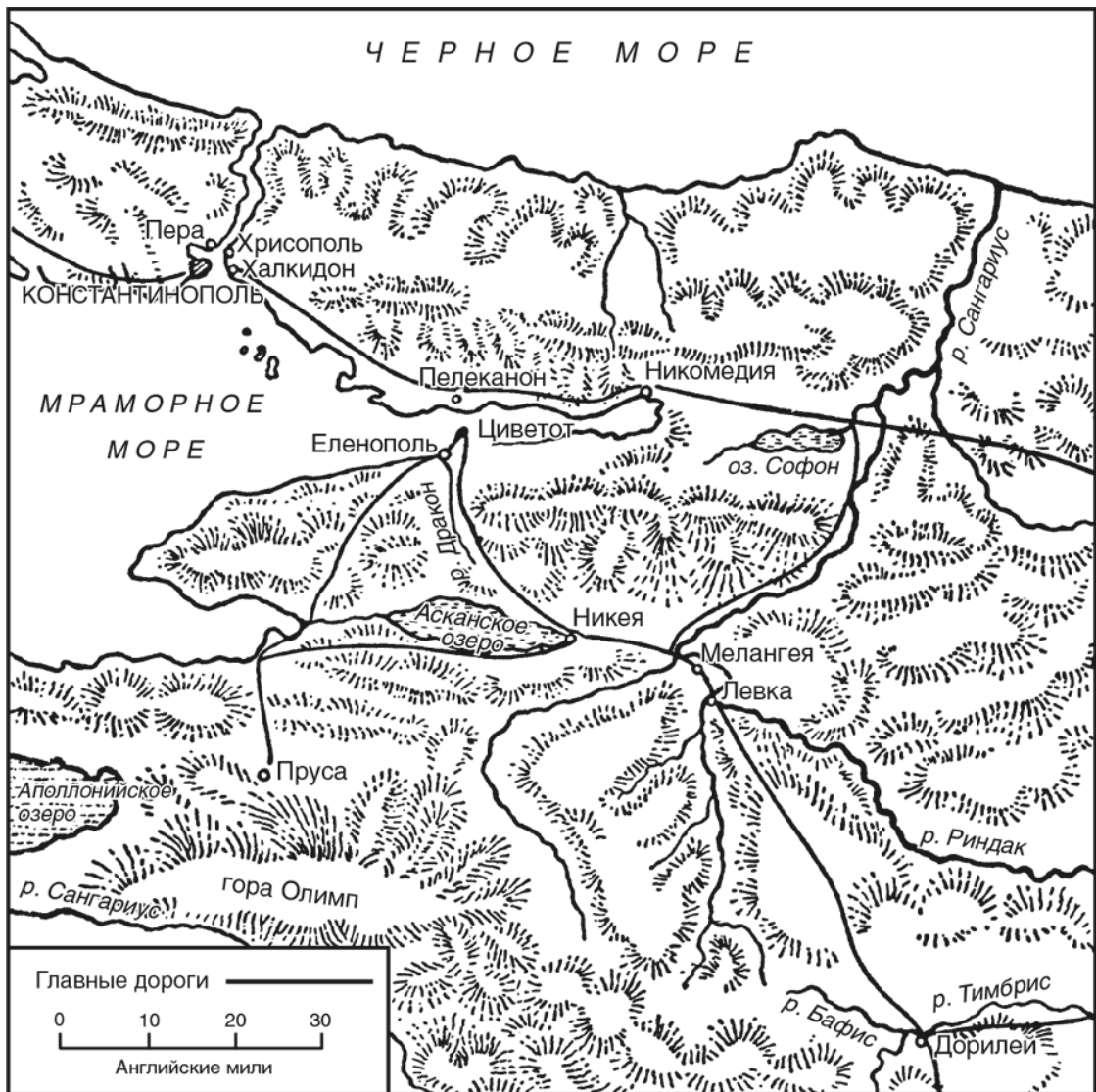
впечатляющее. Он опасался, что если армия войдет в Азию, турки без труда разгромят ее. Однако ее необузданное поведение заставило Алексея как можно быстрее выдворить ее за пределы Константинополя и окрестностей. Пришельцы совершали бесчисленное количество краж. Они врывались во дворцы и виллы в предместьях и даже сдирали свинец с церковных крыш. Хотя в саму столицу они входили под строгим присмотром и желающих посмотреть достопримечательности пускали за ворота лишь небольшими партиями, взять под надзор всю округу было невозможно.

Готье Неимуций со своими людьми уже находился в Константинополе, и примерно в то же время туда прибыло несколько групп итальянских паломников. Они присоединились к походу Петра, и 6 августа всех их переправили через Босфор. С азиатского побережья они вскоре неуправляемой толпой двинулись вперед, грабя дома и церкви, вдоль берега Мраморного моря до Никомедии, которая стояла опустевшей со времени ее разорения турками за пятнадцать лет до того. Там произошла ссора между немцами и итальянцами, с одной стороны, и французами — с другой. Первые не захотели подчиняться Петру и выбрали себе главарем итальянского сеньора по имени Рено. В Никомедии обе части войска повернули на запад и дошли по южному побережью до укрепленного лагеря, который греки называли Киботос, а крестоносцы — Циветот, Алексей приготовил его для собственных английских наемников неподалеку от Еленополя. Это было удобное место для стоянки, так как находилось в плодородном районе и по морю из Константинополя можно туда легко было прислать дополнительные припасы.

Алексей уговаривал Петра подождать подхода основных крестоносных армий, прежде чем нападать на иноверцев, и Петр послушался его совета. Однако авторитет Петра пошел на убыль. Германцы и итальянцы под предводительством Рено, да и его же соотечественники французы, которые, как видно, больше слушались Жоффруа Бюреля, вместо того чтобы спокойно восстановить силы, принялись состязаться друг с другом в том, кто сильнее разорит окрестности. Сначала они разграбили ближайшие районы, а затем стали понемногу забираться на территорию, занимаемую турками, совершая набеги на деревни, принадлежавшие христианам-грекам. В середине сентября несколько тысяч французов отважились дойти до самых ворот Nikei, столицы сельджукского султана

Кылыч-Арслана ибн Сулеймана. Они разграбили селения в предместьях, угнали все стада, которые нашли, и с варварской жестокостью перерезали и растерзали местных жителей-христиан. По слухам, они жарили младенцев на вертелах. Из города выслали отряд тюрок, но те отбросили его в ходе яростной битвы. Затем они вернулись в Циветот, где продали свою добычу товарищам и греческим морякам, стоявшим поблизости от лагеря.

Этот прибыльный набег французов вызвал зависть у германцев. В конце сентября Рено отправился грабить вместе с шестью тысячами германцев, включая священников и даже епископов. Они прошли дальше Никеи, разоряя страну, но проявили больше милосердия, чем французы, и щадили христиан, пока не дошли до крепости под названием Ксеригордон. Им удалось захватить ее, и тогда, найдя в крепости превосходные запасы всяческой провизии, они решили сделать ее своей базой, откуда они могли бы совершать набеги на окрестные районы. Прознав об этой дерзкой выходке крестоносцев, султан послал отвоевать крепость своего военачальника с большим войском. Ксеригордон стоял на холме, а воду в нем брали из колодца у самой стены и источника в долине ниже замка. Армия тюрок прибыла на место в День святого Михаила, 29 сентября, разгромила сидевший в засаде отряд Рено и, овладев источником и колодцем, окружила находившихся в крепости германцев плотным кольцом. Вскоре осажденных стала мучить жажда. Они пытались добывать влагу из почвы, пускали кровь лошадям и ослам, чтобы ее пить, даже пили мочу друг друга. Священники напрасно пытались утешить и воодушевить их. После восьми дней агонии Рено решил сдаться. Он открыл ворота врагу, который обещал ему пощаду в том случае, если он отречется от христианства. Всех, кто остался верен Христу, убили. Рено и других, кто отрекся вместе с ним, взяли в плен и отправили в Антиохию и Халеб и в далекий Хорасан.

Территории, прилегающие к Константинополю и Никее во времена Первого крестового похода

Новости о взятии Ксеригордона германцами достигли лагеря в Циветоте в начале октября. После этого двое тюркских агентов распространили слух, будто они взяли саму Никею и теперь делили добычу между собой. Как тюрки и ожидали, эта новость переполошила весь лагерь. Бойцы потребовали, чтобы им позволили как можно скорее отправиться в Никею, а султан между тем обстоятельно расставил на дорогах засады. Командиры с трудом сдерживали подчиненных, пока вдруг не стала известна правда о том, что случилось с Рено и его походом. Возбуждение сменилось паникой, и начальники армии устроили совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Петр уехал в Константинополь. Он уже утратил всякий авторитет и рассчитывал вернуть его себе, добившись какой-нибудь важной

материальной помощи от императора. Войско тем временем требовало выступить вперед и отомстить за Ксеригордон. Но Готье Неимуций убедил соратников подождать возвращения Петра, который должен был вернуться через восемь дней. Однако Петр так и не появился, а между тем стало известно, что к Циветоту направляется контингент тюрок. Военный совет встретился вновь. Самые ответственные главари — Готье Неимуций, Рено из Бруа, Готье из Бретея и Фульк из Орлеана, а также германцы Гуго Тюбингенский и Вальтер Текский — убеждали сотоварищей ничего не предпринимать до возвращения Петра. Но Жоффруа Бюрель, опираясь на поддержку всего войска, настаивал на том, что было бы трусостью и глупостью не выступить против врага. Ему удалось настоять на своем. 21 октября на рассвете вся крестоносная рать числом свыше 20 тысяч человек вышла из Циветота, оставив только стариков, женщин, детей и больных.

Всего в 3 милях (5 км) от лагеря, где дорога на Никею входит в узкую лесистую долину у селения Дракон, тюрки устроили засаду. Христовы воины шли шумно и беззаботно, во главе их верхом ехали рыцари. Внезапно из леса на них обрушился град стрел, убив и покалечив нескольких лошадей, и, когда те рухнули наземь и сбросили наездников в наступившей неразберихе, тюрки бросились в атаку. Конница, преследуемая тюрками, врезалась в пешие ряды. Многие рыцари храбро бились, но не могли остановить панику, которая охватила христиан. В считанные минуты все войско беспорядочно бросилось бежать по направлению к Циветоту. Там, в лагере, как раз приступали к ежедневным делам. Некоторые старики даже не успели подняться с постелей. Тут и там священники проводили утренние мессы. Посреди всех этих мирных занятий в лагерь ворвалась орда перепуганных беглецов, а за ними по пятам следовал враг. Никто не оказал настоящего сопротивления. Многих воинов, женщин, священников перебили в мгновение ока, так что те не успели сойти с места. Кому-то удалось бежать в близлежащие леса, другие бросились в море, но лишь немногим удалось спастись. Другие защищались, зажигая костры, пламя от которых ветер нес в лицо тюркам. Тюрки пощадили только мальчиков и девочек приятной наружности, а также некоторых пленников, взятых после того, как прошел первый пыл битвы. Их угнали в рабство. Около трех тысяч счастливых смогли, в отличие от остальных, добраться до старого замка на берегу моря. Там давно уже никто не жил, в нем не было ни дверей, ни окон. Но

беглецы с энергией отчаяния соорудили импровизированные укрепления из валявшихся вокруг досок и укрепили их костями и таким образом сумели отразить атаку врага.

Замок выстоял, но на поле боя к полудню все было кончено. Трупы усеяли землю от перевала Дракона до самого моря. Погибли Готье Неимуций, Рено из Бруа, Фульк из Орлеана, Гуго Тюбингенский, Вальтер Текский, Конрад и Альберт Циммерн и многие другие германские рыцари. Из предводителей уцелели только Жоффруа Бюрель, чья опрометчивость и привела к этой катастрофе, Готье из Бретея, Гийом из Пуасси, Генрих Шварценбергский, Фридрих Циммернский и Рудольф Брандисский, и почти все они получили тяжелые ранения.

С наступлением сумерек одному греку, находившемуся с крестоносцами, удалось раздобыть лодку, и он уплыл в Константинополь, чтобы поведать Петру и императору о битве. Как к новости отнесся Петр, нам ничего не известно, а вот Алексей сразу же повелел отправить к Циветоту несколько военных кораблей с войсками на борту. По прибытии византийской боевой эскадры турки сняли осаду с замка и удалились вглубь страны. Уцелевших посадили на корабли и вернули в Константинополь. Их поселили в предместьях города, но забрали оружие^[42].

Таков был конец народного Крестового похода. Он погубил тысячи жизней, он заставил императора и его подданных проявить чудеса терпения и научил тому, что одна вера без мудрости и дисциплины не откроет дороги в Иерусалим.

Глава 2. Германский крестовый поход

О, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?

Книга пророка Иезекииля, 9: 8

С отъездом Петра Пустынника на Восток в Германии не стихло воодушевление по поводу Крестового похода. Петр оставил там своего ученика Готшалка собирать новое ополчение, и многие другие проповедники и вожди готовились последовать его примеру. Но хотя германцы тысячами отвечали на призыв, они не так сильно спешили оказаться в Святой земле, как французы. Сначала они хотели закончить дела поближе к дому.

Уже несколько веков вдоль торговых путей Западной Европы существовали еврейские поселения. В них жили евреисефарды^[43], чьи предки рассеивались из средиземноморского региона на всем протяжении «темных веков». Они поддерживали связь с единоверцами в Византии и арабских странах и таким образом могли играть немаловажную роль в международной торговле, особенно в торговле между мусульманскими и христианскими странами. Запрет на ростовщичество в странах западного христианства и строгий контроль над ним в Византии открыл перед евреями широкие возможности для основания ссудных лавок по всему христианскому миру. Их искусство и давние традиции позволили им стать и выдающимися врачевателями. За исключением вестготской Испании далеких веков, на Западе они никогда не подвергались жестокому гонениям. Они не имели гражданских прав, но светские, равно как и церковные, власти охотно брали под свое крыло столь полезных членов общины. Короли Франции и Германии всегда старались подружиться с ними, архиепископы великих рейнских городов выказывали им особое благоволение. Но крестьяне и бедные горожане, которые все сильнее нуждались в деньгах по мере того, как

денежная экономика сменяла прежнюю экономику взаимных услуг, все больше и больше задолжали ростовщикам и вследствие этого испытывали к ним все большую неприязнь, тогда как евреи, не имея законных гарантий, повышали процентные ставки и извлекали непомерную прибыль везде, где только позволяло им благосклонное отношение местной власти.

Недовольство евреями росло на протяжении всего XI века, по мере того как разные классы общины все больше оказывались у них в долгу; свою роль в этом сыграло и зарождение крестоносного движения. На то, чтобы снарядить рыцаря в Крестовый поход, требовалось много денег, и, если у него не было ни земли, ни другого имущества для залога, ему приходилось обращаться к евреям. Но разве это справедливо, что ради того, чтобы отправиться воевать за христианские святыни, рыцарь должен отдаваться в лапы тем самым иудеям, что распяли Христа? Крестоносцы из бедняков и так уже были по уши в долгах у евреев. Неужели это правильно, что обязательство перед нечестивым племенем мешает им исполнить свой христианский долг? Пылкая проповедь Крестового похода выводила на первый план Иерусалим, сцену распятия. Это неизбежно привлекало внимание к народу, от рук которого страдал Христос. Теперешний враг христиан — мусульмане, они преследуют верующих во Христа. Но евреи, несомненно, хуже, ведь они преследовали самого Христа.

Уже во время испанских войн в христианских армиях начала проявляться тенденция к дурному обращению с евреями. Во время похода на Барбастро папа Александр II написал епископам Испании, напомнив им об огромном отличии между мусульманами и иудеями. Первые — непримиримые враги христиан, но вторые готовы на них работать. Но в Испании евреи пользовались такой благосклонностью мусульман, что завоеватели-христиане не могли заставить себя им доверять.

В декабре 1095 года еврейские общины Северной Франции предупредили своих германских единоверцев о том, что движение крестоносцев, скорее всего, обернется

для них бедами. Ходили слухи о резне евреев в Руане. Едва ли она произошла на самом деле, но евреи встревожились достаточно для того, чтобы Петру Пустыннику удалось повернуть неплохую сделку. Намекнув, что иначе ему будет трудно удержать в узде своих приверженцев, он получил от французских евреев рекомендательные письма к еврейским общинам по всей Европе с призывом оказывать ему помощь и обеспечивать его самого и его войско всем необходимым.

Примерно в то же время Годфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, начал готовиться отбыть в Крестовый поход. По провинции разнесся слух о том, что перед отъездом он поклялся отомстить за смерть Христа кровью евреев. В ужасе рейнские евреи уговорили Калонимоса, главного раввина города Майнц, написать владыке Годфрида — императору Генриху IV, который всегда выказывал себя другом их народа, чтобы тот запретил Готфриду преследовать евреев. В то же время, чтобы подстраховаться, еврейские общины Майнца и Кёльна предложили герцогу по пятьсот марок серебром. Генрих написал своим вассалам, мирянам и церковникам, веля им гарантировать безопасность евреям в их владениях. Годфрид, который уже успешно провернул свой шантаж, отвечал, что у него и в мыслях не было притеснять евреев, и охотно дал требуемое обещание.

Если евреи надеялись так дешево отделаться от угрозы, которую представлял для них набожный пыл христиан, вскоре им пришлось лишиться своих иллюзий. В конце апреля 1096 года некий Фолькмар, о происхождении которого нам ничего не известно, отправился из Рейнланда с войском в десять с лишним тысяч человек, чтобы присоединиться к Петру Пустыннику на Востоке. Он выбрал дорогу через Венгрию, которая пролегла по Чехии. Несколько дней спустя старый ученик Петра Готшалк, с которым шла еще более многочисленная толпа, двинулся в путь по большой дороге, по которой прежде шел Петр, вверх по Рейну через Баварию. Третью армию между тем собирал мелкий рейнский феодал, граф Эмихо Лейнингенский, который

уже нажил определенную недобрую славу незаконными и разбойными делами. Теперь же этот Эмихо утверждал, что у него на коже чудесным образом проявился знак в виде креста. В то же время как бывалый вояка он сумел привлечь под свои знамена куда больше добровольцев всех мастей, чем это удалось проповедникам Фолькмару и Готшалку. К нему же примкнуло скопище восторженных простецов, причем некоторые из них последовали за гусем, которого якобы вдохновлял сам Господь Бог. Но в армию Эмихо входили и представители французской и германской знати, такие как сеньоры Цвайбрюккена, Зальма и Вирненбергера, Хартманн фон Диллинген, Дрого Нельский, Клерамбо Вандейский, Тома де Ла-Фер и Гийом, виконт де Мелен, прозванный Плотником за богатырскую силу.

Пожалуй, именно пример Петра и герцога Готфрида подсказали Эмихо, как просто можно использовать религиозный пыл ради личной наживы для себя и своих сообщников. Проигнорировав однозначный запрет императора Генриха, он убедил приверженцев начать Крестовый поход 3 мая с налета на еврейскую общину в Шпейере, неподалеку от его родных мест. Налет вышел не очень грозный. Епископ Шпейера, чье сочувственное отношение подкрепили приличной суммой, публично взял евреев под свою защиту. Крестоносцы схватили лишь двенадцать человек и убили после того, как те отказались креститься, а одна еврейка покончила с собой, чтобы сохранить честь. Епископ спас остальных и даже велел задержать нескольких из убийц, которым в наказание отрубили руки.

Небольшой погром в Шпейере только разжег аппетит. 18 мая Эмихо со своими вояками прибыл в Вормс. Вскоре после этого прошел слух, что евреи поймали одного христианина, утопили и оставили его труп в воде, чтобы отравить городские колодцы. Евреи не пользовались любовью ни в Вормсе, ни в окрестностях, и, распаленные слухом, горожане и крестьяне вместе с подручными Эмихо пошли громить еврейский квартал, убивая всех, кто попался им под руку. Как и в Шпейере, вмешался местный

епископ и открыл еврейским беженцам двери своего дворца. Но обозленная толпа во главе с Эмихо взломала ворота и ворвалась в убежище. Там, невзирая ни на какие протесты епископа, они перебили всех нашедших у него приют числом около пятисот человек.

Бойня в Вормсе произошла 20 мая. 25 мая Эмихо прибыл под стены великого города Майнца. Оказалось, что по приказу архиепископа Ротгарда перед ними заперли ворота. Однако новость о его приходе спровоцировала в городе антиеврейский бунт, в ходе которого погиб один христианин. Поэтому 26 мая единомышленники Эмихо из горожан открыли ему ворота. Евреи, которые собрались в синагоге, послали архиепископу и светскому правителю города дар в две сотни серебряных марок, прося пристанища у них во дворце. В то же время посланец от евреев направился к Эмихо и за семь фунтов золота купил у него обещание пощадить общину. Они лишь напрасно потратили деньги. На следующий день Эмихо напал на епископский дворец. Ротгард, встревоженный пылом атакующих, поспешил бежать со всеми своими людьми. После его ухода туда ворвались люди Эмихо. Евреи пытались сопротивляться, но вскоре были побеждены и перебиты. Светский правитель, их защитник, чье имя не дошло до нас, возможно, оказался похрабрее. Но Эмихо удалось поджечь его замок и вынудить всех находящихся там покинуть горящее здание. Несколько евреев спаслось, отрекшись от веры. С остальными расправились. Резня продолжалась еще два дня, пока всех бежавших не поймали. Некоторые вероотступники раскаялись в слабости и покончили с собой. Один, перед тем как убить себя и свою семью, поджег синагогу, чтобы спасти ее от дальнейшего осквернения. Главный раввин Калонимос и еще около пятидесяти человек бежали из Майнца в Рюдесхайм, где умоляли архиепископа укрыть их у себя в загородной вилле. При виде того ужаса, в котором находились просители, архиепископу подумалось, что это подходящий момент для того, чтобы попытаться обратить их в христианство. Этого Калонимос вынести уже не мог. Он выхватил нож и бросился на хозяина. Его скрутили, но

эта вспышка ярости стоила ему и его спутникам жизни. В ходе бойни в Майнце погибло около тысячи евреев.

Дальше Эмихо направился в Кёльн. В апреле там уже произошли еврейские погромы, и теперь евреи в панике от новостей из Майнца разбежались по окрестным деревням и домам знакомых христиан, которые прятали их всю Троицу 1 июня и на следующий день, пока Эмихо находился в округе. Его люди сожгли синагогу и убили еврея и еврейку, отказавшихся отречься от своей веры; но архиепископу хватило авторитета, чтобы не допустить дальнейших эксцессов.

В Кёльне Эмихо решил, что его труды на Рейне окончены. В начале июня он с основной частью своих сил отправился по Майну в Венгрию. Однако большая группа из его приверженцев считала, что следовало бы очистить от евреев и долину Мозеля. Они откололись от его армии в Майнце и 1 июня прибыли в Трир. Большую часть тамошней еврейской общины приютил у себя во дворце архиепископ, но, когда крестоносцы приблизились, несколько евреев от страха передрались между собой, а другие бросились в Мозель и утонули. Затем их гонители направились в Мец, где погибло двадцать два еврея. Примерно в середине июня погромщики вернулись в Кёльн, рассчитывая вновь присоединиться к Эмихо, но обнаружили, что он ушел, двинулись дальше по Рейну и с 24 по 27 июня убивали евреев в Нейссе, Вефелингхофене, Эллере и Ксантене. Потом они разошлись, одни вернулись по домам, другие, вероятно, влились в армию Готфрида Бульонского.

Известия о похождениях Эмихо достигли ушей тех, кто уже уехал из Германии на Восток. Фолькмар и его последователи прибыли в Прагу в конце мая. 30 июня они принялись громить евреев в городе. Светские власти оказались не в состоянии их обуздать, да и к яростным протестам епископа Космы они остались глухи. Из Праги Фолькмар двинулся в Венгрию. В Нитре, первом крупном городе по ту сторону границы, он, скорее всего, попытался заняться тем же самым. Но венгры такого поведения не потерпели. Увидев, что разнузданность крестоносцев

ничем не исправишь, они атаковали и разогнали их. Многие были убиты, прочих схватили. Что произошло с уцелевшими и самим Фолькмаром, неизвестно.

Готшалк и его люди, отправившиеся по баварской дороге, задержались у Регенсбурга (Ратисбона), чтобы перебить тамошних евреев. Через несколько дней они вошли в Венгрию у Визельбурга (Мошона). По приказу короля Кальмана им позволили пополнить запасы продовольствия при условии, что они будут вести себя прилично. Но они с самого начала принялись грабить деревни, красть вино, хлеб, овец и коров. Венгерские крестьяне воспротивились этим злоупотреблениям. Начались стычки, некоторые погибли, а одного венгерского мальчика крестоносцы посадили на кол. Кальман привел войска, чтобы обуздать погромщиков, и окружил их чуть восточнее, у деревни Секешфехервар. Крестоносцам пришлось сдаться со всем оружием и награбленным добром. Но на этом беды не кончились. Возможно, они пытались отбиться, возможно, Кальману доложили о том, что произошло в Нитре, и он не желал доверять им даже безоружным. Когда они целиком находились в его руках, венгерская армия напала на них. Готшалк бежал первым, но вскоре был пойман. Все его люди погибли в последовавшей бойне.

Несколько недель спустя войско Эмихо подошло к венгерской границе. Оно было многочисленнее и грознее, чем у Готшалка; и в свете недавних событий король Кальман встревожился не на шутку. Когда Эмихо прислал гонца просить разрешения пройти через его королевство, Кальман отказал ему и послал войска охранять мост через рукав Дуная на дороге Визельбург. Но Эмихо не пожелал свернуть. Шесть недель его люди бились с венграми в серии мелких стычек перед мостом и между тем начали строить себе другой мост. Одновременно они разоряли местность со своей стороны реки. Наконец крестоносцы смогли пробиться на другой берег по построенному ими мосту и осадили визельбургскую крепость. Их армия была хорошо экипирована и везла с собой осадные орудия такой мощи, что падение города казалось неминуемым. Но,

вероятно, из-за слухов о том, что к ним направляется сам король со всеми своими силами, крестоносцами внезапно овладела паника и повергла их в смятение. Тогда гарнизон сделал вылазку и напал на лагерь крестоносцев. Эмихо не сумел сплотить своих солдат. В ходе короткой битвы они были полностью разбиты. Большинство осталось лежать на поле боя, но сам Эмихо и еще несколько рыцарей сумели бежать благодаря своим быстроходным скакунам. Эмихо и его германские спутники в конце концов вернулись по домам. Французские рыцари Клерамбо Вандейский, Тома де Ла-Фер и Гийом Плотник присоединились к другим экспедициям, направлявшимся в Палестину.

Провал похода Эмихо, который произошел так скоро после краха, постигшего Фолькмара и Готшалька, произвел глубокое впечатление на западное христианство. Большинству добрых христиан он представлялся божьей карой, которую понесли убийцы евреев. Другие, кто считал само крестоносное движение ложным или безумным, увидели в этих несчастьях то, что сам Господь отвернулся от всего предприятия. До сих пор не случилось ничего такого, что могло бы оправдать прогремевшие в Клермоне крики «Так хочет Бог».

Глава 3. Принцы и император

Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою?

Книга Иова, 40: 22–23

Западные сюзерены, принявшие на себя знак креста, не были столь нетерпеливы, как Петр и его товарищи. Они были готовы придерживаться установленного папой графика. Им еще нужно было собрать и экипировать войска, найти деньги, организовать управление своими землями на время отсутствия, которое могло продлиться годами.

Никто из них не был готов тронуться в путь раньше конца августа. Первым, кто покинул свой дом, был Гуго, граф Вермандуа, прозванный Le Maisne — Младшим, хотя латинские хронисты даже при его жизни переводили его прозвище самым неуместным образом — как Magnus, Великий. Он был младшим сыном короля Франции Генриха I и княжны скандинавского происхождения Анны Киевской; лет ему было около сорока, его финансовое состояние не соответствовало высокому положению, свое небольшое графство он приобрел благодаря браку с его наследницей и никогда не играл какой-либо заметной роли во французской политике. Он гордился своей родословной, но не совершил ничего значительного. Мы не можем сказать, какие мотивы подвигли его присоединиться к Крестовому походу. Он, несомненно, унаследовал непоседливость своих скандинавских предков. Возможно, он рассчитывал сколотить на Востоке богатство и занять властное положение, приличествующее столь высокородному сеньору. Вероятно, король Филипп поддержал брата в этом решении, чтобы снискать расположение папы к их семейству. Оставив свои земли на попечение графини, Гуго в конце августа отправился в Италию с небольшим войском из собственных вассалов и нескольких рыцарей из королевских доменов брата. Перед отъездом он послал вперед себя в Константинополь специального гонца с просьбой к императору организовать ему прием с почестями, подобающими принцу крови. Во время путешествия на юг к нему присоединились Дрого Нельский,

Клерамбо Вандейский, Гийом Плотник и другие французские рыцари, возвращавшиеся из позорной экспедиции Эмихо.

Гуго и его спутники проехали через Рим и прибыли в Бари в первых числах октября. В Южной Италии они узнали, что и нормандские государи готовятся к походу, а племянник Бозмунда Вильгельм решил не дожидаться родственников и пересечь море вместе с Гуго. Из Бари Гуго отправил посольство из двадцати четырех рыцарей во главе с Гийомом Плотником в Диррахий, чтобы поставить губернатора в известность о своем скором прибытии и повторить свое требование о подобающем приеме. Благодаря этому правитель Диррахия Иоанн Комнин смог предупредить императора о его приезде и сам подготовиться к встрече. Но прибытие Гуго оказалось не таким достойным, как он надеялся. Небольшую флотилию, которую он нанял для переправы, разметало бурей. Несколько кораблей затонуло вместе со всеми пассажирами. Самого Гуго выбросило на берег на мысе Палли, в нескольких милях от Диррахия. Посланцы Иоанна нашли его там, растерянного, промокшего насквозь, и проводили к своему господину, который сразу же передел его, накормил и выказал все знаки внимания, но держал его под строгим надзором. Гуго угодили лестные почести, с которыми его встретили, но некоторым из его спутников показалось, что его держат все равно что в плену. Он оставался в Диррахии до тех пор, пока от императора не прибыл высокий сановник, адмирал Мануил Вутумит, чтобы сопроводить его в Константинополь. Туда он добирался со всем комфортом, хотя ему пришлось ехать окольным путем через Филиппополь, так как император не хотел, чтобы граф встретился с итальянскими паломниками, толпившимися на Эгнатиевой дороге. В Константинополе Алексей тепло принял его и осыпал дарами, но продолжал ограничивать его свободу^[44].

Балканский полуостров во времена Первого крестового похода

Прибытие Гуго заставило Алексея открыто продемонстрировать свою политику по отношению к западным князьям и принцам. Полученные сведения, а также память о Русселе де Байоле убедили его в том, что, каковы бы ни были официальные причины Крестового похода, реальной целью франков было обеспечить себе княжества на Востоке. Против этого он не возражал. Если империя возвратит себе все земли, потерянные после вторжения тюрок, то создание христианских буферных государств по ее периметру принесло бы ей немало пользы. В время невозможно было и помыслить о какой-либо независимости подобных мелких княжеств. Но Алексей хотел гарантировать себе положение верховного владыки любого из этих новоиспеченных государств. Зная о том, что на Западе верность скрепляют торжественной присягой, он решил потребовать ее от всех западных предводителей Крестового похода в отношении всех их возможных будущих завоеваний. Чтобы склонить их к этой уступке, он был готов осыпать их дарами и деньгами, одновременно подчеркивая свое богатство и славу, чтобы они не чувствовали себя униженными, признавая себя его вассалами. Гуго, ослепленный великолепием и щедростью императора, охотно согласился с его планами. Но следующего пришельца с Запада убедить оказалось не так-то просто.

Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, в позднейших легендах предстает идеальным христианским рыцарем, непревзойденным героем всех эпических событий Крестового похода. Однако внимательное изучение исторических фактов вынуждает нас вынести несколько иной вердикт. Готфрид родился в 1060 году вторым сыном графа Эсташа II Булонского и Иды, дочери Готфрида II, герцога Нижней Лотарингии, которая по материнской линии вела свой род от Карла Великого. Он должен был унаследовать семейные владения своей матери, но после смерти ее отца император Генрих IV конфисковал герцогство, оставив Готфриду только графство Антверпен и сеньорию Бульон в Арденнах. Однако Готфрид так верно служил Генриху в его германских и итальянских кампаниях, что в 1082 году его наделили герцогским титулом, хотя и не дали герцогства в наследственный лен. Лотарингия была пропитана клюнийским духом, и, хотя Готфрид хранил верность императору, возможно, что учения клюнийцев с их приверженностью папе начали отягощать его совесть. Лотарингией он управлял не слишком успешно. По-видимому, у него были основания сомневаться в том, что Генрих надолго оставит его в этом герцогстве. Поэтому, отчасти сознавая отсутствие перспектив для себя в Лотарингии, отчасти ощущая себя не в своей тарелке из-за религиозных убеждений, а отчасти и по причине подлинного энтузиазма Готфрид отозвался на призыв к освобождению Святой земли. К походу он готовился очень тщательно. Собрав деньги с евреев благодаря шантажу, он продал свои владения в Розе и Стене на Мезе и заложил свой замок в Бульоне льежскому епископу и таким образом смог снарядить армию довольно значительной величины. Численность войск и бывшее высокое положение придавало Готфриду престиж, который усиливался его приятными манерами и привлекательной наружностью, ибо он был высок, хорошо сложен и красив, с бородой и шевелюрой соломенного цвета — идеальный портрет северного рыцаря. Однако военачальником он был не бог весть каким, а как личность полностью находился в тени своего младшего брата Балдуина.

Двое братьев Готфрида тоже решили возложить на себя крест. Старший — Эвстахий III, граф Булонский, отправился в путь без особого воодушевления, и ему все время не терпелось вернуться в его богатые земли, лежавшие по обе стороны от Ла-Манша. Солдат у него было намного меньше, чем у Готфрида, и в силу этого он не возражал против того, чтобы тот считался

лидером. Видимо, добирался он отдельно от брата, через Италию. Их младший брат Балдуин, ехавший вместе с Готфридом, был сделан из другого теста. Его предназначали для церкви, и поэтому он не получил ничего из семейных владений. Однако, хотя обучение в знаменитой реймской школе воспитало в нем неискоренимую любовь к культуре, по характеру он не годился в священнослужители. Он вернулся к мирской жизни и, по всей вероятности, поступил на службу к брату Готфриду в Лотарингии. Братья являли собой разительный контраст. Даже ростом Балдуин был выше Готфрида. Он был темноволос, тогда как другой был блондин, хотя кожа у него была белоснежная. Готфрид отличался обходительными манерами, Балдуин вел себя высокомерно и холодно. У Готфрида были простые вкусы, Балдуин, хотя и умел терпеть лишения, предпочитал пышность и роскошь. В личной жизни Готфрид проявлял целомудрие, Балдуин предавался распутству. Балдуин с восторгом отнесся к планам Крестового похода. На родине у него не было будущего, но на Востоке его, возможно, ждало собственное царство. Отправляясь в путь, он взял с собой жену-нормандку Годверу де Тосни и маленьких детей. Возвращаться он не собирался.

К Готфриду и его братьям присоединилось множество знаменитых рыцарей из Валлонии и Лотарингии: их кузен Балдуин Ретельский, сеньор Ле-Бурга, Балдуин II, граф Эно, Рено, граф Тульский, Гарнье из Гре, Дудо из Конц-Саарбурга, Балдуин из Ставло, Пьер из Стене и братья Генрих и Готфрид из Эша.

Возможно, именно потому, что Готфрид не определился в своем отношении к папству в качестве сторонника императора, он решил добираться не через Италию, в отличие от остальных предводителей крестоносцев. Вместо этого он собирался ехать через Венгрию, по пути не просто народного похода, а, как гласила популярная на Западе легенда, по стопам его предка Карла Великого, когда тот совершал паломничество в Иерусалим. Он выехал из Лотарингии в конце августа и через несколько недель пути вверх по Рейну и вниз по Дунаю в начале октября прибыл к венгерской границе на реке Лайта. Оттуда он направил посольство во главе с Готфридом из Эша, которому уже доводилось общаться с венгерскими вельможами, к королю Кальману просить у него разрешения на проход через его территорию.

Кальман незадолго до того слишком серьезно пострадал от рук крестоносцев, чтобы обрадоваться очередному нашествию. Он продержал посольство без ответа восемь дней, после чего заявил, что встретится с Готфридом в Шопроне для разговора. Готфрид явился туда с несколькими рыцарями и получил приглашение провести несколько дней при венгерском дворе. Во время этого визита ему удалось произвести на Кальмана благоприятное впечатление, и король разрешил Готфриду вместе с его армией пройти через Венгрию при условии, что у него в качестве заложника останется Балдуин вместе с женой и детьми, который, как он догадывался, был самым опасным из участников экспедиции. Когда Готфрид вернулся к войскам, Балдуин поначалу отказался остаться в заложниках, но потом все же согласился, и Готфрид со своей армией вошел в Венгерское королевство у Шопрона. Кальман обещал предоставить им провизию по сходной цене, а Готфрид разослал по своим войскам глашатаев, объявивших, что всякое насилие против местных жителей будет караться смертью. После этих предосторожностей крестоносцы мирно промаршировали по Венгрии, а король и его армия пристально наблюдали за ними на протяжении всего пути. Потратив три дня на пополнение запасов в Мангьелозе, недалеко от византийской границы, Готфрид добрался до Земуна в конце ноября и организованно переправил свои войска через Саву в Белград. Сразу же после переправы заложники были ему возвращены.

Имперские власти, вероятно предупрежденные венграми, уже приготовились к его встрече. Сам Белград лежал заброшенный со времени его разграбления крестьянской армией Петра за пять месяцев до того. Однако солдат пограничной стражи поспешил с докладом в Ниш, где находилась резиденция правителя Никиты и где Готфрида дожидался эскорт. Он сразу выступил в путь и встретил франков в сербском лесу на полпути между Нишем и Белградом. Меры по снабжению их армии уже были приняты, и она без помех продвигалась по Балканскому полуострову. У Филиппополя стало известно о прибытии в Константинополь Гуго Вермандуа и чудесных дарах, которые получили он и его сподвижники. Новости произвели такое впечатление на Балдуина из Эно и Генриха из Эша, что они решили поторопиться и прийти в столицу раньше основных сил, чтобы заполучить свою долю подарков, прежде чем явятся остальные. Однако прошел слух, причем не вполне обосновательный, о том, что Гуго держат узником, и Готфрид был несколько обеспокоен.

Около 12 декабря армия Готфрида задержалась у Селимврии на Мраморном море. Там крестоносцы, которые дотоле вели себя исключительно дисциплинированно, внезапно сорвались и в течение восьми дней опустошали местность. Причина беспорядка непонятна; но Готфрид попытался оправдать его тем, что это якобы случилось в ответ за пленение Гуго. Император Алексей незамедлительно прислал двух франков, находившихся у него на службе, Рауля Пельделау и Рожера, сына Дагоберта, чтобы образумить Готфрида и убедить его мирно продолжить путь. Это им удалось, и 23 декабря армия Готфрида прибыла в Константинополь и по просьбе императора расположилась лагерем за городом в верхней части Золотого Рога.

Прибытие Готфрида с большой и прекрасно экипированной армией поставило перед императорским правительством трудную задачу. Добиваясь своих политических целей, Алексей хотел заручиться преданностью Готфрида и затем как можно скорее отправить его опасное полчище вон из окрестностей столицы. Сомнительно, что император действительно подозревал, как предполагает его дочь Анна, будто бы Готфрид замыслил прибрать к рукам сам Константинополь. Однако городские предместья уже сильно пострадали от рук буйных приверженцев Петра Пустынника. Рискованно было оставлять их на милость армии, которая уже доказала, что может вести себя так же незаконно, и к тому же была гораздо лучше вооружена. Но сначала император хотел добиться от Готфрида клятвы верности. Поэтому, как только герцог устроился у себя в лагере, к нему послали Гуго Вермандуа, чтобы уговорить его встретиться с императором. Гуго, вполне довольный отношением к нему со стороны византийского монарха, охотно взял на себя эту задачу.

Готфрид отказался от приглашения императора. Он чувствовал, что эта игра ему не по зубам. Позиция Гуго его озадачила. Его войска уже вступили в контакт с остатками крестьянской армии Петра, и в большинстве своем они оправдывали свой недавний провал предательством со стороны императора. Их рассказы повлияли на Готфрида. Как герцог Нижней Лотарингии, он уже принес присягу верности лично императору Генриху IV и, возможно, считал, что это не позволяет ему приносить подобную же клятву сопернику Генриха, восточному императору. Более того, он не хотел предпринимать никаких важных шагов до того, как

посоветуется с другими вождями крестоносцев, которые, по его сведениям, должны были вскорости прибыть. Гуго вернулся во дворец, не получив для Алексея никакого ответа.

Алексей разгневался и неосмотрительно решил образумить Готфрида тем, что закрыл ему доступ к обещанным припасам для войск. Пока Готфрид колебался, Балдуин сразу же принялся совершать набеги на окрестности и прекратил, только когда Алексей пообещал снять блокаду. В то же время Готфрид согласился перенести свой лагерь из Золотого Рога в Перу, лучше укрытую от зимних ветров, где императорская полиция могла пристальнее присматривать за ними. Некоторое время обе стороны не делали никаких шагов. Император в достаточной мере предоставлял западным войскам снабжение, а Готфрид со своей стороны заботился о поддержании дисциплины. В конце января Алексей снова пригласил его к себе, но тот опять не пожелал связывать себя обязательствами до того, как к нему присоединятся другие лидеры похода. Он послал своего кузена Балдуина из Ле-Бурга, Конона Монтегю и Жоффруа из Эша во дворец выслушать предложения императора, но по их возвращении не дал никакого ответа. Алексей не хотел провоцировать Готфрида, опасаясь, как бы он снова не начал разорять страну. Позабывшись о том, чтобы у лотарингцев не было связи с внешним миром, он ждал, пока у Готфрида не кончится терпение и он не станет поговорчивей.

В конце марта Алексей узнал, что в Константинополь скоро придут другие крестоносные армии. Он почувствовал необходимость добиться хоть какой-то определенности и начал уменьшать количество поставляемых в лагерь крестоносцев припасов. Сначала он перестал выдавать корм для лошадей, потом, когда подошла Страстная неделя, рыбу и, наконец, хлеб. Крестоносцы в ответ стали каждый день совершать набеги на соседние деревни и в конце концов вступили в конфликт с печенежскими войсками, которые выполняли в округе полицейские функции. В отместку Балдуин устроил печенегам засаду. Шестьдесят человек было схвачено, многие из них распрощались с жизнью. Воодушевленный этим маленьким успехом и чувствуя, что теперь он обязан взять в руки оружие, Готфрид решил перенести лагерь и напасть на саму столицу. Ободрав до нитки и подпалив дома в Пере, где жили его люди, он повел их по мосту над верховьями Золотого Рога, подошел к городским стенам и атаковал ворота, которые вели в квартал Влахерны, где располагался императорский дворец. Едва ли он

хотел добиться чего-то большего, чем просто оказать давление на императора, но греки заподозрили, что его целью было захватить империю.

Стоял Великий четверг 2 апреля, и Константинополь был совершенно не готов к нападению. В городе началась паника, но ее удалось успокоить исключительно благодаря присутствию духа и спокойствию императора. Его до глубины души потрясла необходимость воевать в такой святой день. Он приказал войскам устроить демонстрацию силы, выйдя за ворота, но не обмениваясь ударами с врагом, а его лучники на стенах получили приказ стрелять вверх вражеских голов. Крестоносцы не стали продолжать атаку и вскоре ретировались, убив только семерых византийцев. На следующий день Гуго Вермандуа снова отправился урезонивать Готфрида, который в ответ обозвал его рабом за то, что тот так легко согласился на положение вассала. Когда позднее в тот же день Алексей прислал в лагерь гонцов, чтобы предложить войскам Готфрида переправиться в Азию до того, как Готфрид принесет клятву, крестоносцы напали на них, даже не пожелав выслушать. Тогда Алексей решил покончить со всем этим и бросил на врага дополнительные силы. Бывалые имперские вояки были не чета крестоносцам. После короткой схватки франки развернулись и бросились в бегство. Это поражение наконец-то заставило Готфрида осознать свою слабость. Он согласился и принести присягу верности, и переправить армию через Босфор.

Скорее всего, церемония принесения присяги проходила два дня спустя, в Пасхальное воскресенье. Готфрид, Балдуин и все главные сеньоры поклялись признать императора верховным владыкой над всеми завоеванными землями и передать византийским чиновникам все территории, которые прежде принадлежали императору. Император осыпал их деньгами и устроил в их честь пир. Как только с церемониями было покончено, Готфрид и его войска были на кораблях доставлены в Халкидон и отправились в лагерь у Пелеканона на дороге в Никомедию^[45].

У Алексея не было лишнего времени. Разношерстное полчище, вероятно, из всевозможных вассалов Готфрида, которые предпочли добираться через Италию, а возглавлял их, скорее всего, граф Тульский, уже подошло к городским предместьям и дожидалось на берегу Мраморного моря возле Сосфения. Они проявили такую же грубость и агрессивность, что и Готфрид, и с нетерпением ждали Боэмунда и

нормандцев, которые, по их сведениям, уже были недалеко, а между тем император был твердо намерен помешать их соединению с Готфридом. Только после вооруженного конфликта он получил возможность контролировать их передвижения, и, как только Готфрид благополучно переправился через Босфор, их доставили по морю в столицу, где они присоединились к другим небольшим группам крестоносцев, прибывшим через Балканы. Императору понадобились вся его дипломатичность и множество даров, чтобы убедить их предводителей принести ему присягу. Когда наконец они уступили, Алексей придал этому событию еще больше торжественности, пригласив Готфрида и Балдуина лично присутствовать на церемонии. Западные сеньоры проявляли недовольство и вели себя разнузданно. Один из них уселся прямо на императорский трон, за что Балдуин резко отчитал его, напомнив, что он только что стал вассалом императора, и велел ему соблюдать обычаи страны. Тот сердито буркнул, что со стороны императора грубо сидеть, когда столько доблестных воинов стоят на ногах. Алексей, услышав это замечание, велел перевести его слова и пожелал поговорить с рыцарем, и, когда тот стал похваляться своей непревзойденной удачей в поединках, Алексей мягко посоветовал ему попробовать иную тактику в боях с тюрками^[46].

Этот инцидент был типичен для отношений между императором и франками. Неотесанные рыцари с Запада неизбежно оказывались под впечатлением от великолепия дворца с его плавным, обстоятельным церемониалом и спокойных, отточенных манер придворных. Но все это было им ненавистно. Уязвленная гордость делала их строптивыми и грубыми, словно непослушные дети.

После принесения клятв рыцарей и их людей доставили через пролив к армии Готфрида, находившейся на азиатском берегу. Император успел как раз вовремя. 9 апреля в Константинополь прибыл Боэмунд Тарентский.

Нормандцы Южной Италии сначала не обратили особого внимания на проповедь Урбана. Междоусобная война тянулась там с перерывами с того самого времени, как умер Роберт Гвискар. Роберт развелся с первой женой, матерью Боэмунда, и оставил свое Апулийское герцогство сыну от Сишельгаиты — Рожеру Борсе. Боэмунд взбунтовался против брата и сумел заполучить Тарент и Терра д'Отранто у пяты полуострова, прежде чем их дядя Рожер Сицилийский успел добиться

заклучения между ними шаткого перемирия. Боэмунд так и не согласился на окончательный мир и продолжал исподтишка вредить Рожеру Борсе. Но летом 1096 года все семейство собралось вместе, чтобы наказать мятежный город Амальфи. Папские декреты о Крестовом походе уже были обнародованы, и небольшие отряды южных итальянцев уже отправились через море по дороге на Восток. Но лишь когда в Италию прибыли армии воодушевленных крестоносцев из Франции, Боэмунд осознал, насколько это значительное движение. Тогда же он понял, что из него можно извлечь личную выгоду. Его дядя Рожер Сицилийский ни за что не позволил бы ему аннексировать все Апулийское герцогство целиком. Уж лучше ему подыскать себе королевство в Леванте. Рвение французских крестоносцев не оставило равнодушными нормандские войска под Амальфи, и Боэмунд способствовал этому. Он объявил, что тоже возьмет крест, и призвал всех добрых христиан поступить так же. Перед собравшейся армией он снял свой дорогой алый плащ и разорвал его в клочки, чтобы нашить крестов для своих капитанов. Вассалы поспешили последовать его примеру, и с ними многие вассалы его брата и вассалы его дяди с Сицилии, которому осталось только жаловаться, что Крестовый поход лишил его армии.

Племянник Боэмунда Вильгельм сразу же отправился вместе с французскими крестоносцами, но самому Боэмунду потребовалось некоторое время, чтобы собраться с силами. Он оставил земли на попечение брата и раздобыл достаточно денег, чтобы оплатить дорожные расходы всех, кто отправился вместе с ним. Экспедиция отплыла из Бари в октябре. С Боэмундом плыли его племянник Танкред, старший брат Вильгельма, сын сестры Боэмунда Эммы и маркиза Одо; его кузены Ричард^[47] и Райнульф Салернский вместе с сыном Райнульфа Ричардом; Жоффруа, граф Россиньюоло, и его братья; Роберт из Ансы, Герман из Канн, Онфруа из Монте-Скабиозо, Альберед из Каньяно и епископ Гирард из Ариано, что касается сицилийских нормандцев; а среди нормандцев из Франции, присоединившихся к Боэмунду, были Роберт из Сурдеваля и Боэль из Шартра. Его армия была меньше, чем у Готфрида, но она была хорошо оснащена и выучена.

Экспедиция высадилась в Эпире в нескольких пунктах на побережье между Диррахием и Авлоной и собралась у селения под названием Дрополи, в долине реки Виуса. Высадка в этих местах была подготовлена, несомненно, после консультаций с

византийскими властями в Диррахии, которые, возможно, не хотели возлагать новое бремя на города, расположенные вдоль Эгнатиевой дороги; но выбор маршрута, которым должна была следовать его армия, скорее всего, сделал сам Боэмунд. Его кампании пятнадцатью годами ранее позволили ему ознакомиться с местностью южнее главной дороги, и он, быть может, рассчитывал, что если он пойдет не самым привычным путем, то византийцам будет труднее за ним проследить. У Иоанна Комнина лишних войск не было, и Боэмунду удалось тронуться в путь без присмотра имперских полицейских сил. Но, видимо, все были довольны друг другом, ибо нормандцам предоставили щедрые запасы провизии, а Боэмунд внушил всем своим людям, что они пойдут по земле, где живут христиане, и потому не должны там грабить и бесчинствовать.

Пройдя прямо через перевалы Пинда, армия незадолго до Рождества добралась до Кастории в Западной Македонии. Проследить ее путь невозможно, но он не мог быть легким, и часть его должна была пролегать на высоте свыше 4000 футов (более 1200 м) над уровнем моря. В Кастории он хотел было пополнить запасы провизии, но жители не пожелали уделить что-либо от своих скудных запасов этим незваным гостям, которых они запомнили как жестоких врагов всего несколько лет назад. Поэтому солдаты забрали столько скота, сколько им требовалось, а также лошадей и ослов, ибо множество вьючных животных погибло на перевалах Пинда. Рождество они провели у Кастории, затем Боэмунд повел их на восток к реке Вардар. Они задержались, чтобы напасть на деревню еретиков павликиан, оказавшуюся неподалеку от дороги, и сожгли дома вместе с жителями. В конце концов они добрались до реки в середине февраля, то есть у них ушло около семи недель, чтобы преодолеть расстояние чуть более сотни миль (более 160 км)^[48].

Маршрут Боэмунда, по-видимому, привел его к Эдессе (Водене), где он вступил на Эгнатиеву дорогу. Оттуда его сопровождал эскорт печенегов с обычными приказами от императора — не давать им грабить окрестности и разбредаться, а также следить за тем, чтобы крестоносцы не оставались дольше трех дней в одном месте. Основная часть армии без задержки пересекла Вардар, но граф Россиньюоло и его братья с небольшим отрядом задержались на западном берегу. Поэтому печенеги атаковали их, чтобы заставить двигаться вперед. Услышав о бое, Танкред сразу же переправился назад через реку, чтобы прийти им на выручку. Он

отбросил печенегов и взял несколько пленных, которых привел перед Боэмундом. Боэмунд допросил их и, услышав, что они выполняли приказ императора, сразу же отпустил. Его политика состояла в том, чтобы вести себя по отношению к императору безупречно.

В своем желании быть безупречным он, скорее всего, отправил послов к императору, еще когда только высадился в Эпире. Когда его армия прошла под стенами Фессалоник и направилась по дороге в Серры, эти послы встретили его, возвращаясь из Константинополя. С ними шел сановник империи, с которым вскоре у Боэмунда завязалась близкая дружба. Его армия не испытывала недостатка в провианте, и взамен Боэмунд обещал не только по возможности не заходить по пути ни в какие города, но и согласился вернуть весь скот, угнанный его людьми. Его соратникам не раз хотелось пограбить страну, но Боэмунд строго-настрого запретил им это.

Армия дошла до Руссы (современный Кешан) во Фракии 1 апреля. Тогда Боэмунд решил поторопиться в Константинополь, чтобы узнать, о чем там ведутся переговоры между императорами и уже прибывшими западными вождями. Он оставил войска под началом Танкреда, который отвел их в плодородную долину в стороне от главной дороги, где они провели Пасху. Боэмунд прибыл в Константинополь 9 апреля. Он расположился за стенами города, у монастыря Космы и Дамиана, а на следующий день был допущен на аудиенцию к императору.

Алексею Боэмунд казался самым опасным из крестоносцев, куда опаснее всех остальных. Прошлый опыт научил византийцев, что нормандцы — грозные враги, честолюбивые, коварные и бессовестные; и Боэмунд в предыдущих кампаниях выказал себя их достойным командиром. Его войска были превосходно организованы, экипированы и дисциплинированы; он пользовался их полным доверием. Как стратег он, вероятно, страдал излишней самоуверенностью и не всегда был осмотрителен, но как дипломат он был убедителен и ловок, а как политик — дальновиден. Внешне он производил сильное впечатление. Анна Комнина, знавшая его и страстно ненавидевшая, не могла не признать его обаяния и восторженно писала о его красивой наружности. Он был невероятно высок и, хотя ему уже было за сорок, обладал фигурой и лицом молодого человека, широкоплечего, с тонкой талией, кожа у него была чиста, а щеки

— румяны. Он стриг свои белокурые волосы короче, чем было в обычае у западных рыцарей, и чисто брился. Еще с детства он слегка сутулился, но это не повредило ни его здоровью, ни физической силе. Как говорит Анна, в его лице было что-то жесткое, а в улыбке — зловещее, но так как она, как испокон веку все греки, питала склонность к человеческой красоте, Анна не могла скрыть своего восхищения.

Алексей сперва повидался с Боэмундом наедине, чтобы разузнать его настроения, но, обнаружив, что нормандец настроен весьма дружелюбно и готов идти навстречу, позволил Готфриду и Балдуину, которые все еще гостили у него во дворце, принять участие в беседе. Боэмунд вполне сознательно вел себя столь корректным образом. Он гораздо лучше всех крестоносцев знал, что византийцы до сих пор очень могущественны и что без их помощи ничего не получится. Ссора с ними чревата одними бедами, но разумный человек может извлечь для себя выгоду из союза с ними. Он хотел бы возглавить кампанию, но не имел для этого авторитета папы за своей спиной, и, значит, за главенство ему придется соперничать с другими вождями крестоносцев. Если бы Боэмунд получил официальное назначение от императора, он оказался бы в таком положении, в каком уже мог бы претендовать на руководство. Он смог бы управлять всеми переговорами крестоносцев с императором, он стал бы тем, кому крестоносцам пришлось бы передавать все отвоеванные для империи земли. Он был бы стержнем, на котором вращался бы весь христианский альянс. Он без малейших колебаний поклялся в верности императору и затем предложил свою кандидатуру на пост великого доместика Востока, то есть главнокомандующего всеми императорскими силами в Азии.

Просьба привела Алексея в замешательство. Он боялся Боэмунда и не доверял ему, но очень хотел сохранить его доброе расположение. Он уже проявил к нему особую щедрость и продолжал осыпать его почестями и деньгами. Пока еще не время для такого назначения, сказал он, но Боэмунд, бесспорно, заслужит его своей энергией и верностью. Боэмунду пришлось удовлетвориться этим расплывчатым обещанием, которое побуждало и дальше придерживаться курса на сотрудничество. Между тем Алексей обещал прислать войска для сопровождения крестоносных армий, возместить им расходы и позаботиться об их обеспечении и коммуникациях.

Затем армию Боэмунда вызвали в Константинополь и 26 апреля переправили через Босфор к армии Готфрида у Пелеканона. Танкред, который не понимал и не принимал дядиной политики, прошел через город ночью вместе с двоюродным братом Ричардом Салернским, лишь бы не приносить присяги. В тот же день граф Раймунд Тулузский прибыл в Константинополь и был принят императором.

Раймунд IV, граф Тулузский, больше известный как граф Сен-Жильский по названию своего прежнего владения, был уже человеком зрелого возраста, вероятно приближался к шестидесятилетию. Его родовое графство было одним из богатейших во Франции, а недавно он унаследовал еще и не менее богатое маркизство Прованс. Через брак с принцессой Эльвирой Арагонской он был связан с королевскими домами Испании и принял участие в нескольких религиозных войнах с испанскими мусульманами. Он был единственным крупным аристократом, с которым папа Урбан лично обсуждал свой проект Крестового похода, а также первым, кто объявил о своем участии в нем. Поэтому он не без оснований считал, что имеет право быть его светским руководителем. Но папа, который желал удержать движение под своим духовным контролем, так и не признал его притязаний. Раймунд, скорее всего, надеялся, что рано или поздно необходимость в светском командующем станет очевидной. А между тем он планировал отправиться на Восток в обществе его духовного руководителя — епископа Пюисского.

Раймунд возложил на себя крест еще во время Клермонского собора, в ноябре 1095 года, но лишь к следующему октябрю закончил подготовку к отъезду. Он принес обет провести остаток своих дней в Святой земле; но возможно, что этот обет он принес с некоторыми оговорками, ибо, оставляя свои земли во Франции на попечение своему незаконнорожденному сыну Бертрану, граф ничем не показал, что отрекается от своих прав. Вместе с ним должны были отправиться его жена и их законный сын Альфонсо. Раймунд продал или заложил часть своих земель, чтобы собрать средства на экспедицию, но, видимо, отчасти сэкономил на экипировке. Трудно сказать, что это был за человек. Судя по поступкам, он отличался тщеславием, упрямством и в какой-то мере алчностью. Однако его любезные манеры произвели впечатление на византийцев, которые нашли его куда более цивилизованным, нежели его соотечественники. Он также

показался им более надежным и честным. Анна Комнина, которую последующие события настроили в его пользу, хвалила его превосходный характер и чистую жизнь. Адемар Пюиский, который, безусловно, был человеком высоких нравственных стандартов, явно считал его достойным другом.

К походу Раймунда присоединилось некоторое число дворян из Южной Франции. Среди них был Рембо, граф Оранжский, Гастон Беарнский, Жерар Руссильонский, Гийом из Монпелье, Раймунд из Ле-Форе и Изоард из Гапа. Адемар Пюиский привел с собой братьев — Франциска-Ламберта Монтейльского, сеньора Перена, и Гийома-Гуго Монтейльского, а также всех своих людей. После Адемара самым высоким сановником церкви, который прибыл после них, был Гийом, епископ Оранжский.

Экспедиция пересекла Альпы у перевала Коль-де-Женевр и прошла по Северной Италии до побережья Адриатического моря. Вероятно, из соображений экономии Раймунд решил не переправляться морем по Адриатике, а следовать по восточному берегу через Истрию и Далмацию. Это было неразумное решение, ибо тамошние дороги были очень плохи, а жители — неприветливы и суровы. Истрию перешли без каких-либо инцидентов, а затем в течение сорока дней зимы крестоносцы с трудом пробирались по каменистым далматским трактам, где им не давали покоя дикие славянские племена, донимавшие их задние ряды. Сам Раймунд ехал с арьергардом для его защиты и однажды спас своих людей только тем, что возвел поперек дороги преграду из захваченных в плен местных славян, которых жестоко изувечил. Он выступал в путь с хорошими запасами провизии, и никто из его людей не умер в пути ни от голода, ни в бою. Когда наконец они добрались до Скодры, их запасы уже подходили к концу. Раймунд добился разговора с местным сербским князем Бодином, который в обмен на драгоценные подарки позволил крестоносцам закупиться на рынках города. Но еды они там не нашли. Армии пришлось продолжить путь, голодая и бедствуя, пока к началу февраля она не добралась до границы империи севернее Диррахия. Раймунд и Адемар надеялись, что их беды подошли к концу.

Иоанн Комнин встретил крестоносцев в Диррахии, где их уже ждали императорские посланцы и печенежский эскорт, чтобы провести по Эгнатиевой дороге. Раймунд отправил вперед посольство, чтобы сообщить в Константинополь о своем прибытии, и, передохнув несколько

дней в Диррахии, его армия снова тронулась в путь. Брат Адемара, сеньор Перена, остался в городе выздоравливать от болезни, вызванной лишениями в дороге. Люди Раймунда вели себя разнузданно и непокорно. Они возмущались тем, что печенеги следят за каждым их шагом, и из-за неисправимой любви к мародерству то и дело вступали в конфликт с эскортом. Не прошло много времени, как два провансальских барона погибли в одной из таких стычек. Вскоре после этого епископ Пюиский отошел от дороги, и печенеги ранили и схватили его, прежде чем успели понять, кто это. Его тут же вернули в армию, и, как видно, сам епископ не затаил злобы за это происшествие, но войска Раймунда охватило глубокое возмущение. Их недовольство усилилось, когда при сходных обстоятельствах нападению подвергся сам граф возле Эдессы.

В Фессалониках епископ Пюиский оставил армию, чтобы вылечиться от ран. Он оставался там до тех пор, пока к нему не присоединился брат, прибывший из Диррахия. Без влияния Адемара, умевшего сдерживать агрессивные порывы, дисциплина в войсках совсем упала, хотя серьезных инцидентов не было до тех пор, пока они не дошли до Руссы во Фракии. Армия Боэмунда, которая прошла там всего двумя неделями раньше, была в восторге от того, как ее приняли в городе, но, может быть, из-за того, что у горожан уже не осталось провизии на продажу, люди Раймунда почувствовали себя оскорбленными. С криками «Тулуза! Тулуза!» они штурмовали стены, ворвались в город и разграбили его. Несколько дней спустя в Родосто их встретили послы Раймунда, возвращавшиеся из Константинополя с представителем императора и сердечным посланием, в котором тот просил Раймунда поторопиться в столицу, а также прибавлял, что Боэмунду и Готфриду не терпится с ним повидаться. Вероятно, именно вторая часть послания и страх, что он окажется не у дел при принятии важных решений, и заставили Раймунда согласиться на приглашение императора. Он оставил свою армию и поспешил в Константинополь, куда и прибыл 21 апреля.

С его отъездом не осталось никого, кто удержал бы войска в узде. Они сразу же принялись грабить страну. Но оказать ей сопротивление мог не только немногочисленный эскорт печенегов. Стоявшие неподалеку полки византийской армии пришли и атаковали налетчиков. В последующей битве люди Раймунда потерпели полный разгром и бежали, оставив оружие и имущество в руках византийцев. Вести об этом бедствии

добрались до Раймунда как раз в тот момент, когда он отправлялся беседовать с императором.

Раймунда хорошо приняли в Константинополе. Его поселили во дворце за стенами, но просили как можно быстрее явиться к императору, где ему предложили принести тому ленную присягу. Однако пережитое в пути и только что полученные новости разгневали его, и он был озадачен и недоволен положением, в котором оказался при дворе. Он с самого начала стремился к тому, чтобы его признали военным вождем всего Крестового похода. Но весь его авторитет опирался на папу и связь с папским легатом — епископом Пюиским. Епископа рядом не было. Раймунд остался и без поддержки, которую дало бы его присутствие, и его советов. Без Адемара он не хотел принимать на себя обязательств, тем более что принести присягу по примеру других крестоносцев означало бы для него отказаться от своих особых отношений с папством. Он свел бы себя на уровень всех остальных крестоносцев. Была и другая опасность. Раймунду хватило ума сразу же понять, что самым опасным соперником для него был Боэмунд. Создавалось впечатление, что, Боэмунд пользуется особым расположением императора, даже ходили слухи, что его назначили на высокий военный пост в императорской армии. Принести присягу означало для Раймунда не только утратить свой авторитет, но и, что было вполне возможно, оказаться в подчинении у Боэмунда как представителя императора. Граф заявил, что прибыл на Восток сражаться за Господа и что Господь — его единственный владыка, намекая тем самым на то, что он — светский посланник папы. Однако он прибавил, что если сам император возглавит объединенные христианские силы, то он будет служить под его началом. Эта уступка показывает, что неприятие у него вызывал не император, а Боэмунд. Алексей мог лишь ответить, что, к сожалению, обстановка в империи не позволяет ему покинуть ее. Напрасно другие предводители латинян, опасаясь, что на карту поставлен успех всей кампании, молили Раймунда передумать. Боэмунд, все еще надеясь стать главнокомандующим императора и спеша ему угодить, дошел до того, что заявил, что встанет на сторону императора в случае его открытой ссоры с Раймундом; и даже Готфрид указывал ему на тот вред, который его отношение наносит всему христианскому делу. Сам Алексей не вступал в эти дискуссии, хотя и не осыпал Раймунда такими дарами, которых не пожалел для других принцев. В конце концов 26 апреля Раймунд согласился принести измененную присягу,

обещая уважать жизнь и честь императора и позаботиться о том, чтобы ни он сам, ни его люди не сделали ничего ему во вред. Подобного рода клятвы были необычны для вассалов в Южной Франции, и Алексея она удовлетворила.

По окончании этих переговоров Боэмунд и его армия переправились в Азию. Тем временем армия Раймунда, весьма приунывшая, собралась вновь у Родосто, где стала дожидаться прибытия епископа Пюиского, который должен был повести ее в Константинополь. О том, чем занимался Адемар в Константинополе, мы ничего не знаем. Предположительно он встретился с главными иерархами греческой церкви и, разумеется, побывал на аудиенции у императора. Все эти беседы проходили в очень дружелюбной обстановке. Возможно, он способствовал примирению Раймунда с Алексеем, ибо их отношения быстро улучшились. Однако можно предположить, что гораздо больше этому способствовал отъезд Боэмунда. Император смог наедине поговорить с Раймундом и объяснить ему, что тоже не питает любви к нормандцам и что на самом деле у Боэмунда нет никаких шансов стать главнокомандующим императорских войск. Раймунд переправил свои войска через Босфор через два дня после принесения клятвы, но вернулся, чтобы провести две недели при дворе. Ко времени отъезда у них с Алексеем завязались сердечные отношения, и он теперь знал, что в лице императора имеет могущественного союзника в борьбе против Боэмунда. Его отношение к Византии изменилось^[49].

Четвертая великая армия Запада, которая отправилась в Крестовый поход, выступила из Северной Франции в октябре 1096 года вскоре после того, как Раймунд покинул родину. Ее возглавляли совместно герцог Нормандский Роберт, его зять, граф Этьен Блуаский, и кузен Роберт II, граф Фландрский. Роберт Нормандский был старшим сыном Вильгельма Завоевателя. Это был человек сорока лет с мягкими манерами и несколько вялый, но не трусливый и довольно обаятельный. С самой смерти отца он вел беспорядочную войну со своим братом Вильгельмом Рыжим, королем Англии, который несколько раз вторгнулся в его герцогство. Проповедь Крестового похода папы Урбана глубоко тронула его, и вскоре он заявил о своем участии. В ответ папа, еще находясь в Северной Франции, устроил примирение между ним и его братом. Но Роберту понадобилось несколько месяцев, чтобы организовать свою экспедицию, и в конце концов он сумел собрать

необходимые деньги, только заложив свое герцогство Вильгельму за десять тысяч серебряных марок. Акт, подтверждающий заклад, был подписан в сентябре 1096 года. Несколько дней спустя Роберт выступил со своей армией к Понтарлье, где к нему присоединились Этьен Блуаский и Роберт Фландрский. С ним ехал Одо, епископ Байе, Готье, граф де Сен-Валери, наследники графов Монгомери и Мортаня, Жирар из Гурне, Гуго из Сен-Поля и сыновья Гуго из Гран-Мениля, а также некоторое количество рыцарей и пехотинцев не только из Нормандии, но и из Англии, Шотландии и Бретани, хотя единственным знатным английским дворянином, который должен был сопровождать поход, был Ральф Гвадер, граф Норфолкский, в то время находившийся в ссылке и живший в поместье своей матери в Бретани.

Этьен Блуаский не хотел участвовать в Крестовом походе. Но его женой была Адела, дочь Вильгельма Завоевателя, и в их доме именно она принимала решения. Она настаивала на том, чтобы он поехал, и он поехал. С ним отправились и его главные вассалы: Эввар из Ле-Пюи, Герен Геронат, Каро Асини, Жоффрау Герен и его капеллан Александр. В их компании был и будущий историк, священник Фульхерий Шартрский. Этьен, который был одним из богатейших людей во Франции, без особого труда нашел деньги на путешествие. Свои владения он оставил на компетентное попечение супруги.

Граф Фландрский был несколько моложе, но куда более значителен в смысле характера и личных качеств. Его отец Роберт I побывал с паломничеством в Иерусалиме в 1086 году, а перед возвращением некоторое время прослужил при императоре Алексее, с которым поддерживал связь до самой смерти в 1093 году. Поэтому было вполне естественно, что Роберт II захотел продолжить отцовскую борьбу с неверными. Его армия была чуть меньше, чем у Раймунда или Готфрида, но зато превосходно выучена и экипирована. Его сопровождали войска из Брабанта под началом Балдуина Аlostского, графа Гентского. Землями Роберта в его отсутствие должна была управлять его супруга, графиня Клеменция Бургундская.

Из Понтарлье объединенная армия двинулась на юг через Альпы в Италию. В ноябре она подошла к Лукке, где ей встретился папа Урбан, остановившийся там на несколько дней по дороге из Кремоны в Рим. Урбан принял предводителей крестоносцев на аудиенции и дал им свое особое благословение. Армия отправилась в Рим, чтобы посетить гробницу святого

Петра, но не стала вмешиваться в борьбу между сторонниками Урбана и антипапы Гиберта, которая будоражила в то время город. Из Рима Христовы воины двинулись через Монте-Кассино на юг, в Нормандское герцогство. Там их приветливо принял герцог Апулии Рожер Борса, чья жена Адела, вдовья королева Дании, приходилась сестрой графу Фландрскому и признавала герцога Нормандского главой рода. Рожер предложил своему шурина много ценных даров, но тот принял в подарок только святые реликвии: волос Девы Марии и мощи святых Матфея и Николая, которые он послал жене, чтобы поместить их в Ватанском аббатстве.

Роберт Нормандский и Этьен Блуаский решили провести зиму в приветливой Калабрии. Но Роберт Фландрский почти сразу же продолжил путь, дошел со своими людьми до Бари и переправился в Эпир в начале декабря. До Константинополя он добрался без каких-либо неприглядных происшествий примерно одновременно с Боэмундом. Но когда граф Алостский хотел было пристать к берегу у Химары, южнее обычных мест высадки, оказалось, что путь ему преградила византийская эскадра. Последовал небольшой морской бой, подробно описанный в истории Анны Комнины, поскольку она дружила с отличившимся в битве Марианом Маврокатакалоном, сыном адмирала. Несмотря на доблесть одного латинского священника, чье воинствующее неуважение к собственному сану шокировало византийцев, они взяли на абордаж и захватили брабантский корабль, и графу со всеми своими людьми пришлось высадиться в Диррахии. Фландрская партия, по всей видимости, без каких-либо затруднений принесла присягу Алексею. Сам граф Роберт был среди тех, кто уговаривал Раймунда Тулузского уступить императору.

Роберт Нормандский и Этьен Блуаский задержались в Южной Италии до весны. Их безразличие к походу повлияло на соратников, и многие из них побрели назад по домам. Наконец в марте армия двинулась в Бриндизи и 5 апреля приготовилась погрузиться на корабли. К несчастью, первый корабль, поднявший паруса, перевернулся и затонул, и с ним погибло около четырехсот находившихся на борту человек. Весьма своевременное открытие, что на лопатках у трупов, вынесенных на берег, чудесным образом оказался знак креста, хотя и укрепило верных, но не помешало многим из тех, кто был послабее духом, покинуть экспедицию. Однако основная часть армии благополучно села на корабли и после нелегкого

четырёхдневного плавания высадилась у Диррахия. Византийские власти хорошо приняли их и предоставили сопровождение, которое повело их по Эгнатиевой дороге в Константинополь. Не считая одного несчастного случая, когда во время переправы через реку в Пинде внезапный паводок унес нескольких паломников, путешествие было приятным. После нескольких дней задержки у стен Фессалоник крестоносцы достигли Константинополя в начале мая. Армии предоставили лагерь у самых стен и каждый день допускали в город партиями по пять или шесть человек подивиться на чудеса и поклониться святыням. Другие крестоносные армии, которые прибыли раньше, к тому времени уже успели переправиться через Босфор, и новоприбывшие не встретили никого из недовольных, кто испортил бы им отношения с византийцами. При виде красоты и величественности города их охватывало восхищение; они наслаждались отдыхом и удобствами, которые нашли там. Латиняне были благодарны императору за раздачу монет и шелковых одеяний, а также за предоставленную еду и лошадей. Их предводители сразу же принесли ленную присягу императору и получили в награду превосходные дары. Этьен Блуаский в письме к жене, которой он исправно писал, в следующем месяце расточал восторги по поводу того, как принял их император. Этьен пробыл во дворце десять дней, и Алексей обращался с ним как с сыном, дал ему множество добрых советов и одарил чудесными вещами и даже предложил взять на воспитание его младшего сына. Особое впечатление на Этьена произвела щедрость императора по отношению ко всем крестоносцам, начиная от людей самого скромного звания, а также щедрая и эффективная организация снабжения для войск, которые уже находились в полевых условиях. «Твой отец, любовь моя, — писал он, намекая на Вильгельма Завоевателя, — отличался великой щедростью, но его и сравнить нельзя с этим человеком».

Армия провела две недели в Константинополе, после чего ее переправили в Азию. Даже переправа через Босфор понравилась Этьену, которому говорили, что пролив очень опасен, но тот нашел его не страшнее рек Марны или Сены. Они прошли по Никомедийскому заливу мимо самой Никомедии и присоединились к основным крестоносным армиям, которые уже приступили к осаде Никеи.

Алексей смог снова вздохнуть с облегчением. Он хотел получить наемников с Запада. Вместо этого к нему прислали

целые армии, каждую со своим полководцем. Никакое правительство на самом деле не желает, чтобы на ее территорию хлынуло такое множество независимых союзных сил, особенно когда те значительно уступают ей по уровню цивилизованности. Их нужно кормить и не давать им грабить страну. О фактической величине крестоносных армий можно только гадать. Средневековые оценки всегда преувеличены, но что касается оборванцев Петра Пустынника, считая множество мирных паломников, то, вероятно, их число приближалось к двадцати тысячам. Главные Христовы воинства — Раймунда, Готфрида и северных французов — каждое насчитывало намного более десяти тысяч, включая гражданских лиц. Армия Боэмунда была чуть меньше, также были и другие малочисленные отряды. Но можно предположить, что в целом за период от лета 1096 года до весны 1097-го на территорию Византийской империи вошло от шестидесяти до сотни тысяч человек. В основном императору все же удалось успешно подготовиться к их встрече. Никто из латинян не страдал от нехватки продовольствия во время путешествия по Балканам. Единственные, кто совершал набеги, чтобы раздобыть еды, это были Готье Неимуций в Белграде и Петр в Бела-Паланке, и тот и другой при исключительных обстоятельствах, да и еще Боэмунд в Кастории, когда он шел в середине зимы по бездорожью. Полностью предотвратить мелкие грабежи и редкие необоснованные нападения на города было невозможно, поскольку для этого у Алексея не хватало войск. Однако его печенежские отряды с их слепым и бескомпромиссным подчинением приказам оказались эффективными стражами правопорядка, как бы это ни злило крестоносцев, а с западными сеньорами и принцами умели поладить его специальные посланцы. И то, что методы императора проявляли себя все более успешно, прекрасно демонстрирует то, как гладко прошло путешествие последних армий из Северной Франции, известных своим буйством и руководимых слабыми и некомпетентными вождями.

В Константинополе присягу верности Алексею принесли все именитые сеньоры, кроме Раймунда, с которым он достиг личного взаимопонимания. Император не питал иллюзий ни насчет практической ценности этой клятвы, ни насчет верности слову людей, которые ее принесли. Но она по крайней мере давала ему одно законное преимущество, которое впоследствии вполне могло сыграть важную роль. Добиться этого оказалось нелегко; ибо хотя самым дальновидным руководителям, таким

как Боэмунд, и самым прозорливым наблюдателям, таким как Фульхерий Шартрский, была очевидна необходимость сотрудничать с Византией, мелким рыцарям и рядовым вассальная присяга казалась унижением и даже вероломством. Против византийцев их настроил тот холодный прием, который оказали им сельские жители, а ведь они, как им казалось, пришли этих жителей спасать. Константинополь, огромный, поражающий воображение город, с его богатствами, многочисленным населением из торговцев и ремесленников, изысканными вельможами в партикулярном платье и роскошных одеждах, накрашенными благородными дамами со свитами из евнухов и рабов вызывали у них презрение, смешанное с неприятным чувством собственной неполноценности. Они не могли понять ни языка, ни обычаев страны. Даже церковные службы были им чужды.

Византийцы отвечали им такой же неприязнью. Столичным жителям эти грубые, разнузданные головорезы, так долго сидевшие в пригородах, причиняли одни только хлопоты, а об отношении сельчан свидетельствует письмо, написанное архиепископом Болгарским Феофилактом из его епархии в Охриде на Эгнатиевой дороге. Феофилакт, известный своей терпимостью к Западу, из-за которой на него смотрели с подозрением, описывает, какие беды принесли крестоносцы его епархии, но прибавляет, что теперь он и его паства учатся терпеливо нести свое бремя. Начало Крестового похода не предвещало ничего хорошего для отношений между Востоком и Западом.

И тем не менее Алексей, скорее всего, был удовлетворен. Опасность для Константинополя устранена, а великие Христовы воинства отправились воевать с тюрками. Он искренне собирался сотрудничать с крестоносцами, но только с одной оговоркой. Он не станет жертвовать интересами империи ради интересов западных рыцарей. Его долг прежде всего перед своим народом. Более того, как и все византийцы, Алексей считал, что благополучие всего христианства зависит от благополучия древнейшей христианской империи. И он был прав в своем убеждении.

Часть четвертая. Война с тюрками

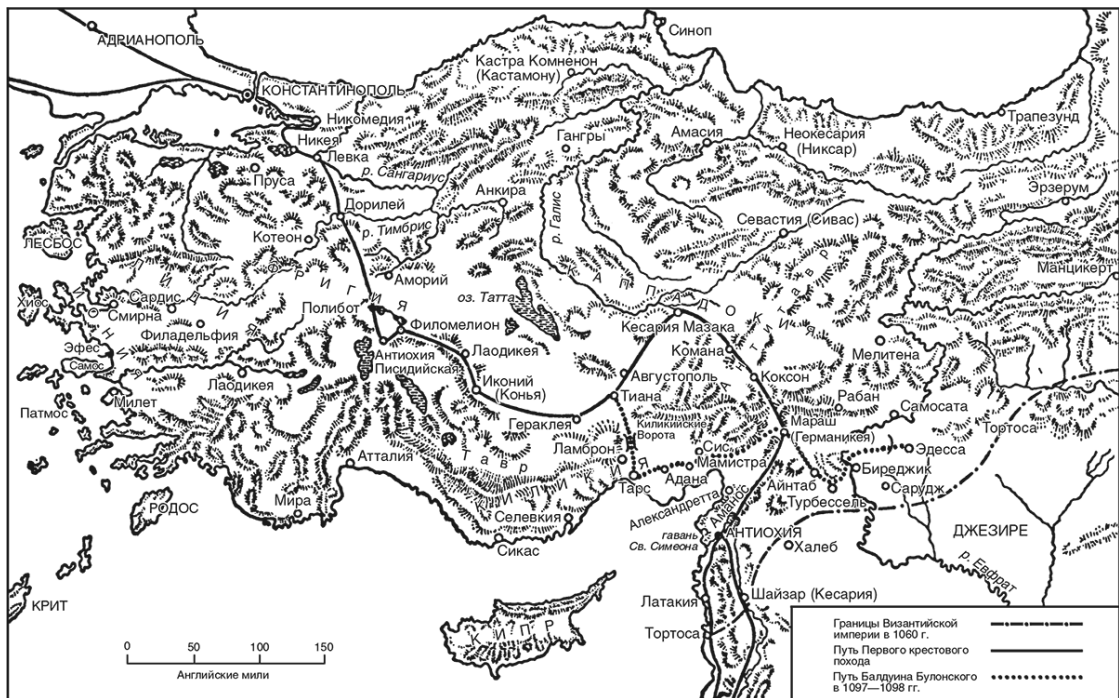
Глава 1. Кампания в Малой Азии

И пойдешь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное.

Книга пророка Иезекииля, 38: 15

Как бы император и предводители крестоносцев ни спорили из-за своих прав и ни делили будущие завоевания, относительно первых шагов в борьбе с неверными не было никаких расхождений. Если христианская рать намерена дойти до Иерусалима, ей нужно расчистить малоазийские дороги, а главной целью византийской политики было выгнать тюрок из Малой Азии. Этот стратегический курс не вызывал никаких разногласий, и крестоносцы, находясь бок о бок с византийской армией, пока еще были готовы доверить вопросы тактики ее опытным полководцам.

Первой целью была столица сельджуков — Никея. Никея лежала на берегах Асканского озера, недалеко от Мраморного моря. Через нее проходила старая византийская военная дорога, хотя был и другой путь чуть восточнее. Оставить великую крепость в руках врага означало бы поставить под угрозу всякое сообщение в этом регионе. Алексей не мог дожидаться, когда крестоносцы двинутся в путь, ибо наступало лето, да и сами крестоносцы начали проявлять нетерпение. В последние дни апреля, прежде чем армия северных французов прибыла в Константинополь, поступили приказы сняться с лагеря у Пелеканона и наступать на Никею^[50].

Малая Азия во времена Первого крестового похода

Момент был выбран удачно, так как султан сельджуков Кылыч-Арслан I отсутствовал — он уехал на свою восточную границу, где оспаривал с Данишмендидами владычество над Мелитеной, чей армянский князь Гавриил занимался тем, что стравливал соседних правителей друг с другом. Кылыч-Арслан отнесся к новой угрозе с запада без должной серьезности. Он с такой легкостью разметал голодранцев Петра Пустынника, что это внушило ему презрение к крестоносцам, тем более что его шпионы в Константинополе, желая угодить господину, в своих донесениях, возможно, преувеличивали неприязнь между императором и западными владыками. Полагая, что крестоносцы ни за что не дойдут до Никеи, он оставил в стенах города жену, детей и всю свою казну. И лишь получив новости о сосредоточении вражеских войск возле Пелеканона, он поспешно отправил часть армии назад на запад и сам последовал за нею, как только разобрался с делами на востоке. Его войска прибыли слишком поздно, чтобы помешать крестоносцам выступить на Никею.

Лотарингская армия Готфрида оставила Пелеканон предположительно 26 апреля и двинулась на Никомедию, где прождала три дня, пока к ней не подошло войско Боэмунда под началом Танкреда, а также Петр Пустынник и остатки его сборища. Сам Боэмунд на несколько дней задержался в

Константинополе, чтобы договориться с императором насчет поставки продовольствия для армии. Западные войска сопровождал небольшой отряд византийских инженеров с осадными машинами под командованием Мануила Вутумита. От Никомедии Готфрид повел армию в Циветот, потом повернул на юг через ущелье, где погибли спутники Петра. Их кости все еще усеивали вход в теснину, и Готфрид, предостереженный и их участью, и советом императора, двигался осторожно, посылая вперед дозорных и инженеров, чтобы расчистить и расширить проход, который затем отметили рядом деревянных крестов, чтобы они служили приметам будущим паломникам. 6 мая он подошел к Никее. Город был хорошо укреплен с IV века, и византийцы постоянно ремонтировали его стены длиной около 4 миль (6,5 км) с двумястами сорока башнями. Она стояла на восточной стороне Асканского озера, ее западные стены поднимались прямо из неглубоких вод, и она образовывала неправильный пятиугольник. Готфрид раскинул лагерь у северной стены, а Танкред — у восточной. Южную стену оставили для армии Раймунда.

У тюрок в городе стоял большой гарнизон, но все же он нуждался в подкреплении. К султану отправились гонцы, одного из которых перехватили крестоносцы, с просьбой поскорее прислать войска, которые должны были войти в город через южные ворота, прежде чем враг сомкнет кольцо осады. Но армия тюрок находилась еще слишком далеко. Прежде чем ее авангард успел подойти, 6 мая прибыл Раймунд и расставил своих воинов перед южной стеной. Два-три дня спустя к ним присоединилась армия Боэмунда. До его подхода христиане уже начали ослабевать от недостатка продовольствия, но затем благодаря договоренности с Алексеем снабжение свободно доставлялось к осаждающим и по суше, и по морю. Когда 3 июня прибыли Роберт Нормандский и Этьен Блуаский со своими силами, все крестоносное воинство оказалось в сборе. Оно действовало слаженно, как единый организм, хотя над ним и не стоял один верховный главнокомандующий. Все решения принимались его главами на совете. Пока еще между ними не возникало серьезных разногласий. Между тем император выступил к Пелеканону, откуда мог поддерживать связь и со столицей, и с Никеей^[51].

Первые силы тюрок подошли на выручку Никее сразу же после Раймунда и нашли, что город полностью блокирован с суши. После короткой и безуспешной стычки с войсками

Раймунда они отступили и стали ждать подхода основной тюркской армии, которая приближалась во главе с самим султаном. Алексей дал Вутумиту указание установить связь с осажденным гарнизоном. Начальники гарнизона, увидев, что войска, присланные на подмогу, уходят, позвали Вутумита в город, гарантировав ему неприкосновенность, для обсуждения условий сдачи. Он согласился, но почти сразу же пришли известия о том, что султан уже недалеко, и переговоры были сорваны.

Около 21 мая с юга подошел султан со своей армией и тут же атаковал крестоносцев в попытке пробиться в город. Раймунд вместе с епископом Пюиским, командовавшим его правым флангом, принял на себя главную тяжесть атаки, ибо ни Готфрид, ни Боэмунд не отваживались оставить свою часть стен без присмотра. Но на помощь Раймунду пришел Роберт Фландрский со своими войсками. Весь день продолжалась ожесточенная битва, но тюрки так ничего и не добились. Когда спустилась ночь, султан решил отступить. Крестоносная армия оказалась сильнее, чем он думал, и в единоборстве на открытом поле перед городом его тюрки были не равны хорошо вооруженным европейцам. Наилучшая стратегия заключалась в том, чтобы отступить в горы и предоставить город его участи.

Крестоносцы понесли тяжелые потери. Многие, включая Балдуина, графа Гентского, были убиты, и почти все уцелевшие участники битвы получили ранения. Но победа наполнила их эйфорией. К своему восторгу, они нашли среди мертвых тюрок веревки для того, чтобы связывать пленников, которых рассчитывал взять султан. Чтобы ослабить боевой дух осажденного гарнизона, они отрезали головы у многих убитых врагов и забросили их через стены или надели на пики и выставили перед воротами. Затем, когда извне уже нечего было опасаться, латиняне сосредоточились на осаде. Но город был укреплен очень внушительно. Напрасно Раймунд и Адемар пытались обрушить одну из южных башен, послав саперов сделать подкоп под нею и разжечь там большой костер. Тот малый ущерб, который им удалось нанести, гарнизон исправил за ночь. Более того, оказалось, что кольцо блокады не замкнуто, так как город до сих пор мог получать припасы со стороны озера. Крестоносцам пришлось звать на помощь императора, чтобы тот предоставил корабли для перехвата. Алексей наверняка понимал, что к чему, но хотел, чтобы западные сеньоры осознали, насколько важно для них его содействие. По

их просьбе он предоставил им небольшую флотилию под началом Вутумита^[52].

Султан, отступая, велел гарнизону поступать по своему усмотрению, ибо он им уже ничем помочь не может. Когда в городе увидели на озере византийские корабли и поняли, что император действует заодно с крестоносцами, тюрки решили сдаться. На это и рассчитывал Алексей. Он не хотел ни прибавлять к своим владениям полуразрушенный город, ни того, чтобы его будущие подданные пережили ужасы разграбления, особенно учитывая что большинство горожан были христианами, тогда как из тюрок там были только солдаты и небольшое число вельмож. Они снова вступили в переговоры с Вутумитом и обсудили условия сдачи. Но тюрки все еще колебались, возможно надеясь на возвращение султана. Только получив известие о том, что крестоносцы планируют общий штурм, они наконец сдались.

Штурм был назначен на 19 июня. Но когда забрезжило утро, крестоносцы увидели, что над башнями города развевается штандарт императора. Ночью тюрки сдались, и императорские войска, включая печенежский контингент, вошли в город через ворота со стороны озера. Едва ли вождей крестоносцев не поставили в известность о переговорах, также нельзя и сказать, что они их не одобряли, ведь они должны были понимать, что бессмысленно терять время и людей, штурмуя город, который им все равно не достанется. Однако их сознательно держали в неведении о последних этапах переговоров, и рядовые крестоносцы посчитали, что их обманом лишили добычи. Они рассчитывали поживиться за счет никейских богатств, а вместо этого их впускали в город лишь небольшими группками под пристальным надзором императорской полиции. Они надеялись захватить тюркских вельмож и получить за них выкуп, а вместо этого глядели, как их под эскортом провожают со всем движимым имуществом в Константинополь или к императору в Пелеканон. И латиняне еще больше озлобились на императора^[53].

В какой-то степени императору удалось успокоить их недовольство своим великодушием. Ибо Алексей немедленно приказал щедро одарить продовольствием всех рядовых крестоносцев, а их начальников созвали в Пелеканон, где выдали по доле золота и драгоценностей из сокровищницы султана. Этьен Блуаский, который отправился туда вместе с Раймундом Тулузским, ахнул при виде целой горы золота,

которая предназначалась ему. В отличие от некоторых его товарищей, он не разделял того мнения, что император должен был лично явиться в Никею, ибо он понимал: демонстрация того, на что готов освобожденный город, встречая своего государя, может поставить Алексея в неловкое положение. За свою щедрость Алексей потребовал, чтобы рыцари, которые еще не принесли ему вассальной присяги, сделали это сейчас. Многие рыцари невысокого положения, которые не волновали его, когда проходили через Константинополь, теперь его послушались. Раймунда, по-видимому, не просили давать новых клятв в дополнение к уже данным, но за Танкреда взялись как следует. Сначала Танкред вел себя вызывающе. Он заявил, что не собирается никому присягать, если только ему не дадут целую палатку императора, до краев набитую золотом, и вдобавок еще столько же золота, сколько дали всем остальным предводителям похода. Когда же свояк императора Георгий Палеолог не стерпел такой наглости, Танкред грубо набросился на него с кулаками. Император встал, чтобы вмешаться, но Бозмунд резко отчитал своего племянника. В конце концов Танкред скрепя сердце принес присягу^[54].

Крестоносцев возмутило то, как император отнесся к пленным тюрмакам. Придворным чиновникам и командирам было разрешено выкупить себе свободу, а супругу султана, дочь эмира Чаки, с царскими почестями приняли в Константинополе, где она должна была оставаться до тех пор, пока не придет послание от ее мужа с указанием о том, где он желает с нею воссоединиться. После чего ее с детьми предполагалось отправить к нему без выкупа. Алексей не был злым человеком и прекрасно знал, чего стоит великодушие к побежденному врагу, но западным рыцарям его отношение казалось лицемерным и вероломным^[55].

Тем не менее, несмотря на некоторое разочарование из-за того, что они сами не взяли город и не поживились его богатствами, освобождение Никеи наполнило крестоносцев радостью и надеждами на будущее. На Запад отправились письма о том, что этот достославный город снова принадлежит христианам, и эта новость была воспринята с воодушевлением. Начало Крестового похода оказалось успешным. Стали поступать новобранцы, и итальянские города, до той поры из соображений осторожности тянувшие с обещанной помощью, стали относиться к движению серьезнее. В лагере крестоносцев среди рыцарей царило нетерпение. Стефана Блуаского

переполнял оптимизм. «Через пять недель мы будем в Иерусалиме, — написал он жене и пророчески прибавил, даже не подозревая, насколько окажется прав: — Если только нас не задержат у Антиохии».

Из Nikeи крестоносцы отправились через Малую Азию по старой византийской дороге. Дорога от Халкидона до Nikeи сливалась с дорогой от Еленополя и Nikeи на берегах реки Сангариус. Вскоре она отходила от реки и взбиралась по долине ее притока на юг, мимо современного Биледжика, потом извивалась по перевалу до Дорилея, возле современного Эскишехира. Там она разделялась на две. Большая военная дорога византийцев шла прямо на восток, вероятно проходя мимо Анкиры с юга, а после того, как пересекала реку Галис, снова разделялась: одно ответвление шло прямо, мимо Севастии (Сиваса) в Армению, другое поворачивало к Кесарии Каппадокийской (Мазаке). Оттуда несколько дорог вело через перевалы Антитавра в долину Евфрата, а другая дорога возвращалась на юго-запад через Тиану до Киликийских Ворот. Вторая дорога от Дорилея вела прямо через огромную соляную пустыню в центре Малой Азии, южнее озера Татта, от Амория до Киликийских Ворот. По этой дороге можно было двигаться только очень быстро, ибо она пересекала пустынную местность, полностью лишенную воды. Третья дорога огибала южный край соляной пустыни и шла от Филомелиона, современного Акшехира, до Икония и Гераклеи и Киликийских Ворот. Одно ответвление дороги вело от Филомелиона к Средиземному морю у Атталии, а другое — от Икония к Средиземному морю у Селевкии.

По какой бы дороге ни пошли крестоносцы, сперва им нужно было добраться до Дорилея. 26 июня, через неделю после взятия Nikeи, передовые отряды выступили в путь, а в следующие два дня за ними последовали другие части армии, планируя снова соединиться у моста через реку Синюю, где дорога уходит из долины Сангариуса и взбирается на плоскогорье. Крестоносцев сопровождал небольшой отряд византийцев под началом опытного полководца Татикия. Некоторые крестоносцы, скорее всего в основном те, кто был ранен под Nikeей, задержались и поступили на службу к императору. Их отдали под начало Вутумита, и они участвовали в восстановлении Nikeи и пополнили ее гарнизон.

У моста, возле селения под названием Левка, сеньоры устроили совет. Было решено разделить армию на две части,

чтобы отчасти решить проблему с продовольствием, одна должна была идти впереди другой с разницей примерно в день. Первую часть составили нормандцы Северной Франции с войсками графов Фландрского и Блуаского и византийцы, которые дали проводников. Вторая часть включила в себя франков из Южной Франции и лотарингцев с войсками графа Вермандуа. Боэмунд считался командующим первой группы, а Раймунд Тулузский — второй. Как только войска разделились, армия Боэмунда отправилась по дороге в Дорилей.

После неудачной попытки освободить Никею султан Кылыч-Арслан отступил на восток, чтобы собраться с силами и заключить союз с данишмендским эмиром для борьбы с этой новой угрозой. Потеря Никеи тревожила его, да и утрата тамошней казны была для него серьезным уроном. Но тюрки в глубине души все еще оставались кочевым народом. Настоящей столицей султана была его палатка. В последние дни июня он вернулся на запад со всеми своими войсками вместе с вассалом Хасаном, эмиром каппадокийских тюрков, и армией Данишмендидов по главе с их эмиром. 30 июня в долине у Дорилея Кылыч-Арслан поджидал спускавшихся по перевалу крестоносцев, готовясь их атаковать.

Тем вечером первая армия крестоносцев разбила лагерь на равнине неподалеку от Дорилея. На рассвете тюрки налетели на них с холмов под громкие боевые кличи. Но они не застали Боэмунда врасплох. Мирных паломников быстро собрали в центре лагеря, где находились источники воды, и женщинам поручили подносить воду войскам на передовой линии. Палатки быстро сложили, а рыцарям велели спешиться. Тем временем гонец помчался ко второй армии, чтобы поторопить ее, а Боэмунд обратился к своим капитанам, предупредив, что их ждет нелегкая битва, и велел сначала только обороняться. Только один из них не подчинился его приказу — тот самый рыцарь, который дерзко уселся на императорский трон в Константинополе. С сорока своими солдатами он нанес удар по противнику, но был позорно отброшен и изранен. Тюрки вскоре окружили лагерь, и христианам казалось, что им несть числа. Они применили свою излюбленную тактику: стрелки выбегали вперед, производили выстрел и сразу же отбегали, уступая место другим.

Жаркое июньское утро переходило в день, и крестоносцы начали сомневаться, сумеют ли они выстоять под непрерывным ливнем стрел. Но враг окружал их со всех сторон, и бежать быть

невозможно, а сдаться тюркам означало бы попасть в плен и рабство. Все христиане твердо решили, если придет нужда, вместе принять мученическую смерть. Наконец, около полудня, они увидели, как подходят их товарищи из второй армии, впереди шли Готфрид и Гуго со своими людьми, а сразу за ними — Раймунд и его французы. До того момента тюрки и не подозревали, что им удалось поймать в западню не всю армию крестоносцев. При виде новоприбывших они замешкались и не смогли помешать обеим армиям соединиться. Крестоносцы приободрились. Образовав длинный фронт с Боэмундом, Робертом Нормандским и Этьеном Блуаским слева, Раймундом и Робертом Фландрским в центре и Готфридом и Гуго справа, они перешли в наступление, напоминая друг другу о том, какая богатая добыча ждет их в случае победы. Тюрки оказались не готовы к контратаке, и, вероятно, у них заканчивались стрелы. Их колебания сменились паникой при внезапном появлении епископа Пюиского и контингента южных французов на холмах позади них. Адемар сам спланировал этот отвлекающий маневр и нашел проводников, которые провели его по горным тропам. Его вмешательство обеспечило крестоносцам полный триумф. Тюрки дрогнули и вскоре уже бросились в повальное бегство на восток. В спешке они бросили свой лагерь, и палатки султана и эмиров со всеми их сокровищами попали в руки христиан^[56].

Это была великая победа. Многие христиане погибли, включая брата Танкреда Гийома, Онфруа из Монте-Скабиозо и Роберта Парижского, а франки научились с должным уважением относиться к военному искусству тюрков. Скорее всего, чтобы придать еще больше блеска своему свершению, они сам возвеличивали тюрков, в отличие от византийцев, чьи более научные методы ведения войны казались им упадочническими. Не признали они и той роли, которую византийцы сыграли в битве. Анонимный нормандский автор «Деяний франков» полагал, что из тюрков, не будь они нехристями, получился бы прекраснейший народ, и приводит легенду, по которой франки и тюрки были потомками троянцев — скорее всего, своим происхождением легенда обязана общему соперничеству тех и других с греками, а не каким-либо этнологическим соображениям. Однако при всей воинской доблести тюркских солдат их разгром гарантировал крестоносцам проход через Малую Азию. Султан, у которого сначала отобрали столицу, а теперь и царскую палатку и большую часть сокровищницы, решил, что бесполезно пытаться им помешать. Встретив во время бегства отряд сирийских тюрков, опоздавших к началу

битвы, он сказал им, что франки куда более многочисленны и сильны, чем он думал, и что он не в силах их одолеть. Он ушел в горы со своими людьми, грабя и опустошая по пути города и разоряя сельскую местность, чтобы крестоносцы не могли найти себе пропитание в дороге.

Армия крестоносцев сделала двухдневную передышку в Дорилее, чтобы восстановить силы после битвы и спланировать дальнейшие этапы похода. Выбрать дорогу, чтобы продолжить путь, было нетрудно. Военная дорога, шедшая на восток, забиралась слишком глубоко в районы, где хозяйничали эмиры-Данишмендиды, чьи силы еще не были сломлены. Чтобы сократить путь, пойдя напрямик через солончаки, западная армия была слишком велика и двигалась слишком медленно. Ей оставалось идти по более долгой дороге вдоль границы гор на юге от пустыни. Такой совет, несомненно, дали им Татикий и предоставленные им проводники. Но и при этом у них не было гарантий, что дорога будет свободна. После нашествия тюрок и двадцати лет войны деревни были уничтожены, поля не возделывались, колодцы стали непригодны для питья или высохли, мосты разрушились сами или их разрушили. Редкие и напуганные местные жители не всегда давали правдивые сведения. Однако если что-то шло не так, франки сразу же начинали подозревать греческих проводников в измене, а греки были крайне недовольны недисциплинированностью и неблагодарностью франков. Татикию все труднее и неприятнее было исполнять свои обязанности^[57].

Выступив 3 июля одной непрерывной колонной, чтобы избежать повторения ситуации, сложившейся у Дорилея, армия проследовала на юго-восток через Анатолийское плоскогорье. Пройдя через Полибот, она повернула к Антиохии Писидийской, которая, скорее всего, избежала опустошения тюрками и где поэтому можно было раздобыть припасов. Оттуда крестоносцы прошли по пустынным перевалам Султандага и вернулись на главную дорогу у Филомелиона. От Филомелиона их путь лежал через безлюдную местность между горами и пустыней. Безжалостный зной самого разгара лета приносил нестерпимые страдания тяжеловооруженным рыцарям, их лошадям и пешим воинам. Вокруг не было видно никакой воды, кроме соленых болот пустыни, ни единого зеленого листочка, одни только терновые кусты, ветки которых они жевали в тщетной попытке добыть хоть каплю влаги. По обочинам дороги встречались старые византийские цистерны,

но все они были разрушены тюрками. Первыми стали гибнуть лошади. Многим рыцарям пришлось идти пешком, другие пересели на волов, а овец, коз и собак запрягали в обозные повозки. Но армия сохраняла высокий боевой дух. Фульхерию Шартрскому дух товарищества среди солдат из таких разных стран, говоривших на стольких разных языках, казался чем-то боговдохновенным.

В середине августа крестоносцы добрались до Икония. Иконий, современная Конья, уже тринадцать лет находился в руках тюрков, и Кылыч-Арслан вскоре сделает его своей новой столицей. Но в то время город лежал безлюдный. Тюрки бежали в горы со всем своим имуществом, которое смогли унести. Но они не могли разрушить реки и сады в чудесной долине Мерам за стенами города. Ее плодородное гостеприимство очаровало утомленных христиан. Они отдыхали там несколько дней, восстанавливая силы. Все они нуждались в передышке. Даже их предводители изнемогли от напряжения. За несколько дней до того Готфрида на охоте поранил медведь. Раймунд Тулузский тяжело заболел и лежал при смерти. Епископ Оранжевый совершил над ним соборование, но отдых в Иконии вернул графу силы, и он смог выехать вместе с армией, когда она снова двинулась в путь. По совету немногочисленных армян, живших возле Икония, солдаты взяли с собой достаточно воды, чтобы ее хватило до тех пор, пока они не дойдут до плодородной долины Гераклеи.

У Гераклеи они нашли армию тюрков эмира Хасана и эмира Данишмендидов. Оба эмира, тревожась за свои владения в Каппадокии, видимо, надеялись своим присутствием заставить крестоносцев уйти через Тавр к морскому побережью. Но при виде тюрков крестоносцы немедленно бросились в атаку во главе с Боэмундом, который хотел добраться до самого эмира Данишмендидов. Тюрки не хотели вступать в решающее сражение и поспешно отступили на север, бросив города на милость христиан. В небесах пронеслась комета, осветив сцену победы^[58].

Теперь пришло время в очередной раз обсудить, каким путем двигаться дальше. Несколько восточнее Гераклеи большая дорога вела через горы Тавра в Киликию по грандиозному перевалу, называвшемуся Киликийскими Воротами. Это был прямой путь на Антиохию, но он имел свои недостатки. Пройти через Киликийские Ворота было нелегко. Временами дорога становилась такой крутой и узкой, что

одного отряда противника, засевшего на высотах, хватило бы, чтобы привести в смятение медленно передвигающуюся армию. Киликия находилась в руках тюрок, а в сентябре там, по словам византийских проводников, царит самый убийственный зной. Кроме того, армия, идущая из Киликии в Антиохию, должна перейти через хребет Аманос по труднопроходимому перевалу, известному как Сирийские Ворота. Вместе с тем недавно нанесенный тюркам разгром открыл европейцам дорогу на Кесарию Каппадокийскую. Оттуда продолжение великой византийской военной дороги вело через Антитавр в Мараш (Германикею) и вниз по невысокому и широкому перевалу Ворота Аманоса прямо на антиохийскую равнину. По этой дороге до нашествия тюрок обычно шло движение из Антиохии в Константинополь, и в то время она имела то преимущество, что пролегла по областям, находившимся в руках христиан — армянских князей, которые по большей части номинально числились вассалами императора, так что можно было рассчитывать на их доброе расположение. Вероятно, именно эту вторую дорогу и рекомендовал Татикий с византийцами, но их совету противились те из высокопоставленных крестоносцев, кто был настроен против императора, и в первую очередь Танкред. Большинство решило идти по дороге через Кесарию. Но Танкред с отрядом нормандцев из Южной Италии и брат Готфрида Балдуин с частью фламандцев и лотарингцев решили отделиться от основной армии и идти через горы в Киликию.

Около 10 сентября Танкред и Балдуин отправились по двум отдельным дорогам к таврским перевалам, а главная армия двинулась на северо-восток к Кесарии. У деревни Августополь она догнала войска Хасана и нанесла им новое поражение, но, не желая задерживаться, не пыталась взять замок эмира, стоявший недалеко от дороги, хотя несколько мелких деревень были заняты и отданы местному армянскому сеньору по имени Симеон по его собственной просьбе, чтобы владеть ими от императора. В конце месяца крестоносцы добрались до Кесарии, которую оставили тюрки. Они не остановились там, но продолжили путь в сторону Команы (Плацентии), процветающего армянского города, который осаждали тюрки Данишмендиды. При их приближении тюрки тут же ретировались, и, хотя Боэмунд отправился в погоню за ними, он так и не смог их догнать. Жители с радостью встретили своих избавителей. Татикию предложили назначить в город наместника, который правил бы им от имени императора. Татикий выбрал на этот пост Пьера Ольпского, провансальского

рыцаря, который впервые прибыл на восток еще с Робертом Гвискармом и затем поступил на службу к императору. Это был хороший выбор с точки зрения дипломатии, и данный эпизод показывает, что франки и византийцы пока еще были в состоянии трудиться над общей целью и вместе исполнять договор, заключенный между предводителями крестоносцев и императором.

Из Команы армия двинулась на юго-восток в Коксон, современный Гёксун, процветающий город с многолюдным армянским населением, лежавший посреди плодородной долины ниже хребта Антитавра. Там она пробыла три дня. Жители отнеслись к латинянам очень приветливо, и крестоносцы смогли раздобыть достаточно припасов для следующего этапа пути через горы. В то время в армию просочился слух, будто тюрки оставили Антиохию. Боэмунда не было, поскольку он все еще преследовал Данишмендидов; так что Раймунд Тулузский сразу же, не посоветовавшись ни с кем, кроме собственных помощников, послал пять сотен рыцарей под началом Пьера Кастийонского поспешить вперед и оккупировать город. Рыцари шли как могли быстро, но, дойдя до крепости, занятой еретиками-павликианами, недалеко от Оронта, узнали, что это ложный слух и что, напротив, тюрки сводят туда подкрепления. Пьер Кастийонский, по всей видимости, помчался обратно, чтобы вернуться к армии, но один из его рыцарей, Пьер из Роэкса, ускользнул с несколькими товарищами и, выйдя победителем из стычки с местными тюрками, взял несколько укреплений и деревень в долине Русии ближе к Халебу, в чем ему охотно помогали местные армяне. Вполне возможно, что Раймунд затевал этот маневр не для того, чтобы самому завладеть Антиохией, а только ради славы и добычи, которая должна была достаться первому прибывшему. Но вернувшийся Боэмунд отнесся к новости с подозрением, и это свидетельствует о том, что между вождями Христовой войска наметился разрыв.

Часть пути от Коксона оказалась для крестоносцев самой трудной. Наступил октябрь, и начались осенние дожди. Дорога через Антитавр находилась в чудовищно разбитом состоянии и на протяжении долгих миль представляла собой раскисшую тропу, которая змеилась по крутым склонам, огибая пропасти. Лошадь за лошадью поскальзывались в грязи и срывались с обрывов, целые вереницы связанных вместе вьючных животных утягивали друг друга в пропасть. Никто не осмеливался ехать

верхом. Рыцари, с трудом ковыляя в своих тяжелых доспехах, старались продать оружие и латы более легко экипированным воинам, а то и просто бросали их в отчаянии. Казалось, на горах лежит проклятие. Они забрали больше жизней, чем сами тюрки. С огромной радостью армия наконец спустилась в долину, окружавшую Мараш.

В Мараше, где они снова нашли дружелюбное армянское население, крестоносцы переждали несколько дней. Городом правил армянский князь по имени Татул, который раньше служил чиновником у византийцев, и пришедшие подтвердили его полномочия. Там к ним снова присоединился Боэмунд после безрезультатной погони за тюрками, а из Киликии поспешно явился Балдуин, чтобы повидать свою жену Годверу, которая лежала при смерти. После ее кончины он снова удалился, теперь уже на восток. Основная часть крестоносцев, отдохнув, с новыми силами выступила из Мараша около 15 октября и отправилась на антиохийскую равнину. Двадцатого числа они прибыли к Железному мосту в трех часах пути от города.

Четыре месяца прошло с тех пор, как Крестовый поход отправился в Никею. Для большой армии с толпой мирных паломников, которая шла в самый разгар лета в основном по местам без воды и еды, постоянно находясь под угрозой нападения со стороны страшного и молниеносного врага, это свершение было поистине удивительным. Крестоносцам помогала их вера и страстное желание побыстрее добраться до Святой земли. К тому же их подталкивала надежда на богатую поживу и, может быть, даже новые владения. Однако нельзя забывать и о византийцах, сопровождавших поход, чей опыт ведения войн с тюрками делал их хорошими советниками и без чьих проводников европейцам ни за что было не пройти через всю Малую Азию. Возможно, проводники порой допускали ошибки, как при выборе дороги от Коксона до Мараша; но после двадцати лет небрежения, а иногда и сознательного разрушения невозможно было заранее сказать, в каком состоянии находится какая бы то ни было дорога. Татикию пришлось взять на себя трудную роль; но пока армия не дошла до Антиохии, его отношения с западными правителями оставались дружескими. Солдаты более скромного положения не особенно доверяли грекам, но по вопросу о том, куда двигаться, пока еще ссор не возникало.

Между тем император Алексей, который обязался обеспечивать сообщение через Малую Азию, укреплял

положение христиан в тылу у Крестового похода. Успех франков заставил сельджуков помириться с Данишмендидами, создав таким образом, как только прошел шок от первого поражения, потенциально мощные силы тюрок в центре и на востоке полуострова. Следовательно, политика императора должна была быть направлена на то, чтобы вернуть Византии запад полуострова, где при помощи своего растущего военного флота он мог бы открыть путь к южному берегу и держать его под своим постоянным контролем. Укрепив Nikeю и обеспечив надежное владение крепостями, которые господствовали над дорогой в Дорилей, он послал своего родича кесаря Иоанна Дуку^[59] при поддержке эскадры адмирала Каспакса отвоевать Ионию и Фригию. Главной целью была Смирна, где сын Чаки правил эмиратом, который включал в себя большую часть ионийского побережья и острова Лесбос, Хиос и Самос, пока подвластные ему эмиры владели Эфесом и другими городами побережья. Фригия находилась во власти сельджукских кланов, теперь отрезанных от связи с султаном. Чтобы произвести впечатление на тюрок, Иоанн взял с собой жену султана, дочь Чаки, о передаче которой супругу византийки еще не успели условиться с султаном. Объединенная атака с суши и моря оказалась непосильной для эмира Смирны, который тут же сдался при условии, что ему разрешат свободно уйти на восток. Видимо, он проводил свою сестру ко двору султана, после чего исчез из истории. Затем почти без борьбы пал Эфес; и, пока Каспакс и его флот оккупировали берег и острова, Иоанн Дука двинулся дальше, захватывая один за другим главные города Лидии — Сардис, Филадельфию и Лаодикею. К концу осени 1097 года вся провинция оказалась в его руках, и он был готов сразу же по окончании зимы наступать во Фригию вплоть до той дороги, по которой шли крестоносцы. Его целью, вероятно, было восстановление византийского контроля над дорогой, которая вела от Полибота и Филомелиона прямо на юг до Атталии, а оттуда вдоль берега на восток, где военный флот предоставил бы ему защиту, и тогда появилась бы возможность заключить союз с армянскими князьями, обосновавшимися в горах Тавра. Таким образом византийцы могли обеспечить путь для доставки снабжения воюющим в Сирии христианам и продолжить начатую работу совместными усилиями всего христианского мира.

Глава 2. Армянская интерлюдия

Не верьте другу.

Книга пророка Михея, 7: 5

Армяне начали переселяться на юго-запад, когда жизнь в долине Аракса и у озера Ван стала небезопасной из-за вторжения сельджуков. Миграция продолжалась все последние годы XI века. Когда крестоносцы пришли в Восточную Малую Азию, ее делила между собой вереница мелких армянских княжеств, протянувшаяся от среднего течения Евфрата в самое сердце Тавра. Эфемерное государство, основанное армянином Филаретом, рухнуло еще до его смерти в 1090 году. Но Торос пока что удерживал Эдессу, где недавно сумел выдворить из цитадели гарнизон тюрок, а его тесть Гавриил еще владел Мелитеной. В Мараше византийские власти, которым крестоносцы возвратили город, признали правителем христианина, одного из ведущих горожан. В Рабани и Кайсуне, находившихся между Марашем и Евфратом, основал небольшое княжество армянин по имени Васил Гох, Васил Грабитель^[60]. Торос и Гавриил и, вероятно, еще и Татул служили у Филарета и, подобно ему, начали свою общественную карьеру на административной службе у византийцев. Они не только принадлежали к православной церкви, а не отдельной от нее армянской, но и продолжали именоваться титулами, давным-давно полученными от императора, и при всякой возможности старались восстановить отношения с константинопольским двором, подтверждая ему свою верность. Торос даже получил от Алексея высокое звание куропалата. Эта связь с империей придавала их правлению определенную законность, но более прочное основание для их власти заключалось в готовности подчиниться владычеству соседних тюркских вождей. Торос с необычайной ловкостью настраивал этих потенциальных правителей друг против друга, а Гавриил послал свою жену в Багдад, поручив ей добиться для него

признания от высочайших мусульманских властей. Но все эти князья находились в весьма рискованном положении. За исключением Василя Гоха, от большинства соотечественников их отделяла принадлежность к иной вере, сирийские христиане, которые все еще во множестве проживали в этих областях, ненавидели их, а турки всем им не доверяли, и только распри мусульман между собой позволяли им пока что держаться на плаву.

Армяне Тавра находились в меньшей опасности, так как территория, на которой они поселились, была труднодоступна и легко обороняема. В описываемое время горы к западу от Киликийских Ворот контролировал Ошин, сын Хетума, из неприступного замка Ламброн, стоявшего на высоком отроге, глядя на Тарс и Киликийскую равнину. Периодически он поддерживал связь с Константинополем, и император наделил его титулом стратопедарха Киликии. Хотя Ошин, по видимому, не принадлежал к православной церкви, он когда-то служил у Алексея и, вероятно, с императорского одобрения получил Ламброн из рук его непобежденного византийского гарнизона. Он часто навещался на Киликийскую равнину и в 1097 году воспользовался тем, что турки были заняты наступлением крестоносцев, чтобы захватить часть города Аданы^[61]. Восточнее Киликийских Ворот горы принадлежали Костандину, сыну Рубена, который правил из своего замка Бардзберд (Партцперт), к северо-западу от Сиса. Со времени смерти отца он расширил свою власть на восток в сторону Антитавра и захватил великий замок Вахка на реке Гексу, вырвав его у оторванного от империи византийского гарнизона. Он был горячим приверженцем армянской церкви и, подобно отцу, как наследник династии Багратидов, вел кровную вражду с византийцами. Он тоже надеялся воспользоваться замешательством турок, чтобы упрочиться на богатой Киликийской равнине, где население уже было в основном армянским.

Балдуин Булонский уже в течение некоторого времени интересовался армянским вопросом. В Никее он свел близкую дружбу с армянином Багратам, братом

Васила Гоха, когда-то служившим у императора, и Баграт вошел в число его советников. Вероятно, Баграт очень хотел добиться от Балдуина помощи для армянских княжеств Приевфратья, с которыми его связывали семейные узы. Но когда в Гераклее Танкред заявил о своем намерении оставить главную армию и попытаться добиться успеха в Киликии, Балдуин решил, что если он все же хочет пожать плоды своей дружбы с армянским народом, то неразумно позволять другому западному сеньору первым братья за армянские дела. Вряд ли они с Танкредом достигли взаимопонимания. Оба они были младшими сыновьями монархов без какого-либо будущего на родине, и оба искренне хотели найти себе княжества на Востоке. Но Балдуин уже твердо решил насчет армянского государства, а Танкред был готов обосноваться в любом подходящем месте. Он выступил против того, чтобы идти в обход в Кесарию, потому что это предлагали византийцы, им и был выгоден этот курс действий, а присутствие поблизости дружелюбно настроенного христианского населения открывало перед ним благоприятные возможности.

Около 15 сентября Танкред с небольшим отрядом в сотню рыцарей и двести пехотинцев вышел из лагеря крестоносцев в Гераклее и отправился прямо к Киликийским Воротам. Сразу же за ним в путь выступил Балдуин вместе с кузеном Балдуином Бургским, Рено Тульским и Пьером из Стене, пятьюстами рыцарями и двумя тысячами пехотинцев. Ни та ни другая экспедиция не обременила себя гражданскими лицами, и жена Балдуина Годвера с детьми осталась с основной армией. Танкред, видимо, отправился напрямую к перевалу, по тому пути, которым сегодня идет железная дорога мимо Улукышлы; но Балдуин со своей более тяжеловооруженной армией предпочел старый большак, который спускался от Тианы, что дальше на восток, к Подандосу, стоявшему наверху перевала. Поэтому он на три дня отстал от Танкреда, пока шел по ущелью.

Спустившись на равнину, Танкред направился к Тарсу, который по ту пору еще оставался главным городом

Киликии. Тем временем он послал к основной армии просить подкреплений. Тарс находился под контролем тюркского гарнизона, который сразу же сделал вылазку, чтобы отбросить захватчиков, но встретил яростное сопротивление. Тогда жившие в городе христиане, армяне и греки, связались с Танкредом и умоляли его овладеть городом. Но тюрки стойко держались, пока три дня спустя не появился Балдуин со своей армией. Тогда, оказавшись перед лицом численного преимущества врага, они дождались ночи и бежали под покровом темноты. На следующее утро христиане открыли Танкреду ворота города, и Балдуин, прибыв на место, увидел, что с башен развеваются знамена племянника. С Танкредом не было ни одного византийского чиновника, и, разумеется, он не собирался передавать императору никакие захваченные им города. Но в Балдуине он нашел куда более опасного конкурента, который так же, как и он, был готов забыть о заключенном в Константинополе договоре. Балдуин потребовал, чтобы Тарс передали под его власть, и Танкред, бесясь от бессилия, ввиду превосходящих сил соперника был вынужден уступить. Он увел свои войска и пошел на восток к Адане.

Едва Балдуин успел овладеть Тарсом, как три сотни нормандцев от главной армии явились под стены города на помощь Танкреду. Несмотря на их просьбы, Балдуин отказался впустить их в город, и, пока они стояли лагерем за стенами, ночью на них напали тюрки из бежавшего гарнизона, которые бродили по округе, и перебили всех до единого человека. Инцидент возмутил и потряс крестоносцев. Даже собственные солдаты винили Балдуина в гибели соратников, и его положение могло стать весьма неустойчивым, если не известие о внезапном появлении в бухте Мерсина в устье реки Кидн у самого города христианского флота под началом Гинимера Булонского.

Гинимер был профессиональным пиратом, которому хватило дальновидности понять, что Крестовому походу понадобится помощь с моря. Собрав группу таких же пиратов, данов, фризов и фламандцев, он отплыл из

Нидерландов в конце весны и, добравшись до Леванта, искал возможности установить контакт с крестоносцами. Он сохранил чувство верности по отношению родному городу, и потому с восторгом узнал, что рядом стоит целая армия, которой командует брат его графа. Он поднялся вверх по реке к Тарсу и присягнул Балдуину. В ответ Балдуин взял у него триста человек, чтобы укомплектовать гарнизон города, и, вероятно, поставил Гинимера своим заместителем, пока сам готовился к походу на восток.

Тем временем Танкред нашел, что в Адане царит полная неразбериха. Ошин Ламбронский недавно совершил налет на город и оставил там войско, которое оспаривало власть над городом у тюрок. Кроме того, бургундский рыцарь по имени Вельф, видимо выступавший в путь в составе армии Балдуина, затем откололся, желая попытать удачи, тоже пробился в город и теперь удерживал цитадель. По прибытии Танкреда тюрки ретировались, и Вельф, который приветствовал его войска в цитадели, остался владеть городом с согласия Танкреда. Ошина, скорее всего, волновало только, как бы побыстрее выйти из этого рискованного предприятия. Он обрадовался вмешательству Танкреда, но уговаривал его идти на Мамистру, древнюю Мопсуестию, армянское население которой мечтало избавиться от ига тюрок. Ошину добивался того, чтобы франки завладели регионом, которого домогался его соперник Костандин Рубенян.

Танкред добрался до Мамистры в начале октября. Как и в Адане, тюрки бежали при виде его, а христиане с радостью впустили его в город. Пока он там находился, подошел Балдуин со своей армией. Видимо, Балдуин уже решил, что его будущее княжество будет не в Киликии. Может быть, его отвратил климат, влажный и малярийный в сентябре. Может быть, он не хотел оказаться так близко к растущей державе византийского императора. Его советник Баграт побуждал его идти на восток, где армяне звали его на помощь. Так или иначе, он помешал Танкреду основать сильное киликийское государство. Теперь же он

отправился в обратный путь к основной армии, чтобы посоветоваться с братом и друзьями, прежде чем взяться за новую кампанию. Но у Танкреда возникли обоснованные подозрения. Он не пожелал впустить Балдуина в Мамистру и вынудил его разбить лагерь на дальнем берегу реки Джихан. Однако он был не против послать съестные припасы из города в лагерь. Но многие нормандцы под предводительством родича Танкреда Ричарда Принципата не могли стерпеть того, что Балдуин не получит наказания за свое преступление в Тарсе. Они уговорили Танкреда вместе с ними нанести внезапный удар по его лагерю. Это был неразумный поступок. Войска Балдуина были слишком многочисленны и сильны и быстро заставили их в беспорядке бежать за реку. Этот недостойный конфликт встретил осуждение, и Балдуин с Танкредом заключили мир. Но вред уже был причинен. Произошло мучительное осознание того, что вожди крестоносцев не готовы совместно трудиться ради блага христианства, как только у них появлялся шанс завладеть чем-то лично для себя, и местные христиане быстро поняли, насколько поверхностны альтруистические побуждения их избавителей-франков и что в такой ситуации самый выгодный образ действий — это сраживать франков друг с другом, а это было нетрудно.

После примирения в Мамистре Балдуин быстро двинулся на соединение с основной армией в Мараше. До него дошли вести, что Годвера лежит при смерти, да и его дети, по-видимому, заболели и прожили недолго. Балдуин пробыл несколько дней с братьями и другими главами армии, а затем, когда основные силы отправились на юг к Антиохии, он двинулся на восток, чтобы попытаться удачи в долине Евфрата и дальше. С ним вышло гораздо меньше людей, чем в киликийский поход. Может быть, его популярность как вождя еще не успела восстановиться после событий в Тарсе; может быть, его братья, которым не терпелось захватить Антиохию, не смогли отрядить с ним больше войск. С ним ехала только сотня всадников, но при нем по-прежнему оставался его армянский

советник Баграт, а также он взял к себе на службу нового капеллана — историка Фульхерия Шартрского^[62].

Танкред ненадолго остался в Мамистре после отъезда Балдуина. Оставив там небольшой гарнизон, он повернул на юг и направился вокруг Исского залива в Александретту. В пути он послал гонцов к Гинимеру, чья главная ставка, вероятно, все еще располагалась в Тарсе, предлагая ему действовать совместно. Гинимер охотно согласился и подошел со своим флотом к Танкреду, стоявшему перед Александреттой. Совместными силами они штурмовали город, и Танкред поставил там свой гарнизон. Затем он перешел Аманос через Сирийские Ворота, чтобы воссоединиться с христианской армией у Антиохии^[63].

Киликийская авантюра не принесла выигрыша ни Балдуину, ни Танкреду. И тот и другой посчитали невыгодным основывать там государство. Небольшие гарнизоны франков, оставленные в трех киликийских городах — Гинимера в Тарсе, Вельфа в Адане и Танкреда в Мамистре, были недостаточно сильны, чтобы выдержать серьезное нападение. Однако разгон тюркских гарнизонов принес некоторую пользу Крестовому походу в целом, ибо не позволил использовать Киликию в качестве базы, откуда тюрки могли бы с фланга ударить по франкам в то время, пока они пытались овладеть Антиохией; а захват Александретты дал франкам возможность пользоваться портами, через которые могло поступать снабжение. Но в первую очередь выгоду от всего этого предприятия получили армянские горные князья. Разгром тюрков на равнине позволил им постепенно проникнуть в тамошние города и селения и заложить основу киликийского царства в Малой Армении.

Когда Балдуин покинул основные силы крестоносцев в Мараше, они как раз собирались выступить на юго-запад к Антиохии; и сначала Балдуин шел параллельной дорогой в нескольких милях восточнее, защищая ее левый фланг. Вероятно, обещанием сделать это он и получил разрешение снова отделиться от армии; он и в самом деле

мог оправдать свою экспедицию тем, что она будет давать защиту всему походу, поскольку самая простая дорога, по которой к антиохийским тюркам могли подойти подкрепления из Хорасана, пролегла прямо через ту область, которую он собирался захватить. Более того, ее богатые земли также могли обеспечить крестоносцев необходимыми запасами продовольствия.

От Айнтаба Балдуин резко повернул на восток. Едва ли у него были какие-то четко сформулированные планы, не считая расплывчатого намерения основать княжество где-нибудь на Евфрате, которое принесло бы выгоду и ему самому, и всему крестоносному движению. Обстоятельства для Балдуина складывались благоприятно. Ему не придется отвоевывать страну у неверных, ибо она уже находилась в руках дружественных армян. Он поддерживал связь с ее армянскими князьями. Через Баграта он, по всей видимости, вступил в контакт с братом Баграта Василом Гохом, чье княжество лежало прямо на восток от Мараша. Гавриил Мелитенский, находясь под постоянной угрозой со стороны тюрок Данишмендидов, вероятно, звал франков на помощь; а Торос Эдесский, бесспорно, поддерживал сообщение с крестоносцами. Более того, к решению уйти из Киликии Балдуина, по слухам, подтолкнуло известие, которое он или Баграт получил там от Тороса, который звал их как можно скорее явиться в Эдессу. Армяне давно уже надеялись получить помощь с Запада. Двадцатью годами ранее, когда папа Григорий VII, как известно, обдумывал поход для спасения восточного христианства, в Рим приехал армянский епископ, чтобы позаботиться о своих интересах. Армянским князьям, даже тем, кто носил имперские титулы, западные союзники всегда казались более привлекательными, чем византийские, союз с которыми мог поставить их в еще большую зависимость от ненавистной империи. Присутствие на самых границах их княжеств франкской армии, рьяно сражавшейся за христианство, давало им возжеленную возможность раз и навсегда добиться независимости и от тюркского, и от византийского владычества. Они горячо приветствовали Балдуина и его людей как освободителей.

Наша эпоха научила нас не доверять столь многообещающему слову, как «освобождение». Армяне выучили этот урок задолго до нас. Пока Балдуин продвигался по реке Евфрат, местные армяне выходили приветствовать его. Оставшиеся тюркские гарнизоны либо бежали, либо были перебиты христианами. Единственным местным правителем из тюрков, представлявшим хоть какую-то важность, был эмир Самосаты Балдук, державший под контролем дорогу из Эдессы в Мелитену. Он попытался организовать сопротивление, но был не в состоянии предпринять наступательных операций. Двое местных армянских дворян, которых латиняне называли Фер и Никус, присоединились к Балдуину со своими небольшими войсками. В начале зимы 1097 года Балдуин сумел завоевать территорию вплоть до Евфрата, захватив две главные крепости Равендель и Турбессель — так на свой манер латиняне переделали арабские названия Рувандан и Тель-Башир. Равендель, который обеспечивал его сообщение с Антиохией, Балдуин отдал под начало своему армянскому советнику Баграту, а командовать Турбесселем, важным в силу его близости к знаменитому броду через Евфрат у Каркемиша, поставил армянина Фера.

Пока Балдуин еще находился в Турбесселе, вероятно, около начала года, к нему явилось посольство из Эдессы. Торосу не терпелось побыстрее принять у себя франков, которые задерживались на западном берегу Евфрата. Его положение всегда было опасным, а теперь его встревожили вести о том, что тюрк Кербоба, страшный эмир Мосула, собирает громадное полчище, чтобы идти на выручку Антиохии, и оно могло с легкостью легко разделаться с Эдессой и другими армянскими государствами, лежавшими у него на пути. Но Балдуин не собирался в Эдессу иначе как на условиях, которые его полностью устраивали. Торос рассчитывал использовать его как наемника, расплатиться с ним деньгами и богатыми дарами, но теперь ему стало ясно, что Балдуину этого было мало. Эдесское посольство в Турбесселе имело полномочия предложить кое-что еще: Торос усыновит Балдуина и сделает его наследником и соправителем в

собственных владениях. Торосу, бездетному и уже немолодому, это казалось единственным решением. Добровольно он бы на это не пошел, но подданные не питали к нему любви, а соседи постоянно угрожали, и он не мог позволить себе выбирать. Однако другие армяне, не столь близорукие, глубоко встревожились. Вовсе не ради этого Баграт посвящал Балдуина во все тонкости армянских дел. Сам он первым и выказал недовольство. Пока франки еще находились в Турбесселе, Фер, несомненно желавший сменить Баграта в качестве доверенного советника Балдуина, донес ему, что Баграт заигрывает с тюрками. Скорее всего, его интриги касались только его брата Василя Гоха, с которым он советовался по поводу этой новой угрозы для свободы армян. Возможно, он надеялся сделаться князем Равенделя. Но Балдуин не собирался рисковать. Он спешно послал войска в Равендель, чтобы схватить Баграта. Того привели к Балдуину и пытками принуждали признаться во всем. Баграту не в чем было признаваться, и вскоре ему удалось бежать и укрыться в горах под защитой брата Василя Гоха, пока и тот не был вынужден вместе с ним искать убежища в глуши.

В начале февраля 1098 года Балдуин отправился из Турбесселя в Эдессу. С ним шло всего восемьдесят рыцарей. Самосатские тюрки устроили ему засаду, в том месте, где, по их расчетам, он должен был переправиться через Евфрат — вероятно, у Биреджика, но он избежал встречи с ними, украдкой перейдя реку вброд чуть севернее. Он прибыл к Эдессе 6 февраля и был встречен Торосом и всеми жителями-христианами с большим воодушевлением. Почти сразу же Торос официально усыновил его. Церемония, которая следовала принятому тогда у армян ритуалу, больше подходила для усыновления ребенка, нежели взрослого мужчины: Балдуина раздели до пояса, Торос надел рубаху вдвое шире обычной, потом ее через голову натянули на Балдуина, и новоиспеченные отец и сын коснулись друг друга обнаженной грудью. После чего Балдуин повторил то же самое с княгиней, супругой Тороса.

Став официальным наследником и соправителем Эдессы, Балдуин понял, что его первейшая задача состоит в том, чтобы уничтожить тюркский эмират Самосату, который мог легко отрезать его от сообщения с западом. Эдессяне с радостью поддержали его план, ибо эмир Балдук был их ближайшим и самым заклятым врагом, который постоянно грабил их стада и поля, а иногда требовал дань и с самого города. В поход на Самосату вместе с Балдуином и его рыцарями отправилось эдесское ополчение, а также армянский князь Костандин Гаргарский, вассал Тороса. Поход, состоявшийся между 14 и 20 февраля, не увенчался успехом. Эдессяне оказались плохими солдатами. Тюрки взяли их врасплох и перебили тысячу человек, после чего армия отступила. Но Балдуин захватил и укрепил селение Святого Иоанна, недалеко от столицы эмира, и поставил там немало рыцарей, чтобы следить за передвижениями тюрков. Вследствие этого тюрки стали реже совершать набеги на армян, за что местные жители охотно возблагодарили Балдуина.

Вскоре после возвращения Балдуина в Эдессу в городе стал назревать заговор против Тороса при поддержке Костандина Гаргарского. В какой степени в нем был замешан Балдуин, мы никогда не узнаем. Его друзья отрицали его участие, но, по свидетельству армянского автора Матфея, заговорщики сообщили ему о своем намерении свергнуть Тороса и посадить на трон его. Жители Эдессы не любили Тороса и не испытывали к нему никакой благодарности за его старания сохранить независимость их города. Они ненавидели его за то, что он принадлежал к православной церкви и был титулярным чиновником империи. Он не умел защитить их урожай и имущество от захватчиков и обложил их тяжелыми податями. Но пока не появился Балдуин, они не могли отделаться от него. Теперь же у них нашелся защитник получше. Таким образом, потребовался только один толчок со стороны франков, чтобы спровоцировать заговор, однако трудно поверить, что заговорщики отважились бы зайти так далеко без одобрения латинян. В воскресенье 7 марта заговорщики нанесли удар. Они взбаламутили горожан, которые напали на дома, где жили

чиновники Тороса, а потом направились во дворец князя в цитадели. Солдаты бросили Тороса на произвол судьбы, а его приемный сын не пришел к нему на помощь, а просто посоветовал сдаться. Торос согласился и лишь попросил, чтобы ему с женой разрешили уехать к ее отцу в Мелитену. Хотя Балдуин, скорее всего, гарантировал ему жизнь, Торосу все же не дали уйти. Оказавшись узником в собственном дворце, во вторник он попытался бежать через окно, но толпа схватила его и разорвала в клочья. Судьба княгини, приемной матери Балдуина, неизвестна. В среду 10 марта народ Эдессы предложил Балдуину сделаться их правителем.

Желание Балдуина раздобыть себе княжество на Востоке исполнилось. Эдесса, конечно, находилась не в Святой земле, но франкское владение в середине Евфрата стало бы ценным элементом обороны для любого государства, которое могло бы возникнуть в Палестине. Балдуин мог оправдывать себя с точки зрения общей политики крестоносцев. Но он не мог законным образом оправдаться перед всем христианским миром. Принесенная им в Константинополе присяга охватывала Эдессу, город, принадлежавший императору до нашествия тюрок. Более того, Балдуин заполучил ее, свергнув и подстроив убийство правителя, который, по крайней мере официально, находился на службе у империи. Но Балдуин еще в Киликии показал, что клятва для него ничего не значит, притом что в Эдессе и сам Торос был готов поделиться своими правами, даже не вспомнив о своем далеком государе. Однако все произошедшее не прошло мимо внимания Алексея, который покамест оставил вопрос о своих правах до тех пор, пока не сможет добиться их соблюдения.

Позднее армянские историки, писавшие свои труды, когда уже стало ясно, что владычество франков обернулось одной лишь гибелью для армян на Евфрате, сурово осудили Балдуина. Однако они были несправедливы. Конечно, тому, как Балдуин обошелся с Торосом, нет никакого морального оправдания, и о том прекрасно свидетельствует смущение латинских

хронистов по этому вопросу. Торос проделал то же самое с тюрком Альфилагом, которого он позвал на помощь, чтобы спастись от данишмендидов, за три или четыре года до того, после чего велел его убить; но тогда он поступил так ради спасения города и его жителей от тирании неверных, да и Альфилага он не усыновлял. Это правда, что в армянских обычаях усыновление было не таким серьезным делом, как по западным законам, но это ничуть не снимает с Балдуина моральной вины. Но не армянам пристало его обвинять, ибо фактически Тороса убили сами армяне, и Балдуина призвали занять его место практически с единодушного одобрения народа. Армянские князья, которых будут свергать крестоносцы и которые не высоко ценили их помощь, в старину служили империи. Соотечественники не любили их за верность императору, а еще больше за переход в православную веру. Только эти бывшие византийские чиновники, такие как Торос и Гавриил, имели достаточно управленческого опыта, чтобы обеспечить существование независимых армянских государств на Евфрате. Но их неблагодарные подданные с ненавистью к Византии, с готовностью простить латинянину даже еретические заблуждения, за которые в их глазах греки были достойны вечных мук, должны винить только самих себя, если их друзья-франки втянули их в непоправимые бедствия.

Пока что все казалось безоблачным. Балдуин взял титул графа Эдесского и ясно дал понять, что намерен править единолично. Но его франкские войска были немногочисленны, и ему приходилось полагаться на армян у него на службе. Он подыскал себе нескольких человек, кому мог доверять, а когда в цитадели обнаружилась богатая сокровищница, это сняло некоторые трудности. Большая часть богатств была заложена туда еще во времена византийцев, а Торос своими поборами значительно их увеличил. Новообретенное состояние позволило Балдуину не только купить себе сторонников, но и мастерски проверить один дипломатический ход. Самосатский эмир Балдук был напуган известием о возвышении Балдуина. Узнав, что франки готовят новое нападение на его столицу, он тут же послал в Эдессу с

предложением продать свой эмират за десять тысяч безантов. Балдуин согласился и триумфально вошел в Самосату. В цитадели он нашел много заложников, которых Балдук взял в Эдессе. Балдуин тут же вернул их семьям. Этот поступок наряду с устранением тюркской угрозы из Самосаты невероятно увеличил его популярность. Балдука пригласили поселиться в Эдессе вместе с его личной гвардией в качестве наемников графа.

По мере того как разлетались вести об успехах Балдуина, некоторые западные рыцари, направлявшиеся в Антиохию для подкрепления армии крестоносцев, свернули в сторону, чтобы разделить с ним его удачу, да кое-кто из остальных на время оставил утомительную осаду Антиохии, чтобы примкнуть к нему. Среди них был Дрого Нельский и Рено Тульский и вассал Раймунда Гастон Беарнский. Балдуин оделил их щедрыми дарами из своей сокровищницы и уговаривал жениться на армянских наследницах, чтобы пристроить их в городе. Пример им показал сам граф, теперь уже вдовый и бездетный. Его новой супругой стала дочь главы клана, которого латинские хронисты именуют Тафнуз или Тафрок^[64]. Он был богатым правителем, который владел территорией неподалеку и, видимо, состоял в родстве с Костантином Гаргарским; также у него были связи с Константинополем, куда он в конце концов и уехал. Возможно, что это тот самый Татул, правитель Мараша, чья преданность, безусловно, была бы очень ценна для Балдуина. Он дал за своей дочерью приданое в шестьдесят тысяч безантов и расплывчатое обещание о том, что она унаследует его земли. Но брак не принес ей счастья, и детей в нем не родилось.

Таким образом Балдуин заложил принципы той политики, которую он позднее установит для всего Иерусалимского королевства. Франкский государь со своими франкскими вассалами осуществляет полный контроль над управлением, но жителям Востока, христианам и мусульманам, предлагалось играть свою роль в государстве, в котором в конце концов произойдет слияние народов и они смешаются в единое целое. Это

была политика дальновидного государственного мужа, но рыцарям, только что прибывшим с Запада, поклявшимся посвятить себя кресту и истребить неверных, она казалась едва ли не предательством крестоносных обетов. Не для того обращался Урбан со своим призывом к верным христианам в Клермоне, чтобы Балдуин и ему подобные могли царствовать в полувосточных монархиях.

Да и следовать этой политике поначалу было не так-то просто. Мусульмане считали Балдуина авантюристом, который быстро исчезнет и которого можно использовать в своих целях. Между Эдессой и Евфратом, к юго-западу от города, лежал мусульманский город Сарудж. Он платил дань правителю из династии Ортокидов, Балаку ибн Бахраму, но недавно поднял мятеж. Тогда Балак написал Балдуину, предложив ему как наемнику покорить город, и Балдуин, придя в восторг от открывшейся ему возможности, согласился выполнить его просьбу. Тогда горожане Саруджа тайно послали к Балдуку с просьбой прийти и спасти их. Балдук и его войска выскользнули из Эдессы и были впущены в Сарудж. Но Балдуин шел за ним по пятам и вез с собой несколько осадных орудий. Балдук и жители Саруджа пали духом. Они тут же предложили Балдуину свой город и дань, а Балдук вышел ему навстречу и заявил, что он прибыл сюда только затем, чтобы занять город для Балдуина. Граф не позволил себя обмануть. Он принял извинения Балдука и с виду вернул ему свое расположение, но несколько дней спустя потребовал, чтобы он передал ему жену и детей в заложники. Когда Балдук отказался, Балдуин велел его арестовать и обезглавить. Между тем он поставил в Сарудже франкский гарнизон под началом Фулька Шартрского, которого не надо путать с историком Фульхерием Шартрским. Этот эпизод научил Балдуина не доверять мусульманам. С тех пор он заботился о том, чтобы у живущих в его владениях мусульман не было своего вождя, однако он разрешал им беспрепятственно исповедовать свою религию. Если он хотел владеть таким городом, как Сарудж, где население практически целиком состояло из арабов и мусульман, он не мог поступить

иначе. Но его веротерпимость шокировала общественное мнение на Западе.

Захват Саруджа, за которым несколько месяцев спустя последовало взятие Биреджика с его переправой через Евфрат, очистил дороги между Эдессой и крепостями Турбессель и Равендель, сплотил графство Балдуина и гарантировал ему сообщение с основными силами крестоносцев. В то же время это научило мусульман тому, что с графом Эдесским нужно считаться, и они бросили все силы на его уничтожение. Об их решимости, как и о важности франкской Эдессы для Крестовых походов, ясно свидетельствует тот факт, что в мае Кербога по пути на освобождение Антиохии не пожалел времени на то, чтобы разделаться с Балдуином. Три недели он тщетно барабанил в стены Эдессы и ушел ни с чем. Его провал поднял престиж Балдуина, а потерянное Кербогой время спасло Крестовый поход.

Армяне тоже отнеслись к Балдуину недостаточно серьезно. Их возмущал хлынувший к ним приток франкских рыцарей и милости, которыми осыпал их Балдуин. Да и франкские рыцари не питали любви к армянам, относились к ним с презрением и часто применяли силу. Знатные люди Эдессы обнаружили, что уже не состоят в графском совете, где остались одни франки, а налоги при новом правителе были ничуть не меньше, чем при Торосе. К тому же новоприбывшие получали поместья, принадлежавшие армянам, а земледельцы оказались привязаны к ним более жесткой европейской феодальной системой. В конце 1098 года один армянин раскрыл перед Балдуином заговор с целью его убийства. По рассказам, двенадцать самых видных горожан вступили в сношения с тюркскими эмирами в районе Диярбакыра. Тесть Балдуина Тафнуз в то время находился в Эдессе, где незадолго до того состоялась свадьба его дочери с графом. Говорили, что заговорщики хотели посадить его вместо Балдуина или по крайней мере заставить Балдуина сделать его соправителем. Услышав об этом, Балдуин сразу же нанес удар. Двух главарей заговора арестовали и ослепили, их главным сообщникам отрубили

носы или ноги. Множество армян, подозревавшихся в соучастии, бросили в темницу, а их имущество конфисковали. Но, как это в обычае у мудрых жителей Востока, они хорошенько припрятали свои деньги, чтобы те не попались на глаза подручным Балдуина, поэтому граф милостиво разрешил им выкупить свободу по цене от двадцати до шестидесяти тысяч безантов за голову. Тафнуз, чье участие в заговоре доказать было невозможно, тем не менее посчитал разумным побыстрее убраться к себе в горы подальше от страшного зятя. Он взял с собой большую часть приданого графини, из которого он передал ее супругу всего лишь семьсот безантов.

Свирепость, с которой Балдуин обрушился на заговорщиков, окончательно гарантировала ему покорность армянских подданных. Он и дальше назначал некоторых армян на высокие посты, например Абу-ль-Гариба, которого сделал наместником в Биреджике. Но чем больше франков к нему приезжало, привлеченных его славой, тем больше он мог позволить себе пренебрегать местными жителями. К этому времени, меньше чем через год после прихода в Эдессу, он приобрел огромную известность. Пока главная армия крестоносцев все еще брела по пути в Иерусалим, он уже успел основать богатое и могущественное государство в глубине Азии, и его боялись и уважали по всему восточному миру. Он отправлялся в Крестовый поход младшим сыном, не имея ни влияния, ни денег, завися от милости братьев. Он находился в тени таких великих сеньоров, как Раймунд Тулузский или Гуго Вермандуа, и опытных вояк, таких как Боэмунд. Но теперь он стал более великим властелином, чем они. В нем Крестовый поход мог бы распознать самого способного и самого прозорливого из своих государственных мужей.

Глава 3. Под стенами Антиохии

Только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, можешь портить и рубить, и строить укрепление против города, который ведет с тобою войну, доколе не покоршишь его.

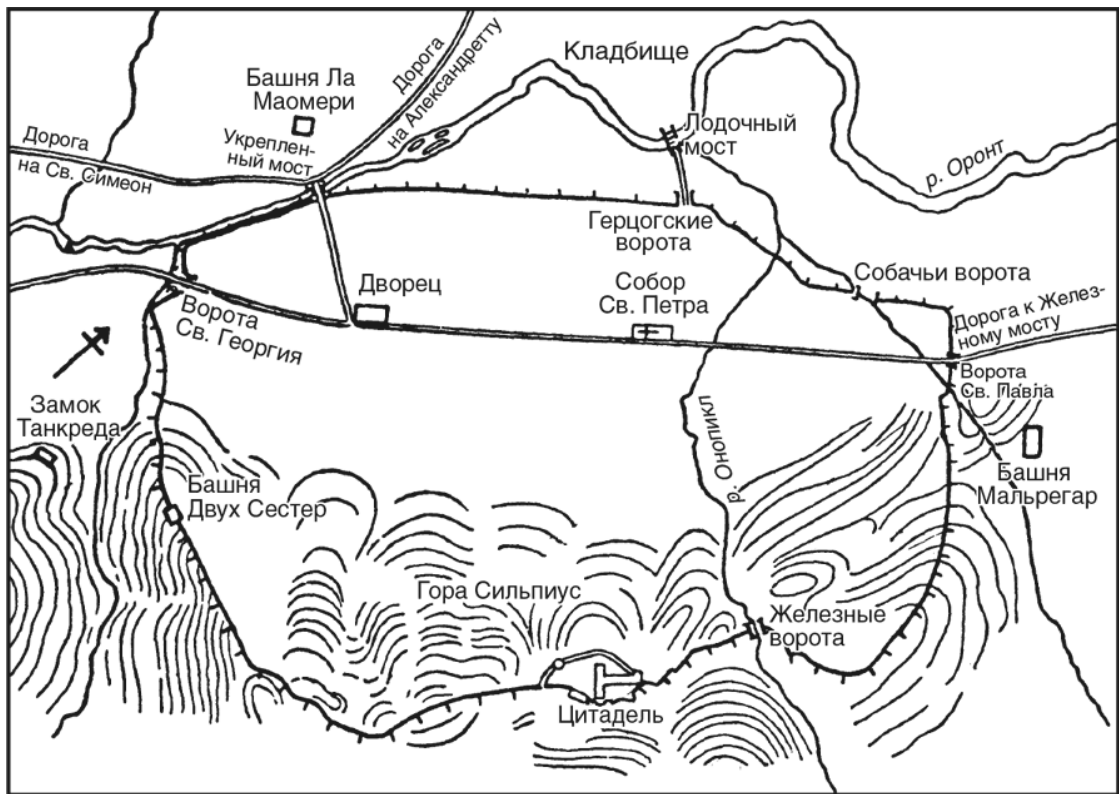
Второзаконие, 20: 20

Город Антиохия лежит на реке Оронт примерно в 12 милях от моря. Она была основана в 300 году до н. э. Селевком I Сирийским и названа в честь его отца. Вскоре она стала главным городом Азии, а при Римской империи это был третий город мира. Для христиан Антиохия была особенно священной, ибо там они впервые получили свое имя и там святой Петр основал свой первый епископат. В VI веке н. э. из-за землетрясений и разорений, устроенных персами, ее величие померкло, а после арабского завоевания она и вовсе пришла в упадок к выгоде своего соперника — Халеба, расположенного в глубине страны. Ее возвращение под власть Византии в X веке вернуло Антиохии часть былого величия. Она стала главным местом встречи для греческих и мусульманских купцов и самой грозной крепостью на сирийской границе. Сулейман ибн Кутулмыш захватил ее в 1085 году. После его смерти она перешла к султану Малик-шаху, который поставил в ней правителя-туркмена Яги-Сиана. Яги-Сиан правил городом уже десять лет. После смерти Малик-шаха его номинальным владыкой был эмир Халеба Ридван, но Яги-Сиан был неисполнительным вассалом и оставался практически независимым за счет того, что науськивал на Ридвана его соперников Дукака Дамасского и Кербогу Мосулского. В 1096 году Яги-Сиан даже предал Ридвана во время войны с Дукаком, которого теперь называл своим гос подином, но помощь Яги-Сиана не помогла Дукаку взять Халеб, а эмир его так никогда и не простил.

Новости о продвижении христиан встревожили Яги-Сиана. Антиохия была известной целью крестоносцев, и более того, у них не было никакой надежды дойти до Палестины, если они не возьмут великую крепость. Подданных Яги-Сиана в основном составляли христиане — греки, армяне и сирийцы. Сирийские

христиане, одинаково ненавидя и греков, и армян, возможно, остались бы ему верны, но остальным он доверять не мог. До той поры он, по-видимому, проявлял терпимость по отношению к христианам. Православный патриарх Иоанн Оксит получил от него разрешение жить в городе и не превратил великие антиохийские церкви в мечети. Но с приближением крестоносцев он начал действовать. Патриарха, главу крупнейшей общины в Антиохии, бросили в тюрьму. Многих видных христиан выгнали из города, другие бежали сами. Собор Святого Петра осквернили и обратили в конюшню для лошадей эмира. Отдельные притеснения начались и в окрестных деревнях, в результате чего, как только подошли крестоносцы, местные крестьяне тут же устроили резню тюркских гарнизонов.

Затем Яги-Сиан стал искать союзников. Ридван, эмир Халеба, не стал бы ему помогать в недальновидном желании расквитаться за измену предыдущего года. Но Дукак из Дамаска, с просьбой к которому отправился лично сын Яги-Сиана Шамс ад-Даула, приготовился выступить к нему на выручку, а также свою помощь предложили его атабек, туркмен Тугтегин и эмир Хомса Джанах ад-Даула. Еще одного посланца отправили ко двору Кербоги, атабека Мосула. Кербога в то время был самым могущественным правителем в Верхней Месопотамии и Джебзире. Ему хватило ума распознать, какую угрозу несет Крестовый поход всему мусульманскому миру, и к тому же он давно уже положил глаз на Халеб. Если он приберет к рукам Антиохию, Ридван окажется в кольце и будет вынужден покориться. Он тоже подготовил армию для спасения города, а после него поддержку пообещали султаны Багдада и Персии. Между тем и сам Яги-Сиан собрал немалые силы в крепости и начал запасать продовольствие на случай долгой блокады.

План Антиохии в 1098 году

Крестоносцы вступили во владения Яги-Сиана у городка Марата, и его турецкий гарнизон бежал при их появлении. Из Мараты отряд под началом Роберта Фландрского отправился на юго-запад, чтобы освободить город Арта, где жители-христиане перебили тамошний гарнизон. Тем временем 20 октября основная армия достигла Оронта у Железного моста, где соединялись дороги из Мараша и Халеба и пересекали реку. Мост был основательно укреплен, по краям от входа возвышались две башни. Но крестоносцы атаковали его без промедления под руководством епископа Пюиского и в ходе ожесточенной схватки пробили себе путь на другой берег. Победа позволила им захватить огромный обоз с крупным и мелким скотом и запасами хлеба, который направлялся для снабжения армии Яги-Сиана. Теперь перед ними лежала открытая дорога на Антиохию, и вдали виднелась ее цитадель. На следующий день Боэмунд во главе авангарда прибыл под стены города, а вся армия следовала за ним по пятам.

При виде великого города крестоносцев охватило благоговение. Дома и базары Антиохии покрывали равнину почти в 3 мили длиной и миллю шириной (почти 5 км на 1,6 км) между Оронтом и горой Сильпиус, а склоны холмов усеивали

виллы и дворцы богачей. Вокруг нее возвышались мощные укрепления, возведенные Юстинианом и отстроенные византийцами всего век назад с применением новейших технологий их строительного мастерства. К северу стены поднимались из заболоченной низменности вдоль реки, но с востока и запада они круто взбирались по склонам горы, а с юга пролегали вдоль вершины горной гряды, дерзко вздымаясь над пропастью, по которой река под названием Онопникл несла свои бурные воды в долину, врываясь в узкое ущелье, называвшееся Железными Воротами, а замыкались стены грандиозной цитаделью на высоте в тысячу футов (около 300 м) над городом. Над стенами высились четыреста башен, расположенных на таком расстоянии друг от друга, чтобы полностью простреливать подступы к городу. С северо-восточного угла в ворота Святого Павла входила дорога, ведущая от Железного моста и Халеба. У северо-западного угла ворота Святого Георгия впускали в город дорогу от Латакии и ливанского побережья. Дороги в Александретту и гавань Святого Симеона, современный Суадие, вели из города через огромные ворота на речном берегу и шли по укрепленному мосту. Малые Герцогские и Собачьи ворота вели к реке с восточной стороны. В городе было достаточно источников воды, огороды для выращивания плодов на продажу и выпасы для скота. В нем можно было прокормить целую армию на время долгой осады. Кроме того, противник не мог и полностью окружить город, ибо на диких крутых скалах с южной стороны войска было поставить невозможно^[65].

Только благодаря измене тюркам удалось взять Антиохию в 1085 году; измена и оставалась единственной опасностью, угрожавшей Яги-Сиану. Однако ему было неспокойно. Если крестоносцы и не смогут взять город в кольцо, то и у него не хватало солдат для того, чтобы поставить отряды на все стены. До подхода подкреплений он не мог рисковать потерей ни одного из своих людей. Он даже не пытался атаковать крестоносцев и не трогал их в течение двух недель, пока те занимали свои позиции.

По прибытии крестоносцы установились у северо-восточного угла. Боэмунд занял сектор напротив ворот Святого Павла, Раймунд — напротив Собачьих ворот, Готфрид разместился справа от него, напротив Герцогских ворот. Остальные войска стояли в ожидании за Боэмундом, готовые двинуться туда, где понадобится их помощь. Мостовые ворота и

ворота Святого Георгия пока что остались не охвачены. Осаждающие сразу же приступили к сооружению лодочного моста через реку от лагеря Готфрида до деревни Таленки, где находилось мусульманское кладбище. Этот мост позволил армии добраться до дороги в Александретту и Святой Симеон, и вскоре на севере от реки возник лагерь крестоносцев.

Яги-Сиан ждал, что они немедленно нападут на город. Однако среди руководителей крестоносцев только Раймунд советовал попытаться штурмовать стены. До сих пор Господь защищал их, сказал он, и, конечно же, дарует им победу. Остальные не разделяли его уверенности. Укрепления страшили их, войска устали, и на тот момент они не могли позволить себе понести тяжелые потери. Более того, если подождать, к ним подойдут подкрепления. Из Александретты ожидался Танкред. Может быть, вскоре подойдет и император с его превосходными осадными орудиями. Гинимер может отрядить для них часть своих моряков, а еще ходили слухи о том, что кто-то видел у побережья флотилию генуэзцев. Боэмунд, чье мнение обладало самым большим весом, имел личные причины возражать против предложения Раймунда. Теперь он задумал завладеть самой Антиохией. Он не только предпочел бы, чтобы ее не разграбляла ненасытная солдатня, которой не терпится поживиться в богатом городе, но и, если говорить серьезнее, опасался, что если ее захватят объединенные усилия крестоносцев, он уже никогда не сможет стать ее единоличным правителем. Он хорошо выучил урок, преподанный Алексеем в Никее. Если он сможет добиться того, чтобы город сдался лично ему, то оспорить его права будет гораздо труднее. И вскоре он сможет это организовать, ведь он уже немного разобрался в восточном коварстве. Под его влиянием совет Раймунда отвергли, так что Раймунд возненавидел его пуще прежнего, и единственный шанс быстро захватить Антиохию был упущен. Ибо если бы первая атака увенчалась хоть каким-то успехом, Яги-Сиан, который места себе не находил от тревоги, не смог бы оказать успешного сопротивления. Промедление же вернуло ему уверенность.

Боэмунду и его друзьям оказалось нетрудно найти посредников, через которых они смогли бы связаться с врагом. Христиане, бежавшие и высланные из города, поддерживали тесную связь со своими близкими в его стенах благодаря прорехам в блокаде и обороне. Крестоносцы были в курсе всего происходящего в Антиохии. Но эта схема работала в обе

стороны, поскольку многие местные христиане, особенно сирийцы, сомневались в том, что владычество византийцев или франков окажется слаще тюркского. Они были готовы снискать расположение Яги-Сиана, сообщая ему обо всем, что творилось в лагере у крестоносцев. От них он и узнал, что крестоносцы не торопятся со штурмом. Тогда он стал устраивать вылазки. Его люди украдкой проскальзывали из западных ворот и убивали небольшие отряды франков, которые отделялись от армии в поисках фуража. Яги-Сиан связался со своим гарнизоном в Харенке — за Железным мостом на дороге в Халеб — и велел ему донимать франков с тыла. А между тем до него дошли вести, что миссия его сына в Дамаск увенчалась успехом и что к нему на выручку уже идет целая армия.

Когда осень превратилась в зиму, крестоносцы, чрезмерно воодушевленные первым бездействием Яги-Сиана, начали падать духом, несмотря на мелкие успехи. В середине ноября отряд во главе с Боэмундом сумел выманить гарнизон Харенка из крепости и полностью его уничтожить. Примерно тогда же генуэзская эскадра в тринадцать судов появилась в гавани Святого Симеона, который крестоносцы затем смогли оккупировать. Генуэзцы доставили подкрепления и оружие, запоздало ответив на призыв папы Урбана к Генуе, сделанный еще за два года до того. Прибытие эскадры придало бодрости крестоносцам, так как теперь они могли поддерживать связь со своей родиной по морю. Но эти успехи были ничтожны по сравнению с проблемой обеспечения армии продовольствием. Когда европейцы впервые вступили на антиохийскую равнину, они нашли там полное изобилие. По ней бродили тучные стада коров и овец, а в деревенских амбарах еще лежала большая часть собранного урожая. Латиняне ни в чем себя не ограничивали и не озаботились тем, чтобы сделать запасы на зимние месяцы. Теперь же войскам приходилось все дальше и дальше отправляться на поиски пропитания, и все чаще с ними расправлялись турки, спускавшиеся с гор. Вскоре обнаружилось, что отряды противника из Антиохии пробирались по ущелью Онопника и поджидали на холме над лагерем Боэмунда, пока не появятся задержавшиеся солдаты, которые поздно возвращались в лагерь. Чтобы решить эту проблему, командиры решили построить на холме укрепленную башню, в которой обещали по очереди размещать своих солдат. Вскоре башню построили и назвали Мальрегар.

Около Рождества 1097 года запасы еды в армии практически закончились, а в округе уже взять было нечего. Сеньоры собрались на совет, на котором постановили, что часть армии под началом Боэмунда и Роберта Фландрского следует послать по долине Оронта в Хаму, чтобы разграбить тамошние деревни и унести всю провизию, которую только смогут найти. Руководство осадой тем временем возлагалось на Раймунда и епископа Пюисского. Готфрид же в то время был серьезно болен. Боэмунд и Роберт выступили в путь 28 декабря, взяв с собой около двадцати тысяч человек. Об их отъезде стало тут же известно Яги-Сиану. Он подождал, пока они отойдут на достаточное расстояние, и в ночь на 29 декабря совершил вылазку: мощный отряд его людей прошел по мосту и напал на крестоносцев, стоявших лагерем севернее реки. Вероятно, это были войска Раймунда, расположившиеся там после того, как зимние дожди выгнали их из низины между рекой и городскими стенами. Атака была внезапной, но Раймунда спасла его бдительность. Он спешно собрал отряд рыцарей и из темноты обрушился на тюрок, которые развернулись и бежали назад по мосту. Раймунд преследовал их так яростно, что на какое-то время его люди овладели плацдармом за мостом, прежде чем ворота успели захлопнуться. Казалось, Раймунд вот-вот докажет, что был прав в своей уверенности в том, что город можно взять штурмом, как вдруг одна лошадь сбросила своего наездника и метнулась назад, произведя неразбериху в рядах столпившихся на мосту рыцарей. Стояла слишком густая тьма, чтобы разобраться, что происходит, и крестоносцы запаниковали. Тогда они бросились в бегство, а тюрки преследовали их, пока франки не перевели дух у себя в лагере у лодочного моста, а тюрки вернулись в город. Обе стороны понесли большие потери, но особенно франкские рыцари, без которых едва ли мог обойтись Крестовый поход. Среди погибших был и знаменосец Адемара.

Между тем Боэмунд и Роберт Фландрский ехали на юг, не подозревая о том, что его соперник Раймунд едва не взял Антиохию, как и о том, что навстречу ему движутся крупные мусульманские силы, идущие на выручку Антиохии. Примерно в середине месяца Дукак Дамасский выступил из своей столицы во главе немалой армии вместе с атабеком Тугтегином и сыном Яги-Сиана. В Хаме к ним присоединился эмир со своими войсками. 3 декабря они подошли к Шайзару, где узнали, что армия крестоносцев уже недалеко. Они сразу же продолжили путь и на следующее утро наткнулись на врага у деревни

Альбара. Они застали крестоносцев врасплох, и Роберт, чья армия несколько опережала армию Боэмунда, едва не оказалась в окружении. Но Боэмунд, увидев, что происходит, оставил основную часть войск в резерве, и те ударили по мусульманам в тот момент, когда они уже думали, что победили. Его вмешательство спасло Роберта и нанесло такие тяжелые потери дамасской армии, что она отступила в Хаму. Но хотя крестоносцы и одержали победу и, более того, предотвратили снятие с Антиохии осады, сами были слишком серьезно ослаблены, чтобы ехать дальше на поиски еды. Они разграбили пару деревень, сожгли мечеть и вернулись к Антиохии почти с пустыми руками.

Своих товарищей они нашли в глубоком унынии. На следующий день после неудачной битвы в ночь на 29 декабря произошло сильное землетрясение, которое ощутили даже в Эдессе, и в тот вечер сполохи северного сияния осветили небо. В последовавшие недели не прекращались проливные дожди и становилось все холоднее. Этьен Блуаский не понимал, почему все так жаловались на ужасную жару в Сирии. Стало ясно, что Господь недоволен своими воинами за их гордость, любовь к роскоши и разбой. Адемар Пюиский приказал поститься три дня; но когда голод уже стоял на пороге, пост мало что мог изменить, а теперь и провал операции по поиску продовольствия обрекал многих на голодную смерть. Вскоре уже от голода умирал один из семерых человек. посланцев в поисках еды рассылали до самого Тавра, где князя Рубениды согласились предоставить крестоносцам что смогут. Некоторые припасы поступали от армянских монахов, обосновавшихся в горах Аманос; а местные армянские и сирийские христиане собрали все съестное, что смогли найти, и принесли в лагерь. Но ими двигало не столько человеколюбие, сколько корысть. Они брали по восемь безантов за поклажу одного осла, а еду по такой цене могли позволить себе только самые богатые воины. Кони страдали больше людей, так что во всей армии в конце концов осталось всего лишь семьсот лошадей.

Более великодушный союзник нашелся на острове Кипр. Епископ Пюиский, который, несомненно, действовал по указанию папы Урбана, упорно старался наладить добрые отношения с сановниками православной церкви на Востоке, к которым относился со всем уважением, и это опровергает ту теорию, будто папа видел в Крестовом походе способ поставить их под свой контроль. Патриарху Антиохийскому, брошенному

в узилище, это доброе отношение пока ничем не могло помочь; время от времени турки сажали его в клетку и вывешивали за стеной. Но патриарх Иерусалимский Симеон, покинувший свои владения, когда после смерти Ортока оставаться там стало для него слишком рискованно, ныне находился на Кипре. Когда крестоносцы восстановили сообщение, Адемар связался с ним. Симеон не питал симпатий к латинскому обряду, против которого опубликовал трактат с твердым, хотя и сдержанным, осуждением, но был готов сотрудничать с западной церковью ради блага всех христиан. Уже в октябре он вместе с Адемаром составил послание с отчетом о Крестовом походе для всех христиан Запада. Теперь же, услышав о бедствиях Христовой рати, он регулярно стал отправлять ей всю еду и вино, которые мог уделить остров^[66].

Посылки с продовольствием от патриарха, даже многочисленные, не могли сильно облегчить общих мучений армии. Из-за голода люди стали дезертировать из лагеря и искать пристанища в более богатых районах или пускались в долгую дорогу домой. Сначала дезертирами были никому не известные рядовые солдаты, но одним январским утром обнаружилось, что сам Петр Пустынник бежал в сопровождении Гийома Плотника. Гийом был авантюристом, который не желал терять времени в безнадежном походе; он уже дезертировал из экспедиции в Испанию, но почему у Петра не выдержали нервы, понять трудно. Беглецов преследовал Танкред и с позором привез назад. Петра, чью репутацию было желательно сохранить, молча простили; а вот Гийома заставили всю ночь простоять в палатке Боэмунда, а утром тот обрушился на него с суровой и грозной отповедью. Гийом поклялся, что больше ни за что не бросит соратников, пока они не дойдут до Иерусалима, но потом все же нарушил клятву. Разумеется, репутация Петра пострадала, но вскоре он получил шанс ее восстановить.

Пока армия с каждым днем редела из-за голода и дезертирства, Адемар посчитал необходимым обратиться к Западу с горячим призывом о помощи. Чтобы придать обращению максимальную убедительность, он составил его от имени патриарха Иерусалимского, предположительно с его согласия. То, как сформулирован призыв, проливает свет на политику Адемара по отношению к восточной церкви. Патриарх обращается ко всем верным христианам Запада как глава епископов, пребывающих на Востоке, греческих и латинских.

Он именуется себя «апостольским», он грозит отлучить от церкви всякого христианина, нарушившего обеты крестоносца. Это слова независимого понтифика. Адемар никогда не вложил бы их в уста того, кого намеревался подчинить римскому епископу. Каковы бы ни были конечные цели Урбана в смысле управления восточными церквями, его легат не проповедовал идеи папского превосходства. Нам неизвестно, какой отклик патриаршее письмо вызвало на Западе.

В то время как крестоносцы выказывали должное уважение иерархам восточной православной церкви, их отношения с ее приверженцами ухудшались. В начале февраля представитель императора Татикий вдруг покинул армию. Он сопровождал Крестовый поход от самой Никеи с небольшим штатом в основном проводников и инженеров и, по-видимому, находился в добрых отношениях с вождями крестоносцев. В Комане и Коксоне они, как и следовало, передали ему отвоеванные владения, и он в своих донесениях щедро отдавал дань их воинской доблести. В то время его отъезд объясняли разными причинами, но по возвращении в Константинополь он рассказал обо всем сам, и у нас нет оснований ему не верить. По словам Татикия, однажды, когда уже было известно, что турки готовы еще раз попытаться освободить Антиохию, Боэмунд вызвал его к себе и под строгим секретом сказал, что другие руководители латинян решили, будто бы это император воодушевляет турок, и задумали отомстить за себя, убив Татикия. Татикий позволил ему убедить себя. В самом деле, в армии на тот момент царили такие настроения, что козел отпущения пришелся бы как раз кстати. Кроме того, Татикий считал, что крестоносцам, ослабленным и деморализованным голодом, нечего и надеяться взять великую крепость. Он советовал уморить ее голодом и принудить к сдаче, заняв все крепости, господствовавшие над дальними подходами к Антиохии, но его совет проигнорировали. Поэтому он заявил, что должен вернуться на подвластные императору земли, чтобы организовать более эффективную доставку снабжения, сел на корабль в гавани Святого Симеона и отплыл на Кипр. Дабы показать, что намерен возвратиться, он оставил в армии большую часть своих подчиненных. Но сразу же после его отъезда приверженцы Боэмунда стали убеждать крестоносцев, что Татикий бежал из трусости перед надвигающимся наступлением турок, если вообще не из-за открытой измены. Если уж уполномоченное лицо самого императора ведет себя столь позорно, то, разумеется, это освобождает их от всяких обязательств по

отношению к империи. Иными словами, Антиохию не надо возвращать Византии^[67].

Затем Боэмунд распустил слух, что он и сам обдумывает отъезд. Он не может долее игнорировать обязательства, призывающие его домой. До сих пор он играл ведущую роль во всех военных операциях Крестового похода, и, как он и рассчитывал, перспектива лишиться его содействия в такой критический момент привела всю армию в ужас. Поэтому он дал понять, что, если его сделают господином Антиохии, это компенсирует ему любые потери, которые он может понести из-за своего отсутствия в Италии. Эти уловки не обманули его соратников из глав похода, но рядовые участники активно его поддержали.

Между тем тюрки сосредотачивали силы для освобождения Антиохии. Когда Дукак не смог привести обещанную помощь, Яги-Сиан снова обратился к своему бывшему повелителю — эмиру Халеба Ридвану. Ридван успел пожалеть о собственном бездействии, которое позволило франкам войти в Антиохию. Когда Яги-Сиан снова признал его владыкой над собою, он приготовился прийти к нему на помощь и привести родича Сокмана Ортокида из Диярбакыра и тестя, эмира Хамы. В начале февраля союзники вернули себе Харенк, где собрались для нападения на лагерь христиан. Услышав об этом, главы крестоносцев устроили совет в палатке Адемара, где Боэмунд предложил оставить пехоту в лагере, чтобы отражать возможные вылазки из города, а рыцарям, которых осталось всего семь сотен боеспособных воинов, застать подступающую армию врасплох и нанести по ней удар. Его решили послушаться. 8 февраля с наступлением ночи франкская кавалерия пробралась по лодочному мосту и заняла позиции между рекой и Антиохийским озером, откуда могла напасть на тюрок во время их подхода к Железному мосту. На рассвете показалась армия мусульман, и первая линия крестоносцев сразу же бросилась вперед, прежде чем тюркские стрелки успели выстроиться в ряд. Атака не сломила массу тюрок, и рыцари отступили, заманивая врага на выбранную площадку, где озеро слева и река справа не давали тюркам массированно обойти их с флангов. На этой узкой площадке рыцари ударили вновь, на этот раз в полную силу. Под их натиском более легковооруженные тюрки дрогнули и бежали, распространяя сумятицу по плотно стоящим задним рядам. Вскоре уже вся армия Ридвана в полном беспорядке отступала к Халебу. Когда

она бежала через Харенк, тамошний гарнизон присоединился к беглецам и оставил город в руках местных христиан, которые передали его крестоносцам.

Пока кавалерия одерживала эту эффектную победу, пехота вела куда более тяжелый бой. Яги-Сиан совершил вылазку на лагерь со всеми своими силами, и защитники уже начали уступать, когда после полудня показались рыцари-триумфаторы. Когда они приблизились, Яги-Сиан понял, что армия, шедшая ему на подмогу, разбита. Он отозвал своих людей, и они вернулись за стены.

Разгром второй освободительной армии хотя и поднял боевой дух крестоносцев, но никак не улучшил их положения. Еды по-прежнему сильно не хватало, хотя уже начали прибывать припасы из гавани Святого Симеона, в основном с Кипра, где патриарх Симеон и, скорее всего, оклеветанный Татикий старались собрать все, что только могли. Но дорогу к морю постоянно преграждали вылазки из города и устраивали засады на конвои с малой охраной, в то время как сама Антиохия получала провизию через пока еще не перекрытые ворота Святого Георгия и укрепленный мост. Чтобы овладеть мостом и таким образом сделать пути к Святому Симеону безопасными, Раймунд предложил построить неподалеку башню на северном берегу реки. Но планы откладывались из-за недостатка материалов и каменщиков. 4 марта к Святому Симеону подошла флотилия англичан под командованием Эдгара Этелинга, изгнанного претендента на трон. Она привезла паломников из Италии, но заехала по пути в Константинополь, где к ней и присоединился Эдгар, признав главенство императора. Там корабли нагрузили материалами для осадных машин и механиками, чье прибытие оказалось весьма своевременным. Того факта, что их прислал император, крестоносцы постарались не заметить.

Услышав о том, что флотилия пристала к берегу, Раймунд и Боэмунд вместе, так как не доверяли друг другу, отправились набрать как можно больше бойцов из приплывших с нею и сопроводить механиков с грузом материалов до лагеря. 6 марта на обратном пути от Святого Симеона, нагруженные, они попали в засаду, устроенную тюрками из антиохийского гарнизона. Их застигли врасплох, и они в панике бежали, оставив корабли в руках врага. Несколько отставших прибежали в лагерь и пустили слух, что Раймунд с Боэмундом убиты. Услышав это, Готфрид приготовился выступить на спасение

разгромленной армии, когда тюрки сделали внезапную вылазку из города в лагерь, чтобы прикрыть товарищей, которые возвращались в город из засады, нагруженные добычей, и помочь им добраться до ворот. Люди Готфрида, уже успевшие вооружиться для долгой дороги к морю, смогли отражать атаку до тех пор, пока неожиданно не появились Раймунд и Боэмунд с остатками свои сил. Их прибытие, пусть даже ослабленных боем, дало Готфриду возможность отогнать тюрок в город. Затем крестоносцы соединились, чтобы перехватить налетчиков на обратном пути. Их тактика увенчалась полным успехом. Пока тюрки, обремененные тяжелой ношей, пытались добраться до моста, франки обошли их хитрым маневром и перебили, и драгоценные строительные материалы удалось вернуть. Говорили, что в битве погибло пятнадцать тысяч тюрок, многие из них утонули, пытаясь перебраться через реку вплавь. Среди погибших было девять эмиров. В тот вечер солдаты антиохийского гарнизона выскользнули за стены, чтобы хоронить погибших на мусульманском кладбище на северном берегу реки. Крестоносцы увидели их и оставили в покое, но на следующее утро вырыли трупы, чтобы снять с них золотые и серебряные украшения^[68].

Победа крестоносцев привела к тому, что они смогли сомкнуть кольцо блокады вокруг Антиохии. С помощью прибывших мастеров и материалов наконец удалось построить запланированную башню, чтобы овладеть подступами к укрепленному мосту. Ее возвели недалеко от мечети у мусульманского кладбища и назвали Ла Маомери, от старофранцузского слова, означающего «Мечеть». Но когда вожди стали спорить, под чьим началом должна находиться башня, претензии на нее предъявил Раймунд, кому и принадлежала задумка, и позднее ее стали звать замком Раймунда. Строительство закончили к 19 марта. Вскоре башня доказала свою ценность, так как никого не допускала к воротам на мосту. Но все еще оставались открыты ворота Святого Георгия. Чтобы взять под контроль и их, было решено построить замок на месте старого монастыря на холме, смотревшем в сторону ворот. Работы завершили в апреле, и замок поручили Танкреду, дав ему на расходы три сотни марок. С тех пор ни один конвой с продовольствием не мог подобраться к городу, да и его жители не могли, как было у них заведено до сих пор, пасти свои стада за стенами. Отдельные налетчики еще могли выбраться через стены на горе Сильпиус или узкие Железные Ворота, но организовать вылазку уже было

невозможно. Пока к гарнизону подступали муки голода, крестоносцы решили проблему продовольственного снабжения. Улучшившаяся с приближением весны погода, возможность поисков пищи и корма без риска подвергнуться внезапной атаке тюрок и готовность местных купцов, которые до той поры дорого продавали свои товары гарнизону, теперь вести дела с крестоносцами, облегчили положение с провиантом и подняли боевой дух франков. Вскоре после того, как был построен замок Танкреды, он захватил большой обоз с едой, посланный к Ягиссиану, который доставляли торговцы-христиане, сирийские и армянские. Все эти успехи внушили крестоносцам надежду, что теперь им удастся взять Антиохию измором. Но это нужно было сделать быстро, ибо страшный Кербога у себя в Мосуле уже собирался с силами.

Пока крестоносцы еще находились в Константинополе, император Алексей советовал им постараться хоть как-то договориться с правителями Египта Фатимидами. Фатимиды были непримиримыми врагами тюрок, терпимы к своим христианским подданным и всегда готовы к договору с христианскими державами. Скорее всего, крестоносцы не вняли его совету, однако в начале весны в лагерь под Антиохией прибыло египетское посольство, посланное аль-Афдалем, всемогущим визирем при мальчике-халифе аль-Мустали. Видимо, он предлагал поделить империю сельджуков: франки пусть возьмут себе Северную Сирию, а Египет — Палестину. Аль-Афдаль, конечно же, считал крестоносцев всего лишь наемниками императора и потому исходил из того, что такой раздел, учитывая состояние дел до тюркского нашествия, будет полностью приемлем. Западные сеньоры приняли послов радушно, хотя и не обещали им ничего конкретного. Египтяне пробыли в лагере несколько недель и вернулись домой в сопровождении небольшого посольства франков, нагруженные дарами, в основном из добычи, захваченной в сражении 6 марта. Переговоры научили крестоносцев, что можно извлечь неплохие преимущества благодаря интригам с мусульманскими державами. Когда они услышали о приготовлениях Кербоги, они на время позабыли о своих религиозных предубеждениях и послали к Дукаку Дамасскому, прося его хранить нейтралитет и убеждая, что не притязают на его владения. Дукак, который был злейшим врагом своего брата Ридвана Халебского и знал, что Ридван вновь занял нейтральную позицию, не уступил их просьбам^[69].

В начале мая стало известно, что Кербога тронулся в путь. Помимо его собственных войск, солдат предоставили султаны Багдада и Персии, а также Ортокиды из Северной Месопотамии. К ним собирался примкнуть Дукак. Яги-Сиан в Антиохии еще держался, хотя и находился в крайне тяжелой ситуации. Среди крестоносцев росло напряжение. Они знали, что если им не удастся взять город, они будут раздавлены между гарнизоном и громадным полчищем, явившимся ему на подмогу. Император Алексей в то время вел кампанию в Малой Азии. Ему отправили отчаянную просьбу поспешить к ним на помощь. Боэмунд, твердо решив захватить Антиохию для себя, имел особые причины для беспокойства. Если император подойдет к Антиохии до ее падения или если Кербогу удастся разгромить только с помощью императора, тогда они будут обязаны возвратить город Византии. Большинство вождей были готовы отдать город Боэмунду, но Раймунд Тулузский, вероятно при поддержке епископа Пюиского, упорно не соглашался. Мотивы Раймунда не раз становились предметом споров историков. Он единственный среди самых высокопоставленных крестоносцев не был связан недвусмысленной присягой императору, однако из Константинополя он уехал в прекрасных отношениях с Алексеем, и он ненавидел и подозревал Боэмунда как своего главного соперника за руководство Крестовым походом; и они вместе с легатом могли полагать, что если уж присяга считается недействительной, то права на владение Антиохией должна иметь только церковь, представленная Адемаром. После споров и интриг крестоносцы пришли к компромиссу. Если войска Боэмунда первыми войдут в город, а император так и не подойдет, он получит Антиохию в свое распоряжение. Но Раймунд все равно продолжал роптать, а у Боэмунда были все причины радоваться.

Передышку крестоносцам дал Кербога своими неверными расчетами. Атабек не хотел наступать на Антиохию, пока в Эдессе оставалась армия франков, которая могла угрожать ему с правого фланга. Он не понимал, что Балдуин слишком слаб для наступательных действий и одновременно слишком силен у себя в мощной крепости, чтобы его можно было легко оттуда выбить. Последние три недели мая Кербога потратил на Эдессу, тщетно атакуя ее стены, а потом уже решил, что труды и потерянное время того не стоят.

В течение этих драгоценных трех недель Боэмунд упорно трудился. В какой-то момент он связался с одним из командиров

тюрков в городе по имени Фируз. По-видимому, этот Фируз^[70] был армянином, который обратился в ислам и дослужился до высокого положения при Яги-Сиане. Внешне лояльный, он завидовал своему господину, который недавно наказал его за то, что тот скопил у себя груды зерна, и поддерживал связь со своими бывшими единоверцами. Через них он договорился с Боэмундом и согласился выдать ему город. Уговор держали в строгом секрете. Боэмунд в него никого не посвящал. Вместо этого он публично подчеркивал лежащие впереди опасности, чтобы набить цену своему грядущему триумфу.

Его пропаганда оказалась даже слишком успешной. В конце мая Кербога прекратил бессмысленную осаду Эдессы и продолжил наступать. По мере его приближения по лагерю крестоносцев начала распространяться паника. Дезертиры стали бежать в таких количествах, что без толку было их останавливать. В конце концов 2 июня крупный контингент северных французов отправился в Александретту во главе с Этьеном Блуаским. Лишь за два месяца до того Этьен оптимистично писал жене из лагеря о трудностях осады, но рассказал и о триумфальной победе в битве 6 марта и подчеркнул свою важную роль в армии. Но сейчас, когда город еще не взят, а Кербога уже на подходе, ему казалось полным безумием дожидаться верной смерти. Он никогда не был великим воителем, но по крайней мере он сумеет уцелеть и поборется в другой раз. Из всех вождей крестоносцев Этьен больше всего восхищался императором. Скорее всего, Боэмунд улыбался, глядя, как он уходит, но не мог и представить себе, каким полезным окажется это бегство для исполнения его планов^[71].

Задержись Этьен хоть на несколько часов, он передумал бы. В тот самый день Фируз прислал своего сына к Боэмунду сказать, что он готов совершить предательство. Позднее ходили слухи, что он колебался вплоть до вечера накануне, пока не узнал, что жена опозорила его с одним из тюрков из гарнизона. Он был комендантом башни Двух Сестер и прилегающей части стены города с внешней стороны, напротив замка Танкреда. Поэтому он уговаривал Боэмунда в тот же день собрать армию и повести ее на восток, будто бы он собирается на перехват Кербоги, а затем, после наступления темноты, войска тайком проберутся к западной стене, захватив с собой лестницы, чтобы взобраться на башню, где он будет присматривать за ними. Если

Боэмунд на это согласен, то вечером он пришлет сына в заложники в знак того, что все готово.

Боэмунд воспользовался его советом. Когда наступил день, он послал одного из своих пехотинцев по имени Маль Куронн оповестить лагерь о том, чтобы все были готовы на закате выступить в рейд на вражескую территорию. После этого он пригласил к себе главных крестоносцев, Адемара, Раймунда, Готфрида и Роберта Фландрского, и впервые рассказал им о заговоре. «Сегодня, — сказал он, — если будет на то воля Божья, Антиохия будет предана в наши руки». Какие завистливые думы одолевали в тот момент Раймунда, он о том не поведал. Вместе со своими соратниками граф горячо поддержал план.

На закате солнца крестоносная рать отправилась на восток, кавалерия ехала по долине перед городом, а пехота трусила по горным тропам позади нее. Антиохийские тюрки увидели, как они уходят, и успокоились, рассчитывая на спокойную ночь. Но посреди ночи по гарнизону передали приказ вернуться на западную и северо-западную стены. Перед самым рассветом войска Боэмунда подошли к башне Двух Сестер. К башне приставили лестницу, и один за другим шестьдесят рыцарей под предводительством Фулька Шартрского взобрались по ней и через высокое окно на стене попали в комнату, где их с тревогой дожидался Фируз. Когда они вошли, он решил, что их недостаточно много. «Здесь так мало франков, — вскричал он по-гречески, — где же Боэмунд?» У него не было причин для беспокойства. После Двух Сестер рыцари взяли еще две башни, за которые он отвечал, что дало их товарищам возможность поставить лестницы у стен между башнями, и один итальянский пехотинец отправился доложить Боэмунду, что пора взбираться в город. За ним сломалась лестница, но, пока одни солдаты бежали по стене, ошарашивая тюрок в башнях, другие спустились в город, всполошили жителей-христиан и с их помощью распахнули ворота Святого Георгия и великие Мостовые ворота, за которыми ждала основная часть армии. Тогда крестоносцы хлынули в ворота, практически не встречая сопротивления. Греки и армяне присоединились к ним в бою с тюрок, какие только попадались им на глаза, и женщин, и мужчин, включая и родного брата Фируза. Многие христиане погибли в неразберихе. Сам Яги-Сиан, проснувшись от шума, сразу же понял, что все потеряно. Со своей гвардией он верхом бежал по ущелью, которое вело к Железным Воротам и на

горный склон. Но его сын Шамс ад-Даула не утратил присутствия духа. Собрав всех, кого смог найти, он пробился в цитадель, прежде чем франки успели его одолеть. Боэмунд пошел за ним, но не смог ворваться внутрь, поэтому он установил свое пурпурное знамя на самой высокой точке, до которой можно было добраться. Далеко внизу крестоносцы, всходившие в город, приободрились при виде стяга, развевавшегося в лучах восходящего солнца.

Собрав достаточно человек, Боэмунд пошел на штурм цитадели. Однако турки отразили штурм и ранили самого Боэмунда. Его солдаты предпочли вернуться к более приятному занятию: грабить и громить городские улицы дома, но вскоре его ободрило появление одного армянского крестьянина, который принес ему голову Яги-Сиана. Во время бегства на горной тропе Яги-Сиан упал с коня. Спутники бросили его, и, пока он лежал там, обессиленный и оглушенный, его нашли и узнали в лицо несколько армян. Они сразу же убили его, и один из них неплохо заработал на том, что принес Боэмунду его голову, остальные продали его пояс и ножны по шестьдесят безантов за штуку.

К наступлению ночи 3 июня в Антиохии не осталось ни единого живого турка. Даже из соседних деревень, в которых не видели ни одного франка, местные мусульмане бежали, ища пристанища у Кербоги. Дома горожан — христиан и мусульман — крестоносцы разорили. Найденные там ценности и оружие они бездумно разбросали или уничтожили. Нельзя было пройти по улице, не наступив на трупы, которые быстро разлагались на летней жаре. Но Антиохия снова стала христианской^[72].

Глава 4. Антиохия взята

*Простерли руки свои на тех, которые
с ними в мире, нарушили союз свой.*

Псалом 54: 21

От взятия Антиохии возрадовались сердца христиан. Но когда их безумное ликование улеглось и крестоносцы оценили свое положение, оказалось, что оно не намного лучше, чем раньше. От полчищ Кербоги их защищали городские укрепления, не поврежденные во время боя, находившиеся с войском мирные паломники, до сих пор многочисленные, несмотря на болезни и бегство, нашли надежный приют и уже не были для крестоносцев таким тяжелым бременем, как в лагере. Тюркский гарнизон, находившийся в городе, был практически уничтожен и уже не представлял никакой угрозы. Но оборона протяженных городских стен требовала куда больше людей, чем было по силам франкам. Цитадель еще не пала, и ее требовалось сторожить. Хотя засевшие там турки были слишком слабы для наступательных действий, с ее вершины можно было наблюдать за каждым шагом в городе, а помешать гарнизону установить связь с Кербогой не было никакой возможности. В самом городе крестоносцы не нашли никаких запасов еды, на которые надеялись, и собственными руками в своем опьянении победой уничтожили большую часть его богатств. И хотя мусульмане были перебиты, они не могли доверять и местному христианскому населению. Сирийцы в прошлом уже проявляли вероломство и не особо симпатизировали латинянам. Их измена представляла куда больший риск для защитников города, чем для их противников снаружи. Более того, победа остро поставила вопрос, который и без того уже начал приводить к ссорам между христианами: кто получит город?

Сначала обсуждать будущее Антиохии было некогда. Кербога наступал, и город нужно было защищать от

неминуемого нападения. У Боэмунда, что бы он ни задумал, было недостаточно войск, чтобы поставить на все стены, не прибегая к помощи соратников. В обороне должны были участвовать все, и каждый из вождей взял себе по участку укреплений. Непосредственная задача армии состояла в том, чтобы очистить город от мертвых и быстро похоронить их, прежде чем из-за гниющих трупов начнется эпидемия. Пока солдаты занимались этим, епископ Пюиский взялся очистить и вернуть христианам собор Святого Петра и другие церкви, оскверненные тюрками. Патриарха Иоанна выпустили из узилища и вернули на патриарший трон. Иоанн был греком и недолго любил латинян, но он был законным владыкой патриархии, находившейся в полном церковном общении с Римом. Адемар, разумеется, не собирался игнорировать его права, выступая тем самым против законности и чувств местных верующих. Так же и крестоносцы, зная о мучениях Иоанна за веру, не возражали против его восстановления, кроме, может быть, Боэмунда, который мог видеть в нем будущую помеху для своих замыслов.

Едва крестоносцы успели обосноваться в городе, как подошел Кербога. 5 июня он достиг Оронта у Железного моста, а два дня спустя раскинул лагерь под стенами на тех самых позициях, которые недавно занимали франки. Шамс ад-Даула послал к нему из цитадели просьбу о помощи. Но Кербога настаивал, что его войска должны занять цитадель. Шамс молил оставить ему командование до взятия города, но напрасно. Ему пришлось передать крепость со всеми ее запасами доверенному помощнику Кербоги Ахмеду ибн Мервану.

Первый план Кербоги состоял в том, чтобы проникнуть в город из цитадели. Предвидя эту угрозу, Боэмунд и Раймунд наспех возвели стену, чтобы отрезать цитадель от городских укреплений. Поскольку это был самый уязвимый участок обороны, по всей видимости, они по очереди ставили на него своих людей. Разведав обстановку, Ахмед ибн Мерван именно туда пошел на приступ, вероятно утром 9 июня. Гуго Вермандуа, граф Фландрский и герцог Нормандский отвечали за оборону

участка и едва не отступили под натиском неприятеля, но в конце концов они отогнали его назад с тяжелыми потерями. После этого Кербога решил, что обойдется меньшими потерями, если возьмет франков в более плотную блокаду и атакует их позже, когда они будут ослаблены голодом. Десятого числа он подошел, чтобы взять город в кольцо. Крестоносцы пытались помешать ему и совершили яростную вылазку, но вскоре были вынуждены отступить под защиту стен.

Неудача повергла крестоносцев в уныние. Их боевой дух, ненадолго воспаривший после взятия города, опустился ниже некуда. Еды снова стало не хватать. Один ломоть хлеба стоил целый безант, яйцо — два безанта, а курица — все пятнадцать. Многие выживали только тем, что жевали листья с деревьев или сухие шкуры. Адемар Пюиский напрасно пытался организовать помощь для самых бедных паломников. Среди рыцарей было множество тех, кто считал, что Этьен Блуаский поступил разумно. В ночь на 10 июня отряд под началом Гийома и Обри из Гран-Мениля и Ламбера, графа Клермонского, сумел пройти за линии врага и поспешно направился к морю у Святого Симеона. Там в гавани стояли корабли франков, скорее всего, генуэзцев и Гинимера. Когда пришли беглецы и заявили, что армия крестоносцев обречена, они сразу же снялись с якоря и быстро отправились в более безопасное место. Беглецы вместе с ними уплыли в Тарс. Там они соединились с Этьеном Блуаским, который, услышав о взятии Антиохии, планировал вернуться туда, но при виде показавшегося вдалеке войска Кербоги решил не торопиться. Гийом Гран-Менильский был женат на сестре Боэмунда Мабилле, и сам факт дезертирства столь близкого родственника самого предводителя нормандцев не мог не произвести удручающего впечатления на армию.

В тот момент засевшим в Антиохии казалось, что их единственный шанс на спасение — это приход императора с его войском. Было известно, что Алексей уже выступил из Константинополя. За весну Иоанн Дука дошел через Лидию до главной дороги во Фригии, по которой шли

крестоносцы, и на некоторое время вновь разблокировал путь на Атталию. Поэтому Алексей рассудил, что может безопасно повести свою главную армию в сердце Малой Азии, чтобы прийти на помощь Крестовому походу, хотя многие его советники выступали против экспедиции, которая должна была увести его так далеко от столицы по земле, еще не очищенной от врага. К середине июня Алексей подошел к Филомелиону. Пока он готовился к дальнейшему пути, в лагере объявились Этьен и Гийом. Они вместе приплыли из Тарса и по дороге, видимо в Атталии, узнали о том, где находится император. Оставив своих людей добираться по морю, они поспешили на север в Филомелион, чтобы рассказать Алексею, что тюрки теперь уже наверняка взяли Антиохию и армия крестоносцев разбита. Примерно в то же время к нему явился Пьер Ольпский, оставивший свой пост в Комане восточнее Кесарии, и сообщил, что тюркская армия направляется к Алексею, чтобы разгромить его, прежде чем он успеет добраться до Антиохии. У Алексея не было причин не верить им. Этьен до сих пор был верным и надежным другом, да и такое несчастье вовсе не казалось невероятным. Полученные известия заставили императора пересмотреть свои планы. Если Антиохия взята и франки погибли, тюрки наверняка продолжат наступление. Сельджуки, несомненно, попытаются вернуть себе потерянное, а за спиной у них будет целый мир победоносных тюрок. При таких обстоятельствах было бы безумием продолжать поход. Так случилось, что его левый фланг был опасно оголен перед возможной атакой врага. Растягивать свои коммуникации в такой момент ради уже проигранного дела было немыслимо. Если бы даже Алексей был таким же авантюристом, как предводители крестоносцев, риск для него едва ли был бы оправдан. Но он отвечал за благополучие великой империи, находившейся в уязвимом положении, и исполнял долг перед своими подданными. Он созвал совет и сказал собравшимся, что нужно отступить. В их числе был нормандский дворянин, неполнородный брат Боэмунда по имени Ги, который прослужил у Алексея много лет. Бедствия крестоносцев не оставили Ги равнодушным, и он

умолял императора продолжить путь — вдруг еще есть шанс их спасти. Но его мольбу никто не поддержал. Великая византийская армия отступила на север, оставив за собой кордон из опустошенной земли, чтобы защитить недавно завоеванные территории от тюрок^[73].

Если бы Алексей послушался Ги, это было бы лучше и для империи, и для всего восточного христианства, хотя византийцы в любом случае не могли добраться до Антиохии прежде, чем там состоялась бы решающая битва. Ибо когда до крестоносцев дошли слухи, что императорская армия повернула назад, они страшно озлобились. Они представляли себя Христовым воинством, сражающимся против неверных. Отказаться прийти к ним на помощь, пусть даже это и казалось безнадежным делом, означало предать саму христианскую веру. Они не могли взять в толк, что у императора были и другие обязательства. Напротив, его пренебрежение в их глазах подтверждало все подозрения и неприязнь, которые они давно уже питали к грекам. Византию так и не простили, и Боэмунд увидел, что все это играет ему на руку^[74].

Крестоносцы поняли, что вина лежит и на Этьене Блуаском. Их летописцы гневно пеняли ему за трусость, и вскоре вести добрались и до Европы. Этьен мало-помалу, не спеша вернулся домой к жене, но она испытывала из-за него жгучий стыд и так и не успокоилась, пока не заставила его снова отправиться на Восток в искупление бегства.

Между тем Кербога продолжал напирать на крестоносцев в Антиохии. 12 июня внезапной атакой ему почти удалось овладеть одной из башен на юго-западной стене, но ее удалось отбить только благодаря отваге трех рыцарей из Малина. Чтобы это не повторилось, Боэмунд спалил целые городские кварталы возле стен, чтобы таким образом дать своим войскам возможность легче маневрировать.

В то время несколько событий подняли боевой дух христиан, так как они увидели в произошедшем особое

благоволение к ним Господа Бога. Солдат терзал голод и тревоги, и вера, до сих пор поддерживавшая их, пошатнулась, но не сломилась. В такой атмосфере распространялись истории о видениях и вещих снах. Для средневекового человека нечто сверхъестественное не было ни невозможным, ни даже особенно редким. Современные идеи о роли подсознания были еще неизвестны. Сны и видения посылал Бог или в некоторых случаях дьявол. Скептицизм ограничивался только личным недоверием к словам сновидца. И следующий эпизод нужно рассматривать в свете подобного отношения.

10 июня 1098 года один бедно одетый крестьянин явился к палатке графа Раймунда и потребовал встречи с ним и епископом Пюиским. Его звали Пьер Бартелеми (Петр Варфоломей), и он пришел с ополчением, будучи на службе у провансальского паломника по имени Гийом-Пьер. Несмотря на скромное звание, он немного знал грамоту, но был известен знакомым как человек довольно сомнительной репутации, которого в жизни интересовали только самые грубые утехы. Он поведал, что в последние месяцы ему не дают покоя видения, в которых апостол Андрей открыл ему, где находится одна из святейших реликвий христианства — копьё, пронзившее Иисуса Христа. Первое видение случилось у него во время землетрясения 30 декабря. Он в ужасе молился, как вдруг перед ним явился старик с серебристыми волосами в сопровождении высокого юноши необычайной красоты. Старик назвал его святым Андреем и просил его немедленно идти к епископу Пюискому и графу Раймунду. Епископа он велел отругать за небрежение духовными обязанностями, а графу — открыть то место, где спрятано копьё, которое святой затем предложил показать Пьеру Бартелеми. Потом Пьера, одетого в одну рубаху, подхватило и унесло в середину города к собору Святого Петра, где турки устроили мечеть. Святой Андрей провел его через южный вход в южную часовню. Там он спустился под землю и появился уже с копьём в руках. Пьер хотел сразу же его взять, но ему велели вернуться после взятия города с двенадцатью спутниками и поискать

в том же месте. После чего его возвратили обратно в лагерь.

Петр не выполнил приказа апостола, так как боялся, что никто не станет слушать такого бедняка, как он. Вместо этого он отправился в поход за продовольствием в Эдессу. 10 февраля, когда он находился в замке возле Эдессы, раздался крик петуха, и перед ним снова явился святой Андрей с тем же спутником и упрекнул его в непослушании, за что он был наказан временной болезнью глаз. Святой Андрей также сообщил ему, что Бог взял крестоносцев под свою особую защиту, и прибавил, что все святые томятся по своим земным телам, желая сражаться с ними бок о бок. Пьер Бартелеми признал свою вину и вернулся в Антиохию, но там храбрость снова покинула его. Он не осмелился обратиться к великим сеньорам и в марте с облегчением отправился вместе с его хозяином Гийомом-Пьером за провиантом на Кипр. Накануне Вербного воскресенья 20 марта он спал в одной палатке с Гийомом-Пьером в гавани Святого Симеона, когда видение повторилось вновь. Петр повторил свои оправдания, и святой Андрей, велел ему не страшиться ничего, сообщил ему точные указания, которым должен следовать граф Раймунд, придя к реке Иордан. Гийом-Пьер слышал разговор, но ничего не сказал. Тогда Пьер Бартелеми вернулся в лагерь у Антиохии, но не смог добиться встречи с графом. Поэму он уехал в Мамистру, чтобы продолжить путешествие на Кипр. Там ему явился святой Андрей и гневно приказал возвращаться. Пьер хотел повиноваться, но хозяин заставил его сесть на корабль и переплыть море. Три раза корабль отбрасывало волнами и наконец выкинуло на берег на острове возле Святого Симеона, где их путешествие и закончилось. Петр некоторое время болел, а когда выздоровел, Антиохия уже была взята, и он вошел в город. Он участвовал в битве 10 июня и едва избежал смерти, когда его чуть не растоптали кони, после чего святой Андрей снова явился ему и говорил с ним так сурово, что он уже не мог его послушаться. Сначала Пьер Бартелеми рассказал обо все товарищам. Несмотря на то что к его словам отнеслись с

недоверием, он все же пришел повторить их перед графом Раймундом и епископом Пюиским.

Адемара рассказ не впечатлил. Он считал Пьера Бартелеми человеком непорядочным и скользким. Возможно, ему не понравилось, что тот упрекнул его в недостатке проповеднического пыла. Возможно, он вспомнил, что уже видел в Константинополе Святое Копье, подлинность которого давно уже не вызывала сомнений. Как опытный священнослужитель, он не доверял видениям невежд. Но Раймунду, чье благочестие было проще и восторженнее, хотелось верить. Через пять дней он организовал торжественный поиск копья, а до тех пор вверил Пьера Бартелеми попечению своего капеллана.

Видения размножаются как грибы после дождя. В тот вечер все главы крестоносцев собрались в верхнем городе у стены, выходящей на цитадель, как вдруг их потребовал увидеть некий священник из Валанса по имени Этьен. Он сообщил им, что накануне вечером, думая, что турки взяли город, он вместе с другими священниками пошел в церковь Девы Марии, чтобы отслужить молебен и просить Богоматерь о заступничестве. Под конец на всех, кроме него, напал сон, но он бодрствовал и вдруг узрел перед собой фигуру необычайной красоты, которая спросила его, кто эти люди, и будто бы обрадовалась, услышав, что это не еретики, а добрые христиане. Затем гость спросил Этьена, не узнает ли он его. Этьен хотел было сказать, что нет, но тут заметил над его головой сияние в виде креста, как на образе Иисуса. Гость признал, что он действительно Христос, и затем осведомился, кто командует армией. Этьен сказал, что единого начальника у них нет, но верховная власть отдана епископу. Тогда Христос велел Этьену сообщить епископу Адемару, что его люди согрешили похотью и развратом, но, если они вернуться на праведный путь, он пошлет им защиту в течение пяти дней. Затем появилась женщина со сверкающим ликом и сказала Христу, что это те самые люди, за которых она так часто вступалась, а еще к ним присоединился святой Петр. Этьен пытался разбудить товарищей, чтобы они стали

свидетелями, но, прежде чем те проснулись, видения исчезли.

Адемар был готов признать это явление подлинным. Этьен пользовался уважением и, более того, поклялся на Евангелии, что сказал правду. Видя, что его история произвела впечатление на крестоносцев, Адемар тут же уговорил их принести святой обет, что отныне никто из них не покинет Антиохию без согласия остальных. Боэмунд поклялся первым, потом Роберт Нормандский, Готфрид и Роберт Фландрский, за которыми последовали сеньоры помельче. Новости об их клятве воодушевили всю армию. Более того, слова Стефана о том, что в течение пяти дней Бог даст им своего благоволения, подкрепил и рассказы Пьера Бартелеми. Лагерь охватило предвосхищение.

14 июня люди видели, как будто метеор упал прямо на лагерь тюрок. На следующее утро Пьера Бартелеми отвели в собор Святого Петра в компании из двенадцати человек, куда в том числе вошли граф Раймунд, епископ Оранжский и историк Раймунд Ажилский. Весь день рабочие копали там землю, но так ничего и не нашли. Граф ушел разочарованным. В конце концов сам Петр, одетый в одну рубаху, спрыгнул в вырытую яму. Попросив всех присутствующих помолиться, он торжественно извлек на свет кусок железа. По словам Раймунда Ажилского, он самолично прикасался к нему, пока тот еще лежал в земле. Известие о находке вскоре распространилось по всей войску и было встречено с оживлением и радостью^[75].

Сейчас бесполезно судить о том, что произошло в действительности. Собор не так давно расчищали для повторного освящения. Пьер Бартелеми мог работать там после возвращения в Антиохию, ведь он так и не сказал, когда именно вернулся, и таким образом имел возможность спрятать в земле кусок железа. Или он обладал способностями лозоискателя и чувствовал присутствие металла. Весьма примечательно, что даже в тот век, когда никто не сомневался в существовании чудес, Адемар явно считал Пьера обманщиком; и, как покажет

время, это недоверие к Пьеру разделяли многие. Однако пока они молчали. Обретение реликвии так тронуло христиан, включая греков и армян, что никто не хотел портить радости. Однако сам Пьер Бартелеми два дня спустя несколько удивил своих приверженцев, объявив об очередном визите святого Андрея. Видимо позавидовав тому, что Этьен говорил не с кем-нибудь, а с самим Христом, духовидец с удовлетворением узнал от апостола, что его молчаливым спутником на самом деле был не кто иной, как Иисус. Затем святой Андрей дал ему подробные указания о богослужениях, которые следует провести в честь находки, а также проводить на ее годовщины. Епископ Оранжский, которому все эти литургические подробности показались подозрительными, спросил Пьера, умеет ли он читать. Пьер решил схитрить и сказать, что он не знает грамоты. Позже выяснилось, что он солгал, но его сторонники все же воспрянули духом, ибо, как оказалось, читать он с тех пор разучился. Вскоре святой Андрей появился вновь и объявил, что предстоит битва с тюрками, которую не следует долго откладывать, ибо крестоносцам угрожает голод. Святой посоветовал им поститься в течение пяти дней в покаяние за грехи, после чего армия должна атаковать тюрок, и тогда она одержит победу. Грабить вражеские палатки запрещалось.

Боэмунд, который стал главнокомандующим, поскольку граф Раймунд заболел, и без того уже решил, что единственный возможный вариант — это атаковать лагерь Кербоги, так что, возможно, святой Андрей черпал вдохновение из вполне земных источников на недавнем совете у Боэмунда. Крестоносцы преисполнились воодушевлением, а Кербоге, напротив, было все труднее не давать своим союзникам разбежаться в разные стороны. Ридван Халебский по-прежнему не проявлял желания участвовать в экспедиции, но теперь Кербога почувствовал, что не может обойтись без его помощи. Он вступил с ним в переговоры и этим оскорбил Дукака Дамасского. Дукака заботили агрессивные действия египтян в Палестине, и он стремился побыстрее вернуться на юг. Эмир Хомса вел кровную вражду с эмиром Манбиджа и не желал действовать заодно с ним. Да и в

войске самого Кербоги начались трения между арабами и тюрками. Кербога пытался поддерживать порядок деспотическими методами, чем возмутил всех эмиров, которые знали, что он простой атабек. С течением времени из его лагеря уходило все больше народу. Немало тюрок и арабов вернулись по домам.

О трудностях Кербоги, безусловно, было известно вождям крестоносцев, которые и попытались убедить его снять осаду. 27 июня они послали к нему в лагерь переговорщиков — Петра Пустынника и франка по имени Эрлуэн, который говорил по-арабски и по-персидски. Участие Петра демонстрирует нам, что он уже оправился от позора из-за неудавшегося побега пятью месяцами раньше. Вероятно, христиане опасались, что противник не проявит уважения к неприкосновенности послов, и потому никому из вождей нельзя было отправиться на переговоры, и Петра выбрали потому, что он был самым известным невоенным лицом, находившимся при армии. То, что он согласился на это поручение, говорит о его смелости и во многом восстановило его репутацию. Мы не знаем, какие условия был уполномочен Петр предложить Кербоге, ибо речи, вложенные в уста их обоих позднейшими летописцами, явно придуманы. Возможно, как гласят некоторые хроники, предлагалось решить дело поединками. Кербога, несмотря на усугубляющиеся проблемы, по-прежнему требовал безоговорочной капитуляции, и посольство вернулось с пустыми руками. Но в ходе его Эрлуэн сумел разузнать кое-какие ценные сведения о положении дел в лагере мусульман.

После неудачи посольства не осталось иного выбора, кроме как дать бой. Рано утром в понедельник 28 июня Боэмунд собрал крестоносцев для битвы. Их разделили на шесть армий. Первая состояла из французов и фламандцев под предводительством Гуго Вермандуа и Роберта Фландрского, вторая — из лотарингцев под началом Готфрида; третья включала нормандцев герцога Роберта Нормандского; четвертая — тулузцев и провансальцев во главе с епископом Пюиским, так как Раймунд был тяжело болен; а пятую и шестую составили итальянские

нормандцы, которыми командовали Боэмунд и Танкред. Следить за цитаделью в городе оставили двести человек, которыми должен был командовать Раймунд со своего одра болезни. Несколько священников и капелланов провели на стенах молебны о заступничестве на стенах, а остальные отправились вместе с войсками. Историк Раймунду Ажильскому выпала честь нести в бой Святое Копье. Всех предводителей Христова воинства можно было узнать по его знамени, хотя рыцарские доспехи несколько потускнели. Многие потеряли лошадей и принуждены были идти пешком или ехать не на столь благородных скакунах. Но, укрепленные недавними знаками Божьего благоволения, солдаты храбро шли в бой друг за другом по укрепленному мосту.

Когда они показались из ворот, арабский полководец Кербоги Вассаб ибн Махмуд уговаривал его сразу же их атаковать. Но Кербога боялся, что слишком скорый удар уничтожит только передовые отряды крестоносцев, а если он подождет, то сможет разделаться со всей их ратью одним ударом. Учитывая, какие настроения царили в его войсках, атабек не мог позволить себе продолжать изнурительную осаду. Но когда он увидел шеренги франков, его одолели сомнения, и он — слишком поздно — послал к ним глашатая объявить, что готов обсудить условия перемирия. Франки не заметили его посланца и продолжили наступать, и тогда Кербога применил обычный для тюрок прием: отступить, заманивая врага на неудобную площадку, чтобы там его лучники внезапно обрушили на неприятельские ряды град стрел. Тем временем он выслал отряд, чтобы обойти крестоносцев слева, где их не защищала река. Но Боэмунд был к этому готов и поставил седьмую армию под началом Рено Тульского сдерживать эту атаку. На главной дороге шел ожесточенный бой, среди убитых пал и знаменосец Адемара. Но тюркские стрелки не могли остановить наступления крестоносцев, и мусульмане дрогнули. Христиане продолжали наступать, воодушевленные видением: на холме появилась группа рыцарей на белых конях под реющими белыми стягами, и в их предводителях узнали святых Георгия, Меркурия и

Димитрия. С практической точки зрения им больше помогло решение многих эмиров Кербоги не воевать за него. Они боялись, что победа сделает его слишком могущественным, и тогда они первыми и поплатятся за это. Во главе с Дукаком Дамасским они стали покидать поле боя, и это посеяло панику в мусульманских рядах. Кербога поджег сухую траву перед своими войсками в тщетной попытке задержать франков, пока он пытался восстановить порядок. Сокман Ортокид и эмир Хомса последними оставались верными ему. Когда бежали и они, он понял, что игра проиграна, и покинул поле боя. Вся армия тюрок в панике бросилась в повальное бегство. Крестоносцы по совету святого Андрея не стали задерживаться для того, чтобы разграбить вражеский лагерь, а последовали за беглецами до самого Железного моста и многих перебили. Другие, пытавшиеся укрыться в замке Танкреда, были окружены и погибли. Со многими уцелевшими в бою расправились во время бегства местные сирийцы и армяне. Сам Кербога добрался до Мосула с остатками войска, но навсегда лишился и своего могущества, и репутации.

Ахмед ибн Мерван, командовавший цитаделью, наблюдал за ходом битвы с вершины горы. Увидев, что она проиграна, он послал гонца в город сообщить, что сдается. Того привели в палатку Раймунда, и Раймунд послал водрузить на башне цитадели одно из своих знамен. Но когда Ахмед узнал, что знамя это не Боэмунда, он отказался водружать его, — как видно, он уже тайно договорился с Боэмундом о том, что делать в случае победы христиан. Он не открывал ворот до тех пор, пока не появился сам Боэмунд, и тогда гарнизону цитадели позволили уйти из крепости целым и невредимым. Некоторые из них, включая и самого Ахмеда, обратились в христианство и поступили в армию Боэмунда.

Победа крестоносцев была неожиданной, но полной. Она решила судьбу Антиохии, которая осталась в руках христиан. Однако в каких именно руках, пока оставалось неясным. Клятва, которую принесли императору все, кроме Раймунда, явственно требовала от них передать

город ему. Но Боэмунд уже открыто показал, что намерен оставить ее себе, и его соратники, за исключением Раймунда, готовы были согласиться, ибо именно он спланировал взятие города и именно ему сдалась цитадель. Им было неловко нарушать данную клятву. Но император был далеко. Он не пришел к ним на помощь. Даже его представитель покинул их, и они взяли город и разгромили Кербогу без его помощи. Держать в городе гарнизон до тех пор, пока Алексей лично не явится в Антиохию или не пришлет своего подчиненного, казалось им неосуществимым, а терять время и рисковать тем, что их самый выдающийся воин озлобится или, может быть, даже уйдет, ради защиты прав отсутствующего императора, — неразумным. Готфрид Бульонский явно считал глупостью стоять на пути у амбиций Боэмунда. Раймунд, однако, с самого начала отчаянно завидовал Боэмунду. И было бы несправедливо считать его зависть единственным мотивом, который заставил его поддержать притязания Алексея. Он подружился с Алексеем еще до отъезда из Константинополя, к тому же ему хватило проницательности понять, что, не вернув Антиохию Византии, крестоносцы поссорятся с императором, а его расположение было необходимо им для поддержания нормального сообщения и для того, чтобы сдерживать неизбежное противодействие мусульман. В таком случае Крестовый поход уже не будет делом единого христианства. Адемар Пюиский разделял точку зрения Раймунда. Он был твердо настроен сотрудничать с восточными христианами, как того, несомненно, желал его владыка папа Урбан, и прекрасно понимал опасность, которой чревато оскорбление, нанесенное Византии.

Вероятно, именно под влиянием Адемара к Алексею послали Гуго Вермандуа объяснить сложившуюся ситуацию. Теперь, когда Антиохии ничто не угрожало, Гуго хотел вернуться домой дорогой через Константинополь. Крестоносцы думали, что Алексей все еще в Малой Азии. До них еще не добрались новости о его отступлении после разговора с Этьеном Блуаским. Адемар и Раймунд надеялись, что рассказ Гуго заставит Алексея поспешить к ним. В то же время было решено,

что крестоносцы подождут в Антиохии до 1 ноября, а затем попытаются пойти на Иерусалим. Это было естественное решение, ибо армия устала, а наступать в палящем зное сирийского лета по малоизвестным дорогам, где, может быть, не хватает воды, было бы настоящим безумием. Более того, сначала следовало утрясти вопрос с Антиохией, и Адемар, конечно, надеялся, что к тому времени император успеет подойти к ним. Гуго выехал в начале июля в сопровождении Балдуина, графа Эно. По дороге через Малую Азию на его отряд напали турки и нанесли серьезные потери. Граф Эно исчез, и о его судьба так и осталась неизвестной. Уже стояла осень, когда Гуго прибыл в Константинополь и смог поговорить с императором и рассказать ему обо всем, что произошло в Антиохии. Но к тому времени уже было слишком поздно, чтобы предпринимать поход через анатолийские горы. Алексей не смог бы добраться до Антиохии раньше будущей весны.

Между тем в Антиохии обстановка накалилась. Сначала цитадель заняли совместно Боэмунд, Раймунд, Готфрид и Роберт Фландрский, но Боэмунд оставил под своим контролем главные башни. Затем ему удалось выдворить оттуда войска соратников, вероятно с согласия Готфрида и Роберта, а на возражения Раймунда не обратили внимания. Раймунд пришел в ярость и в ответ взял под свой единоличный контроль укрепленный мост и дворец Яги-Сиана. Но граф был все еще слишком болен, чтобы активно действовать, а теперь слег и Адемар. Когда два вождя удалились от дел, остальные войска стали третировать южных французов, особенно нормандцы; и многие из них хотели, чтобы Раймунд примирился с Боэмундом. Боэмунд вел себя так, будто уже стал хозяином города. Многие генуэзцы поспешили в Антиохию, как только стало известно о разгроме Кербоги, торопясь первыми прибрать к рукам тамошнюю торговлю. 14 июля Боэмунд пожаловал им грамоту, по которой они получали рынок, церковь и тридцать домов. С тех пор генуэзцы стали защищать его интересы, и он рассчитывал на их помощь в деле налаживания сообщения с Италией. Они согласились поддержать его в Антиохии против всех

соперников, за исключением только графа Тулузского. В этом конфликте они предпочли сохранить нейтралитет.

Пока Раймунд и Боэмунд настороженно следили друг за другом, дворяне рангом пониже поехали к Балдуину в Эдессу или совершали вылазки за поживой или даже за тем, чтобы подыскать себе лены в окрестных районах. Самый амбициозный из таких набегов осуществил некий лимузенский француз из армии Раймунда по имени Раймунд Пиле, который 17 июля отправился на восток через Оронт и три дня спустя оккупировал город Тель-Маннас, чье сирийское население встретило его с радостью.

Захватив по соседству тюркскую крепость, он двинулся дальше, чтобы атаковать более крупный город Мааррат-ан-Нуман с войском в основном из местных христиан. Но они были людьми невоенными, и когда путь им преградили войска, посланные Ридваном из Халеба на подмогу городу, они повернулись и бежали. Но Ридван все же не смог выбить Раймунда Пиле из Тель-Маннаса.

В июле Антиохию охватила страшная эпидемия. Невозможно сказать, что именно это была за болезнь, но, вероятно, тиф, разразившийся вследствие осад и битв последнего месяца, а также из-за невежества крестоносцев в вопросах санитарии, без которой невозможна жизнь на Востоке. Адемар Пюиский, который в течение какого-то времени чувствовал себя все хуже и хуже, пал его первой жертвой среди предводителей похода. Он испустил дух 1 августа.

Кончина Адемара стала одной из величайших трагедий Крестового похода. На страницах хроник он держится в тени, но они изображают его человеком, который обладал большим личным влиянием, чем кто-либо иной из крестоносцев. Его уважали как представителя папы, а своим характером он заслужил любовь всей армии. Адемар был милосерден и заботился о бедных и больных. Его отличала скромность и всегдашнее спокойствие, он всякий раз был готов дать добрый совет даже в военных делах, а как полководец он был и смел, и

дальновиден. Победа при Дорилее в основном была одержана благодаря его оперативному искусству, а во время осады Антиохии он председательствовал на множестве военных советов. В политическом смысле он трудился ради взаимопонимания с христианами Востока — и с византийцами, и с православными церквями Сирии. Он пользовался доверием папы Урбана и знал его мысли. Пока Адемар был жив, он мог сдерживать этническую и религиозную нетерпимость франков и ставить преграды на пути корыстных амбиций и междоусобиц, которые могли бы причинить неисправимый вред всему Крестовому походу. Хотя он старался никогда не выпячивать себя, его считали, как сказал отец Этьен явившемуся Христу, вождем Крестового похода. После смерти Адемара не осталось никого, кто обладал бы таким непререкаемым авторитетом. Граф Тулузский, тоже когда-то обсуждавший методы и цели Крестового похода с папой Урбаном, унаследовал убеждения епископа. Но Раймунд не обладал его талантами и с Боэмундом спорить мог лишь на равных, а не как выразитель взглядов церкви. И без Адемара никто из сеньоров не обладал достаточной широтой взглядов, чтобы заботиться о сохранении единства христианства. Соратники никогда не ставили под сомнение милосердие Адемара и его принципиальность, даже те, кому он мешал исполнить их замыслы. Сторонники Боэмунда оплакивали смерть епископа так же искренне, как и те, кто пришел с Адемаром из Франции, и сам Боэмунд поклялся отвезти его тело в Иерусалим. Вся армия была тронута и удручена его смертью.

Однако был там один человек, который не горевал. Пьер Бартеlemi так и не простил легата за то, что тот не поверил в его видения. Два дня спустя он отомстил за себя. Он заявил, что к нему снова явился святой Андрей, теперь уже в сопровождении самого Адемара. Покойный заявил, что в наказание за неверие он провел часы, прошедшие после его смерти, в аду, откуда его вызволили только молитвы товарищей, и в первую очередь Боэмунда, а также дар в несколько монет на содержание Святого Копья. Теперь же он прощен и просит, чтобы его тело оставили в соборе Святого Петра в Антиохии. Потом

святой Андрей дал совет графу Раймунду. Антиохию, сказал он, следует отдать в руки того, кто на нее притязает, если он человек праведный. А чтобы решить вопрос о его праведности, следует избрать патриарха латинского обряда. Крестоносцам надлежит покаяться в грехах и идти на Иерусалим, до которого оставалось всего десять дней пути; но путь займет десять лет, если они не вернуться к богоугодной жизни. Иначе говоря, Пьер Бартелеми и его друзья-провансальцы решили, что Антиохию надо отдать Боэмунду, если он и дальше будет помогать Крестовому походу, что армия должна скорее отправиться в Иерусалим и что не надо идти на сделки с византийцами и местными православными церквями.

Эти откровения смутили Раймунда. Он честно верил в подлинность копья, а владение им придавало ему престиж. Ибо хотя многие могли бы сказать, что победа в битве над Кербогой одержана благодаря стратегии Боэмунда, многие другие ставили ее в заслугу святой реликвии и таким образом косвенно самому Раймунду. Но авторитет Раймунда питался и из другого источника — его давней дружбы с Адемаром. Если божественный посланец, раскрывший местонахождение копья, теперь ставит под вопрос суждения Адемара и отвергает образ действий, который перенял от него Раймунд и который вписывался в его собственные убеждения, то Раймунду придется лишиться или первой, или второй из своих опор. Поэтому он выжидал. Не отказываясь от своей уверенности в копье, он выразил сомнение в том, что видения Пьера Бартелеми по-прежнему истинны. Ибо, несмотря на слова апостола, и он, и другие его единомышленники утверждали, что Антиохию следует отдать императору. Вследствие этого он оказался в оппозиции к большей части собственных же войск.

На армию в целом это посмертное очернение Адемара произвело дурное впечатление. Благодаря ему стало известно, что легат не верил в реликвию, и это возродило в людях сомнения, которые уже давно многим не давали покоя. Нормандцы и северные французы, всегда недолголюбивавшие провансальцев, начали особенно

бесчестить реликвию, стараясь использовать скандал с подделкой, чтобы дискредитировать графа Раймунда и его планы. Защищая репутацию Адемара, они таким образом действовали против той самой политики, которую отстаивал он сам. Можно представить себе, что такой поворот пришелся по нраву Боэмунду^[76].

Пока мор расплзался по Антиохии, знатнейшие крестоносцы искали спасения за ее стенами. Боэмунд перешел через Аманос в Киликию, где укрепил гарнизоны, оставленные там Танкредом предыдущей осенью, и принял от них присягу. По его замыслу, Антиохийское графство должно было включить в себя и Киликийскую провинцию. Готфрид отправился на север, в Турбессель и Равендель, которые передал ему брат Балдуин. Готфрид завидовал успеху брата, и, пока остальные подыскивали себе владения возле Антиохии, он тоже хотел получить свою долю. Вероятно, он обязался вернуть города Балдуину, если крестоносная армия пойдет в Палестину. Чем занимался Раймунд, неизвестно, а Роберт Нормандский отправился в Латакию.

До нашествия тюрок Латакия была самым южным портом Византийской империи. Тюрки взяли ее около 1084 года, но потом она перешла под власть арабского эмира Шайзара. Осенью 1097 года Гинимер Булонский высадился в гавани Латакии и захватил ее. Оставленный им гарнизон владел им всю зиму, но в марте корабли Эдгара Этелинга, выгрузив припасы для крестоносцев в Святом Симеоне, отправились в Латакию. Людей Гинимера выгнали, а город взяли от имени императора. Но Эдгар мог оставить для охраны города лишь небольшой отряд, поэтому он обратился к крестоносцам, прося их укрепить оборону Латакии. Вскоре после победы над Кербогой туда в ответ на просьбу явился Роберт Нормандский, и Латакию вручили ему для передачи императору. Но Роберт видел в управлении городом исключительно способ как можно больше денег вытянуть из подданных. Его режим стал настолько ненавистным, что через несколько недель ему пришлось уйти из Латакии, где затем обосновался гарнизон, присланный

Евстафием Филокалом^[77], византийским правителем Кипра^[78].

В сентябре эпидемия стихла, и сеньоры вернулись в Антиохию. Одиннадцатого числа они встретились, чтобы составить послание папе Урбану и во всех подробностях рассказать ему о взятии Антиохии и кончине его легата. Ощущая необходимость в том, чтобы более высокий авторитет преодолел ссоры между группировками, они призывали его лично приехать на Восток. Антиохийская община, указывали они, основана святым Петром, и, как преемник святого Петра, папа должен сам приехать в Святой город и взойти там на престол. Они были готовы дождаться его прибытия, прежде чем идти в Палестину. Имя Боэмунда шло первым в списке подписавших; да и само письмо, вероятно, записали его секретари. Отсутствие Адемара уже проявилось в пренебрежении правами патриарха Иоанна и нотке враждебности по отношению к местным христианским сектам, которые осуждались как еретические. Крестоносцы едва ли всерьез ожидали, что папа отправится в путешествие на Восток, но этот призыв дал им возможность еще раз отложить тяжелую обязанность решить судьбу Антиохии до тех пор, пока папа не пришлет своего легата, на чьи плечи и можно будет переложить ответственность за решение. Теперь уже всем было ясно, что император не сможет добраться до Сирии в это время года. Возможно, уже стало известно о его отступлении из Филомелиона.

Простые солдаты и паломники находились в весьма незавидном положении. Из-за войны никто не собирал урожай на антиохийской равнине, и еды по-прежнему не хватало. В основном ради того, чтобы обеспечить армию пропитанием, Раймунд приступил к подготовке рейда на мусульманскую территорию. Прежде чем он решил, куда именно отправиться, Готфрид предложил ему провести совместный поход на город Аазаз, стоявший на большой дороге из Эдессы и Турбесселя в Антиохию. Эмир Аазаза Умар взбунтовался против своего владыки Ридвана, эмира Халеба, и тот шел его наказать. Одного из военачальников Умара еще прежде взяли в плен, и он воспытал страстью к

одной франкской даме, вдове рыцаря из Лотарингии, и именно по ее подсказке Умар обратился за помощью к Готфриду. Готфрид с радостью отозвался, так как ему было бы совсем не выгодно, если бы Аазаз оказался в руках у Ридвана. Раймунд принял приглашение Готфрида, хотя потребовал взять в заложники сына Умара, да еще и Балдуин прислал войска из Эдессы. При приближении христианской армии Ридван отошел от Аазаза, и Умар получил от Готфрида подтверждение своих прав на владение городом и принес ему присягу. Раймунд смог запастись провизией в окружающей районе, но на обратном пути понес тяжелые потери из-за устроенных тюрками засад. Этот случай показал, что не только мусульманские правители были готовы прибегать к помощи франков в собственных ссорах, но и что сами франки, отказавшись от воинствующей религиозной непримиримости, не возражали против вассалов-мусульман.

В октябре, несмотря на то что, по словам Пьера Бартелеми, святой Андрей снова потребовал быстрее выступать на Иерусалим, Раймунд отправил еще один рейд за продовольствием. Он уже оккупировал Ругию на Оронте, примерно в 30 милях (около 50 км) от Антиохии. Оттуда он атаковал Альбару, располагавшуюся чуть дальше на юго-восток. Жители, все до единого мусульмане, капитулировали, но были либо перебиты, либо проданы в рабство в Антиохии, и город заселили христианами. Мечеть переделали в церковь. К восторгу солдат, Раймунд назначил ее епископом одного из своих священников — Пьера из Нарбонны. Это было сделано только потому, что в городе не было православной епархии. Никто еще и помыслить не мог о расколе между греческой и латинской церковью, из-за чего потребовалось бы удвоить количество епархий. Пьера, хоть он и был латинянином, посвятил в епископы греческий патриарх Иоанн Антиохийский. Но его возвышение положило начало возникновению местной латинской церкви на Востоке и воодушевило тех крестоносцев, которые, как Пьер Бартелеми, теперь захотели сменить местное греческое духовенство латинским.

В спорах, которые последовали за поражением Кербоги, главы похода клялись отправиться на Иерусалим в ноябре. К 1 ноября они стали съезжаться в Антиохию для обсуждения дальнейших планов. Раймунд явился из Альбары, где он оставил большую часть своих войск. Готфрид примчался из Турбесселя, привезя с собой головы всех тюркских пленников, захваченных во время мелких набегов в округе. Граф Фландрский и герцог Нормандский уже находились в Антиохии, а через два дня прибыл и Боэмунд, который заболел в Киликии. 5 ноября сеньоры и их советники встретились в соборе Святого Петра. Сразу же стало ясно, что между ними нет согласия. Друзья Боэмунда начали совет с того, что потребовали отдать ему Антиохию. Император так и не приехал, а Боэмунд — человек способный и самый страшный для врага крестоносцев. Раймунд отреагировал резко, напомнив собравшимся о присяге императору, которую принесли они все, кроме него. Готфрид и Роберт Фландрский, как известно, поддерживали притязания Боэмунда, но не посмели высказаться открыто, боясь обвинения в нарушении клятвы. Споры продолжались несколько дней. Тем временем солдаты и паломники ждали снаружи и начали терять терпение. Они хотели только одного: исполнить свои обеты и добраться до Иерусалима. Им не терпелось уйти из Антиохии, где они потеряли столько времени и перенесли столько страданий. Подстрекаемые Пьером Бартеlemi с его видениями, они предъявили своим вождям ультиматум. Одинаково презирая амбиции и Раймунда, и Боэмунда, они заявили: пусть те, кто хочет наживаться на Антиохии, этим и занимаются, и пусть те, кто хочет даров от императора, дожидаются его прихода, а сами они пойдут на Иерусалим, а если их вожди и дальше будут препираться из-за того, кому принадлежит Антиохия, они перед уходом снесут ее стены. Оказавшись перед лицом этой угрозы и боясь, что Раймунд и Боэмунд вскоре возьмутся за оружие, более умеренные сеньоры предложили провести совет в узком кругу, на котором будут присутствовать только главы. Там после новых гневных споров крестоносцы временно пришли к согласию. Если Боэмунд поклянется отправиться вместе с

походом на Иерусалим, Раймунд не будет противиться решению, которое в конце концов примет совет относительно Антиохии; а Боэмунд поклялся перед епископами не откладывать похода и не чинить ему препятствий ради собственного честолюбия. Вопрос с Антиохией был улажен, но Боэмунду подтвердили, что в его владении остаются цитадель и три четверти города, а Раймунду остался укрепленный мост и дворец Яги-Сиана, в котором он поставил начальником Гийома Эрменгара. Дату выступления на Иерусалим еще не назначили, но, чтобы тем временем чем-то занять войска, было решено атаковать крепость Мааррат-ан-Нуман, покорить которую было желательно для защиты левого фланга армии, когда она отправится на юг в Палестину.

23 ноября Раймунд и граф Фландрский отправились в Ругию и Альбару, а 27-го добрались до стен Мааррат-ан-Нумана. Попытка взять город приступом на следующее утро провалилась, а когда во второй половине дня прибыл Боэмунд со своими войсками и вторая попытка провалилась тоже, было решено осадить город. Но, даже взяв его в плотное кольцо, за две недели крестоносцы ничего не добились. Им приходилось обыскивать все окрестности в поисках дерева для осадных орудий. Еды не хватало, и воины оставляли свои посты, отправляясь искать хлеба и овощей. Наконец 11 декабря, после того как Пьер Бартелеми объявил, что успех неминуем, к одной из городских башен подкатили огромную деревянную крепость на колесах, построенную людьми Раймунда, командовать которой поручили Гийому из Монпелье. Крестоносцы попытались вскарабкаться с ее помощью на башню, но их отразили, однако обеспеченная крепостью защита позволила подрывать стену со стороны башни. Вечером стена рухнула, и несколько солдат низкого звания пробились в город и начали его грабить. Между тем Боэмунд, завидуя успеху Раймунда и стремясь повторить то, что ему удалось проделать в Антиохии, объявил через глашатая, что, если город сдастся ему, он сохранит жизнь всем его защитникам, которые укроются в зале рядом с главными воротами. За ночь битва улеглась. Многие горожане, видя, что оборона сломлена, укрепили свои

дома и водохранилища, но предложили крестоносцам откупиться, чтобы их пощадили. Другие бежали в зал, указанный Боэмундом. Но когда на следующее утро битва началась вновь, никого не пощадили. Крестоносцы хлынули в город, убивая всех на своем пути и врываясь в дома, которые грабили и сжигали. Что касается беженцев, поверивших обещаниям Боэмунда, то мужчин перебили, а женщин и детей продали в рабство.

Во время осады войска Боэмунда и Раймунда встречали друг друга в штыки. А когда Боэмунд вероломством заполучил большую часть добычи, хотя именно армия Раймунда взяла город, вражда между провансальцами и нормандцами разгорелась с новой силой. Раймунд потребовал город себе и хотел отдать его под управление епископа Альбары. Но Боэмунд не желал уводить оттуда свои войска, пока Раймунд не уйдет из Антиохии, и нанес ответный удар: начал открыто высказывать сомнения в пророчествах Пьера Бартелеми.

Тем временем недовольство росло по всей армии. Громче всех отправляться на Иерусалим требовали люди Раймунда. Примерно в Рождество к графу явились уполномоченные от солдат и сказали ему, что если он выступит в путь, то армия признает его вождем всего Крестового похода. Раймунд понял, что не может отказаться, и несколько дней спустя ушел из Мааррат-ан-Нумана в Ругию, объявив, что вскоре отправится в Палестину. После этого Боэмунд вернулся в Антиохию, а Мааррат-ан-Нуман вручили епископу Альбары.

Но и после официального объявления Раймунд не торопился. Он никак не мог заставить себя двинуться на юг, пока Антиохия оставалась в руках Боэмунда. А тот, видя, быть может, что чем больше колеблется Раймунд, тем мятежнее становятся его войска, и зная, что император не пойдет через Малую Азию в зимние месяцы, предложил отложить выступление до Пасхи. Чтобы подтолкнуть дело к развязке, Раймунд созвал всех глав крестоносцев на совет в Ругии. Там он попытался подкупом заставить их признать его лидером. Можно предположить, что предложенные им суммы зависели от

того, какими силами они располагали. Готфриду граф предложил десять тысяч су и столько же Роберту Нормандскому, Роберту Фландрскому — шесть тысяч, пять тысяч — Танкреду, и поменьше остальным сеньорам рангом пониже. Боэмунду не предложили ничего. Раймунд надеялся, что таким образом ему удастся стать бесспорным главою Крестового похода и сдержать амбиции Боэмунда. Однако остальные очень холодно встретили его авансы.

Пока они совещались в Ругии, армия в Мааррат-ан-Нумане перешла к прямым действиям. Солдаты голодали. Все запасы еды в округе кончились, так что казалось, что им осталось только начать есть друг друга. Даже тюрки были потрясены их упорством в подобных обстоятельствах, хотя, как печально замечает хронист Раймунд Ажилский: «Мы узнали об этом слишком поздно, чтобы воспользоваться этим». Епископ Оранжский, который имел некоторое влияние на провансальцев, умер, не выдержав лишения. Наконец, несмотря на протесты епископа Альбары, солдаты постановили разрушить стены Мааррат-ан-Нумана, чтобы заставить Раймунда тронуться с места. Услышав об этом, Раймунд поспешил вернуться в город, но понял, что тянуть больше нельзя.

13 января 1099 года Раймунд со своими войсками выступил из Мааррат-ан-Нумана, чтобы продолжить Крестовый поход. Граф шел босым, как и подобало главе паломников. Желая показать, что поворота назад не будет, город оставили в огне. С Раймундом шли все его вассалы. Епископ Альбары и Раймунд Пиле, правитель Тель-Маннаса, покинули свои города, чтобы идти вместе с ним. Гарнизоны, которые он оставил в Антиохии под началом Гийома Эрменгара, были недостаточно сильны, чтобы противодействовать Боэмунду, и поспешили вслед за ним. Из соратников Раймунда среди глав крестоносцев к нему сразу же присоединился Роберт Нормандский, которого сопровождал Танкред, — Боэмунд несомненно хотел, чтобы он позаботился об интересах итальянских нормандцев во время похода. Готфрид Лотарингский и

Роберт Фландрский колебались почти месяц, прежде чем общественные настроения не заставили их пойти за ними. Но Балдуин и Боэмунд остались на захваченных землях.

Так, казалось бы, разрешилась ссора между двумя великими сеньорами. Раймунд стал бесспорным лидером Крестового похода, а Боэмунду досталась Антиохия.

Часть пятая. Земля обетованная

Глава 1. Дорога на Иерусалим

Итак, иди, веди народ сей, куда Я сказал тебе.

Исход, 33: 34

Когда Этьен Блуаский писал жене из Никеи, выражая опасение, что поход может застрять у Антиохии, он и представить себе не мог, какой долгой окажется эта задержка. Пятнадцать месяцев прошло с тех пор, как армия подошла к стенам города. В это время в мусульманском мире произошли важные перемены. Египетские Фатимиды, как и византийцы, еще до начала Крестового похода оправились после первого шока от нашествия тюрок и, как и византийцы, надеялись использовать Крестовый поход в своих целях для возвращения собственного могущества. Фактическим правителем Египта был шахиншах аль-Афдаль, сменивший своего отца, армянского вероотступника Бадр аль-Джамали, в качестве визиря при мальчике-халифе аль-Мустали. Посольство аль-Афдаля к крестоносцам в лагерь под Антиохией не привело ни к каким результатам. Франкские послы вернулись вместе с его послами в Каир, но вскоре стало ясно, что они не имеют полномочий вести переговоры о заключении союза и что крестоносцы отнюдь не желают помогать египтянам возвращать Палестину, а, наоборот, твердо намерены идти на Иерусалим. Поэтому аль-Афдаль решил извлечь выгоду из войны в Северной Сирии. Услышав о разгроме Кербоги под Антиохией и поняв, что турки всей Азии не в состоянии отразить новую атаку, он сразу же вторгся в Палестину. Провинция в то время находилась в руках сыновей Ортока — Сокмана и Ильгази, которые подчинялись Дукаку Дамасскому как верховному владыке. При приближении аль-Афдаля они отступили за стены Иерусалима. Они знали, что Дукак не может сразу же прийти к ним на помощь, но надеялись, что мощные укрепления Иерусалима и боеспособность их туркменских войск позволят им сдерживать врага, пока не придет спасение. Армия аль-Афдаля имела в своем распоряжении новейшие осадные орудия, включая сорок патерелл; но Ортокиды все же сопротивлялись сорок дней, пока стены в конце концов не разрушились настолько, что им пришлось капитулировать. Тогда египтяне разрешили им уйти в Дамаск со своими людьми, откуда они отправились к своим

сородичам у Диярбакыра. Затем египтяне оккупировали всю Палестину, и к осени граница их владений пролегла в районе переправы через Собачью реку у морского побережья чуть севернее Бейрута. Тем временем они отстроили фортификации в Иерусалиме.

Местные арабские династии Северной Сирии тоже чрезвычайно обрадовало падение тюрок, и они были готовы договориться с франками. Даже эмир Хамы, тесть Ридвана, и эмир Хомса, который храбро сражался за Кербогу, отказались от мыслей о противодействии франкам. Но более важным для крестоносцев было отношение двух ведущих арабских династий — Мункизитов Шайзара и Бану Аммар в Триполи. Первые владычествовали над страной, которая лежала непосредственно на пути у крестоносцев, от Оронта до берега моря, а вторые — над территорией по линии берега от среднего Ливана до границы владений Фатимидов. Крестоносцам, чтобы продолжать наступление, было очень важно заручиться их дружбой или по меньшей мере нейтралитетом.

От Мааррат-ан-Нумана Раймунд проследовал в Кафартаб примерно в 12 милях (около 20 км) южнее. Там он прождал до 6 января, пополняя запасы провизии, и там к нему присоединились Танкред и Роберт Нормандский. Туда же прибыли послы от эмира Шайзара с предложением предоставить крестоносцам проводников и пропитание по сходной цене, если они мирно пройдут через его земли. Раймонд согласился, и семнадцатого числа проводники эмира провели армию через Оронт между Шайзаром и Хамой и вверх по долине Сарута. Местные жители, желая сберечь свои стада, увели их в долину, примыкавшую к Саруту, но один из проводников по ошибке привел туда франков. Пастухи и крестьяне были не в силах помешать франкам систематически угонять у них скот. Комендант крепости, господствовавшей над долиной, счел самым разумным откупиться от них. Добыча оказалась настолько богатой, что несколько рыцарей отправились продать свою долю в Шайзаре и Хаме в обмен на вьючных лошадей, которых они накупили целую тысячу. Арабские власти позволяли им беспрепятственно заходить в города и покупать товары.

Сирия во времена Первого крестового похода

Во время пополнения запасов Раймунд и его капитаны устроили совет, чтобы обсудить, каким путем идти дальше. Сам Раймунд склонялся к тому, чтобы двигаться прямо на запад через хребет Ансария, чтобы как можно быстрее добраться до

побережья. Латакия уже находилась в руках христиан, и, если Раймунд овладеет побережьем, он сможет поддерживать связь с Антиохией и получать продовольствие от византийских властей на Кипре, с которыми был в хороших отношениях. Но, как указал Танкред, чтобы наверняка обеспечить себе дорогу вдоль моря, необходимо будет по пути захватить все крупные крепости побережья. В то время армия насчитывала всего тысячу рыцарей и пять тысяч пехоты. Как можно с такой численностью вести осадную войну? Им надо, утверждал он, идти прямо на Иерусалим, чтобы не брать приморских крепостей. Если они захватят Иерусалим, то не только получат подкрепления из Европы, которые хлынут после известия о победе, но и мощные города — Триполи, Тир и Акра — уже не будут пытаться с ними воевать. Против его предложения можно было привести тот довод, что вся местность между Ливаном и пустыней находилась в руках Дукака Дамасского, который, в отличие от арабских князей, без всяких сомнений будет мешать крестоносцам. В конце концов было решено идти дальше юг, на побережье, через Аль-Букайю, равнину между Ансарийским хребтом и Ливаном, так как это единственный легкий путь из внутренних районов Сирии к морю, который дает возможность не тратить времени на захват вражеских крепостей.

22 января крестоносцы подошли к городу Масьяф, чей правитель поспешил заключить с ними договор. Оттуда они повернули на юго-юго-восток, чтобы обойти горный массив Джебель-Хелу. На следующий день они подошли к городу Рафанийя, который нашли обезлюдившим, но полным еды и питья и всего необходимого. Они пробыли там три дня, а затем отправились к Аль-Букайе. Над равниной господствовала огромная крепость Хосн-аль-Акрад, «Замок курдов», построенная на высоте, где сейчас возвышаются развалины Крак-де-Шевалье. Местные жители угнали весь скот за ее стены, и крестоносцы решили ее взять, но не по стратегическим соображениям, а только ради того, чтобы восполнить запасы. 28 января они атаковали укрепления. Однако обороняющиеся, уже знакомые с их привычками, открыли ворота и выпустили часть скота. Франки так торопились поймать всю эту добычу, что разошлись по сторонам, и отряд, сделав вылазку из замка, не только не дал им вновь собраться вместе, но еще и захватил самого графа Раймунда, покинутого личной гвардией. На следующий день франки, пристыженные, что купились на уловку, запланировали решительный штурм, но, дойдя до стен замка, обнаружили, что за ночь он опустел. Там еще оставалось

немало добычи, и крестоносцы устроились там на три недели, пока командиры снова совещались о дальнейшей стратегии. Там же франки встретили и праздник Сретения.

Пока Раймунд находился в Хосн-аль-Акраде, к нему явились посланцы от эмира Хамы, которые предложили ему дары и обещали не нападать. За ними пришли посланцы от эмира Триполи. Этот эмир, Джалал аль-Мульк Абу-ль-Хасан из Бану Аммар, династии, известной больше своей ученостью, чем воинственным пылом, хранил независимость своего эмирата, играя на вражде сельджуков с Фатимидами. Когда могущество тюрок пошло на убыль, он был готов поддержать франков, чтобы не допустить возрождения египтян. Раймунду предложили прислать своих переговорщиков в Триполи, чтобы обсудить условия прохода крестоносцев и принести тулузские знамена, которые эмир развернет над городом. Процветающий Триполи и окружающая местность весьма впечатлили франкских послов, которые по возвращении в лагерь дали Раймунду такой совет: если он покажет свою силу, взяв какую-нибудь из крепостей эмирата, эмир наверняка уплатит ему немалые деньги, чтобы купить неприкосновенность для остальных своих владений. Раймунд, который нуждался в деньгах, послушался их совета и приказал армии атаковать город Арку примерно в 15 милях (около 24 км) от Триполи, откуда Аль-Букайя открывает дорогу на побережье. Он прибыл под ее стены 14 февраля.

Между тем, торопясь установить связь с гарнизоном в Латакии и морем, Раймунд убедил Раймунда Пиле и Раймунда, виконта Тюренна, нанести внезапный удар по Тортосе, прекрасной гавани между Латакией и Триполи. Оба Раймунда с небольшим контингентом поспешили на запад и прибыли к городу после наступления темноты 16 февраля. Они разожгли множество костров вокруг стен, чтобы произвести впечатление, будто их гораздо больше, чем было на самом деле. Уловка сработала. Правитель Тортосы, подданный эмира Триполи, так сильно перепугался, что ночью покинул город по морю вместе с гарнизоном. На следующее утро ворота города открылись для франков. Получив известие об их победе, правитель Маркийе в 10 милях (около 16 км) к северу поспешил признать верховную власть Раймунда. Взятие Тортосы весьма способствовало успеху Крестового похода. Оно открыло легкое сообщение по морю с Антиохией и Кипром, а также с Европой.

Этот успех вызвал зависть у крестоносцев, оставшихся в Антиохии, и заставил их последовать за Раймундом на юг. Примерно в конце февраля Готфрид Лотарингский, Боэмунд и Роберт Фландрский выступили из Антиохии в Латакию. Там Боэмунд повернул назад. Он посчитал, что в конце концов ему будет разумнее укрепиться в Антиохии, если вдруг император весной двинется в Сирию. Готфрид и Роберт отправились осаждать небольшой портовый город Джабалу. Пока они находились там, от Раймунда прибыл епископ Альбары, умоляя их присоединиться к нему у Арки.

Осада Арки не ладилась. Город был хорошо укреплен, оборона — отважна, а у Раймунда было недостаточно людей, чтобы взять его в плотное кольцо. Предостережение Танкреда о том, что армии не хватит сил штурмовать крепости, полностью оправдалось. Но как только Раймунд начал осаду, он уже не мог ее снять, опасаясь, что эмир Триполи поймет его слабость и перейдет к открытой вражде. Возможно, его солдаты не особенно старались. В лагере им жилось неплохо. Вокруг простирались плодородные поля, а через Тортосу стали прибывать новые припасы. После всего пережитого людям хотелось немного передохнуть. В начале марта прошел слух, что мусульмане собирают армию для освобождения Арки во главе с багдадским халифом. Слух оказался ложным, но он встревожил Раймунда и заставил его вызвать к себе Готфрида и Роберта Фландрского. Получив от него известие, Готфрид и Роберт заключили перемирие с эмиром Джабалы, который признал их владычество, и поспешили на юг к Арке. Свой приход они отметили нападением на окраины Триполи и успешными налетами на стада в Аль-Букайе, откуда они угоняли всевозможный скот, включая верблюдов.

Вскоре Раймунд пожалел, что обратился к ним. Он уже два месяца был общепризнанным вождем Крестового похода. Даже Танкред признал его авторитет в обмен на пять тысяч су. Но теперь ему пришлось звать на помощь соперников. Танкред, чей совет он проигнорировал, перебрался в лагерь Готфрида, сказав, что Раймунд заплатил ему недостаточно. Оба Роберта не выказывали особой охоты признавать Раймунда главой. Он попытался настоять на своих правах, чем вызвал возмущение, и начался общий раздор. Солдаты, видя, что их командиры рассорились, последовали их примеру и не желали сотрудничать друг с другом.

Вражда усугубилась с прибытием в начале апреля писем от императора. Алексей сообщал крестоносцам, что наконец он готов отправиться в Сирию. Если они подождут его до конца июня, то он будет с ними к Дню святого Иоанна и поведет их в Палестину. Раймунд хотел принять его предложение. Как верный союзник императора, он мог рассчитывать на его поддержку, которая помогла бы ему укрепиться на положении главы франкской армии. Среди его собственных людей было немало тех, кто, как Раймунд Ажильский, несмотря на всю неприязнь к византийцам, понимал, что прибытие императора по меньшей мере даст Крестовому походу вождя, с которым могли бы согласиться все именитые сеньоры. Однако большинству крестоносцев не терпелось идти на Иерусалим, да и никто из их предводителей не хотел оказаться под началом у императора. Раймунд не мог совладать с таким сильным общественным неприятием его планов. Вероятно, Алексей и не рассчитывал на то, что крестоносцы станут его дожидаться. Возмущенный их поведением в Антиохии, он уже принял решение хранить нейтралитет. Для византийского дипломата это означало не пассивную позицию, а поддержание отношений с обеими сторонами, чтобы остаться в выигрыше независимо от того, кто одержит победу. Он оставался на связи с египтянами, которые, скорее всего, обратились к нему, когда крестоносцы подошли к границам их владений, с вопросом, действуют ли они по поручению императора. В ответ Алексей открестился от похода, и у него для этого были серьезные причины. Поступки Боэмунда научили его тому, что на франков полагаться нельзя, да и Палестина его особо не интересовала. Она находилась за пределами тех земель, которые он рассчитывал вернуть в лоно империи. Его единственный долг состоял в защите православных христиан, для которых он был заступником. Вполне возможно, Алексей полагал, что им жилось бы лучше при веротерпимом правлении Фатимидов, нежели при франках, которые в Антиохии уже выказали явную враждебность к местному христианству. В то же время он не желал совсем рвать отношений с крестоносцами, которые еще могли оказаться полезными для империи. Позднее его переписка с Египтом попала в руки крестоносцев, которых до глубины души возмутило это доказательство его вероломства по отношению к ним, хотя их вероломство по отношению к нему казалось им разумным и правильным. Именно императора они винили в том, что послов, отправленных ими в Каир из Антиохии, продержали там так долго.

Эти послы вернулись к армии, стоявшей у Арки, несколько дней спустя, доставив последнее предложение Фатимидов о том, чтобы уладить дело миром. Если крестоносцы не будут пытаться силой вторгнуться на их территорию, то христианские паломники получают разрешение на беспрепятственный доступ к святым местам и власти сделают все возможное для того, чтобы облегчить им путешествие. Но предложение наотрез отвергли.

Несмотря на то что другие предводители франков хотели продолжать поход, Раймунд отказался уходить из-под Арки, не взяв ее. Чтобы довести дело до развязки, Пьер Бартелеми объявил, что 5 апреля ему явились Христос, святой Петр и святой Андрей и объявили, что нужно немедленно штурмовать Арку. Большинству крестоносцев уже надоели откровения Пьера, которые они считали политической хитростью графа Раймунда. Часть северных французов под предводительством Арнульфа из Рё, капеллана Роберта Нормандского, теперь открыто заявляли, что не верят ему, и даже усомнились в подлинности копыя, заметив, что и сам Адемар Пюиский вовсе не был в ней убежден. Провансальцы объединились в поддержку Пьера. Этьен Валанский напомнил соратникам о его видении под Антиохией. Раймунд Ажилский рассказал, как он облобызал копьё, пока то еще находилось в земле. Другой священник, Пьер Дезидерий, поведал, что Адемар после смерти явился ему и описал свои муки в адском огне, до которого довели его сомнения. По словам еще одного священника по имени Эввар, когда он по делам приезжал в Триполи во время осады Антиохии тюрками, тамошний сириец рассказал ему о видении, в котором святой Марк упоминал о копьё. Епископ Аптский, который раньше не верил в копьё, объявил, что и ему было видение, которое заставило его передумать. Некий Бертран из Ле-Пюи, служивший при самом Адемаре, сообщил, что перед ним предстали епископ и его знаменосец и признали подлинность копыя. Перед лицом столь неопровержимых доказательств Арнульфу пришлось публично заявить о том, что он убежден; но его друзья продолжили сомневаться во всей этой истории, пока наконец Пьер Бартелеми не потребовал испытания огнем, чтобы защитить себя от обвинений во лжи. Что бы там ни было на самом деле, нам совершенно ясно, что в то время он сам уже твердо верил в то, что видения посылаются ему Богом.

Испытание состоялось в Великую пятницу 8 апреля. В узком проходе сложили две поленницы, епископы благословили

их, и затем их подожги. Пьер Бартелеми, одетый в одну рубаху, держа в руке копье, бросился в языки пламени. Из них он вышел со страшными ожогами и упал бы назад в огонь, если бы его не подхватил Раймунд Пиле. Двенадцать дней он пролежал в ужасных муках, а потом умер от полученных ран. Испытания полностью дискредитировало копье, разве только не в глазах провансальцев, которые заявляли, что Петр благополучно прошел через огонь, но его окружила восторженная толпа, стремясь прикоснуться к его священной рубахе, и втокнула его обратно в пламя. Граф Раймунд по-прежнему держал копье у себя в часовне со всеми знаками почтения^[79].

Армия задержалась у Арки еще на месяц, прежде чем Раймунда удалось убедить снять осаду. Она стоила многих жизней, погиб в том числе и Ансельм Рибмонский, чьи письма к его ленному сеньору — архиепископу Реймскому подарили нам красочное описание Крестового похода^[80]. 13 мая Раймунд уступил уговорам товарищей и со слезами на глазах приказал лагерю сниматься; и вся рать двинулась к Триполи. Затем крестоносцы стали совещаться, каким путем идти дальше. Сирийцы сообщили Раймунду, что легкая дорога идет через Дамаск, но, хотя там хватает продовольствия, очень мало воды. На дороге через Ливан не будет недостатка в воде, но она трудна для вьючных животных. Третьим вариантом было идти вдоль побережья, но там много мест, где проход могла преградить даже горстка врагов. Однако из местных пророчеств следовало, что избавители Иерусалима придут по берегу моря. Этой дорогой и решили идти, не столько из-за пророчеств, сколько из-за того, что она позволяла поддерживать связь с английским и генуэзским флотами, которые теперь крейсировали по левантийским водам.

Когда крестоносцы приблизились к Триполи, тамошний эмир поспешил купить неприкосновенность для своей столицы и ее предместий тем, что отпустил триста пленных христиан, находившихся в городе. К ним он присовокупил пятнадцать тысяч безантов и пятнадцать превосходных лошадей, а также предоставил вьючных животных и провиант для всей армии, включая корм для животных. Сообщается и о том, что он обещал принять христианство, если франки победят Фатимидов.

В понедельник 16 мая крестоносцы отошли от Триполи в сопровождении предоставленных эмиром проводников, которые благополучно провели их по опасной дороге вокруг мыса Рас-

Шакка. Мирно пройдя через подвластные эмиру города Батрун и Джебейль, они 19 мая достигли границ фатимидских владений на Собачьей реке. Фатимиды не держали войск на своей северной территории, за исключением небольших гарнизонов в городе на побережье, однако владели значительным флотом, который мог предоставить дополнительную оборону для этих городов. Таким образом, хотя крестоносцы не встретили по пути никакого сопротивления, они не могли рассчитывать на захват ни единого порта, мимо которого проходили, и христианский флот уже не мог поддерживать с ними связь. Страх остаться без еды и воды гнал их вперед, к конечной цели.

Когда латиняне подошли к Бейруту, местные жители, боясь, как бы те не разорили окружающие город роскошные сады, поспешили задобрить их подарками и обещали свободный проход по своей земле при условии, что их плодовые деревья, виноградники и посевы не пострадают. Крестоносцы согласились и быстро повели армию дальше к Сидону, к которому подошли 20 мая. Сидонский гарнизон оказался крепче и совершил вылазку, как только они разбили лагерь на берегу реки Нахр-аль-Авали. Крестоносцы отразили нападение и в ответ разорили сады в окрестностях города. Но затем они со всей поспешностью отправились дальше, к Тиру, где прождали два дня, чтобы их могли догнать Балдуин Бургский и некоторые рыцари из Антиохии и Эдессы. Благодаря рекам и пышной растительности это было прекрасное место для передышки. Гарнизон Тира оставался за стенами и не беспокоил европейцев. Армия отошла от Тира двадцать третьего числа и без труда преодолела проход под названием Лестница Тира и высоты Накуры и 24 мая прибыла к Акре. Тамшний правитель по примеру эмира Бейрута обеспечил неприкосновенность плодородных ферм вокруг города, щедро снабдив крестоносцев провизией. От Акры армия направилась к Хайфе и дальше вдоль побережья под горой Кармель в Кесарию, где провела четыре дня, с 26 по 30 мая, чтобы отпраздновать Троицу. Пока она стояла там, произошел один случай: ястреб убил голубя, и тот упал возле палатки епископа Аптского. На голубе нашлось послание от правителя Акры, в котором он настраивал палестинских мусульман против захватчиков.

Когда поход возобновился, он пошел вдоль линии берега до Арсуфа, где армия повернула вглубь страны и прибыла к Рамле 3 июня. Рамлу, в отличие от большинства городов Палестины, населяли мусульмане. До нашествия тюрок она была

административной столицей провинции, но за последние годы пришла в упадок. Приближение крестоносцев встревожило местных жителей, гарнизон был малочислен, и к тому же они находились слишком далеко от моря, чтобы рассчитывать на помощь египетского флота. Они всем скопом бежали из своих домов на юго-запад, но сначала в знак неповиновения снесли церковь Святого Георгия, стоявшую в разрушенной деревне Лидда в миле от Рамлы. Когда Роберт Фландрский и Гастон Беарнский подъехали к городу в первых рядах крестоносной армии, они нашли улицы безлюдными, а дома опустевшими.

Оккупация мусульманского города в самом сердце Святой земли привела крестоносцев в состояние эйфории. Они сразу же поклялись отстроить церковь Святого Георгия, превратить из Рамлы и Лидды сеньорию и сделать святого Георгия ее покровителем, а также основать новую епархию, чей епископ и стал бы ее сеньором. Для этой роли выбрали нормандского священника Роберта Руанского. Как и в Альбаре, это означало не замещение греческого иерарха латинским, а учреждение новой епархии на отвоеванной у мусульман территории. Это назначение показало: крестоносцы в целом склонялись к тому, что завоеванные территории следует отдать под власть церкви. Роберта оставили распоряжаться в Рамле с небольшим гарнизоном для обороны. А тем временем вожди стали спорить о том, что делать дальше, поскольку некоторые из них считали неразумным атаковать Иерусалим в самый разгар лета. Лучше, утверждали они, предпринять наступление против реального врага — Египта. Пообсуждав варианты, их совет отвергли, и 6 июня армия вновь двинулась на Иерусалим.

Из Рамлы она направилась по старой дороге, которая петляет среди холмов Иудеи к северу от того места, где ныне пролегает магистраль. Когда армия проходила через селение Эммаус, к ее главам явились послы из города Вифлеема. В нем жили одни христиане, и они молили крестоносцев избавить их от мусульманского ига. Танкред и Балдуин Бургский немедленно отделились от основной армии и с небольшим отрядом рыцарей помчались среди холмов к Вифлеему. Они прибыли посреди ночи, и напуганные жители сначала подумали, что это египетские войска пришли усилить оборону Иерусалима. Когда рассвело и в рыцарях узнали христиан, весь город вышел на крестный ход со всеми святынями и крестами из церкви Рождества приветствовать своих избавителей, целуя им руки.

Пока они возвращали место рождения Христа под власть христиан, главные христианские силы весь день и всю наступившую ночь упорно шагали к Иерусалиму. Их воодушевило затмение луны — оно предвещало затмение мусульманского полумесяца. На следующее утро из Вифлеема вернулась сотня рыцарей Танкреда и присоединилась к товарищам. Несколько позже крестоносцы доехали до верхней точки пути у мечети пророка Ишмаила (Самуила), на вершине горы, которую паломники называли Монжуа^[81]; а вдали перед ними вздымались стены и башни Иерусалима. Вечером того же дня, во вторник 4 июня 1099 года, христианская армия стала лагерем перед Святым градом.

Глава 2. Триумф Креста

*Воскликните Богу гласом радости; ибо
Господь Всевышний страшен.*

Псалом 46: 2–3

Иерусалим был одной из величайших крепостей средневекового мира. Еще со времен иевусеев^[82] город славился своей мощью, которую человеческое искусство только усилило за прошедшие века. Стены, под которыми остановились крестоносцы, проходили там же, где позднее османский султан Сулейман Великолепный воздвиг те стены, которые окружают старый город и по сей день. Они были размечены при Адриане, когда он перестраивал город, и византийцы, Омейяды и Фатимиды по очереди достраивали и ремонтировали их. На востоке стену защищали крутые склоны Кедронской долины. На юго-востоке склоны спускались к долине Еннома. Третья долина, лишь чуть менее глубокая, пролегала у западной стены. И лишь на юго-западе, где стена вдавалась в гору Сион, и по всей длине северной стены условия местности благоприятствовали штурму укреплений. Цитадель — Башня Давида — находилась на полпути вдоль западной стены, господствуя над дорогой, которая шла наискось вверх по холму к Яффским воротам. Хотя в городе не было источников воды, обширная система водохранилищ обеспечивала достаточный ее запас. А римская канализация, используемая и в XX веке, не допускала возникновения эпидемий.

Обороной города командовал Ифтикар ад-Даула, поставленный Фатимидами. Стены находились в хорошем состоянии, а также он располагал сильным гарнизоном из арабских и суданских войск. Узнав о приближении франков, он принял меры предосторожности: засыпал или отравил загородные колодцы и увел стада с окрестных пастбищ в безопасные места. Затем он приказал всему христианскому населению города, православным и

еретикам, уйти за стены. Евреям, однако, разрешили остаться внутри. Это был хитрый ход. В X веке христиан в Иерусалиме было больше, чем мусульман, и, хотя из-за гонений, устроенных халифом аль-Хакимом, их число сократилось и хотя еще многие, включая большую часть православного духовенства, уехали вместе с патриархом в трудные времена после смерти Ортока, их оставались еще тысячи человек, бесполезных в качестве солдат, так как им было запрещено носить оружие, и ненадежных в бою с единоверцами-христианами. Более того, выдворение их за стены означало, что в осажденном городе нужно будет кормить меньше ртов. В то же время Ифтикар незамедлительно послал в Египет за помощью^[83].

Даже если бы рельеф местности позволял это, у крестоносцев было недостаточно сил, чтобы окружить весь город. Они сконцентрировали внимание на секторах, где могли подобраться ближе к стенам. Роберт Нормандский занял позиции вдоль северной стены напротив Цветочных ворот (Ворот Ирода), а Роберт Фландрский — справа от него, напротив Ворот Колонны (Святого Стефана или Дамасских ворот). Готфрид Лотарингский занял участок от северо-западного угла города вплоть до самых Яффских ворот. Там к нему присоединился Танкред, который подъехал, когда армия уже заняла места, и привел с собой стада, захваченные по дороге из Вифлеема. К югу от него стоял Раймунд Тулузский, который через два дня передвинулся повыше, на гору Сион, поняв, что в долине он будет находиться слишком далеко от стен. Восточный и юго-восточный сектора остались без присмотра.

Осада началась 7 июня, в тот же самый день, как только крестоносцы прибыли под иерусалимские стены. Но вскоре стало ясно, что время играет на руку осажденным. У Ифтикара были хорошие запасы воды и провианта. Он был лучше вооружен, чем франки, а также не забыл укрепить башни мешками с хлопком и сеном, которые позволяли им выдерживать бомбардировку франкских патерелл. Если бы он продержался до тех пор, пока не подойдет армия из Египта, с Крестовым походом

было бы покончено. Но, как бы ни был велик иерусалимский гарнизон, его еле-еле хватало для того, чтобы поставить людей на все стены. Крестоносцы со своей стороны вскоре стали испытывать трудности с водой. Меры, принятые Ифтикарсом, оказались весьма эффективны. Единственные доступные для осаждающих источники чистой воды находились близ Силоама под южными стенами и хорошо простреливались из города. Чтобы пополнить запасы воды, франкам приходилось проделывать путь примерно в 6 миль (около 10 км), а то и больше. Зная это, гарнизон высылал небольшие отряды, которые устраивали засады на тропинках к источникам. Множество крестоносцев и паломников погибло в этих внезапных нападениях. Продовольствие тоже начало подходить к концу, поскольку рядом с городом раздобыть было нечего. Жара, пыль и отсутствие тени добавляли франкам неудобств, ибо они явились из стран с более прохладным климатом и многие носили доспехи, не подходящие для иудейского лета. Им было ясно, что они не могут позволить себе долгой осады, а должны быстро взять город приступом.

12 июня главы крестоносцев отправились в паломничество на Масличную гору. Там к ним обратился престарелый отшельник, призывая их атаковать стены на следующее же утро. Они возразили, что у них нет орудий для успешного штурма, но отшельник не желал ничего слушать. Если у них есть вера, сказал он, то Бог дарует им победу. Воодушевленные его словами, они объявили по войскам, что завтра утром состоится общее наступление. Но либо отшельник ошибся, либо их вера была слабовата. Крестоносцы пошли в атаку с огромным пылом и вскоре овладели внешними укреплениями северной стены. Но у них было слишком мало лестниц, чтобы взобраться на стены одновременно на разных участках. После нескольких часов отчаянной схватки они поняли, что все их попытки бессмысленны, и отступили.

Провал штурма вызвал горькое разочарование, но стало ясно, что нужно больше осадных орудий. 15 июня на совете было решено не предпринимать наступательных

действий до тех пор, пока они не соорудят больше лестниц и патерелл. Но материала для их строительства не хватало. Как и в Антиохии, дело спасла своевременно подошедшая с моря помощь. 17 июня шесть христианских судов вошли в гавань Яффы, которую, как оказалось, покинули мусульмане. Эскадра состояла из двух генуэзских галер братьев Эмбриако и еще четырех кораблей, вероятно, английской флотилии. Они привезли еду и снаряжение, в том числе веревки, гвозди и болты, необходимые для изготовления осадных машин. Услышав об их прибытии, крестоносцы сразу же послали небольшой отряд установить с ними связь. У Рамлы их войска попали в засаду мусульман, действовавших из Аскалона, и спас их только приход Раймунда Пиле с его людьми, которые шли за ними по пятам. Тем временем у берега появился египетский флот и заблокировал гавань Яффы. Один из английских кораблей проскользнул сквозь блокаду и уплыл назад в Латакию. Другие корабли были покинуты экипажами сразу же после выгрузки запасов на берег, и моряки вместе с Раймундом Пиле отправились в лагерь под Иерусалимом. Там с радостью встретили и их самих, и привезенные ими материалы. Но еще оставалось найти дерево для строительства орудий. На голых холмах вокруг города росло мало деревьев, и крестоносцам пришлось рассылать отряды на многие мили для сбора всего необходимого. Только когда Танкред и Роберт Фландрский вместе со своими войсками добрались до самых лесов близ Самарии и вернулись, нагруженные бревнами и досками, которые тащили верблюды и пленные мусульмане, можно было приступить к работе над орудиями для осады. Франки сколотили лестницы, а Раймунд и Готфрид начали сооружать деревянную башню с катапультами на колесах. Гастон Беарнский отвечал за строительство башни Готфрида, а Гийом Рикю — башни Раймунда.

Но работа шла медленно, и франки между тем ужасно страдали от жары. Много дней подряд дул сирокко^[84], смертельно изматывая нервы тех, кто был к нему непривычен. Доставать воду становилось все труднее.

Вьючные животные, крупный и мелкий скот, которых раздобыли крестоносцы, каждый день умирали от жажды. В поисках воды отряды доходили до самого Иордана. Местные христиане были настроены к ним хорошо и провожали их к родникам и лесам в окружающей местности; но не было никакой возможности помешать мусульманам из гарнизона или окрестных земель устраивать фуражные вылазки и засады. Среди предводителей похода снова начались дразги, первым делом из-за того, кому владеть Вифлеемом. Город освободил Танкред и водрузил свое знамя над церковью Рождества. Но духовенство и его соратники-соперники считали, что столь святое место не может находиться в руках одного сеньора, притом мирянина. Танкред упорно отстаивал свои притязания на Вифлеем, и, хотя общественное мнение было против него, решение вопроса отложили на потом. Затем начались споры о будущем статусе Иерусалима. Кое-кто из рыцарей предлагал назначить короля, но священники единодушно сопротивлялись, говоря, что не может быть христианин королем в городе, где был коронован терновым венцом и претерпел крестные муки сам Христос. Здесь общественное мнение снова было на стороне священников, и дальнейшие обсуждения опять отложили. Затем физические страдания вместе с унынием из-за неудачной попытки штурма и возобновившиеся ссоры между высокими сеньорами заставили многих христиан покинуть Крестовый поход даже из-под стен Иерусалима. Они всем скопом направились к Иордану, чтобы снова окреститься в священной реке, а затем, собрав с его берегов пальмовые ветви, пошли напрямиком в Яффу, надеясь найти корабли, которые доставили бы их назад в Европу.

В начале июля в лагере стало известно, что из Египта на выручку Иерусалиму выступила огромная армия. Франкские вожди поняли, что медлить больше нельзя. Но их войска пали духом. И тогда укрепить их снова явились гости с того света. Утром 6 июля священник Пьер Дезидерий, который уже прежде свидетельствовал, что видел епископа Адемара после смерти, пришел к брату

Адемара Гийому Гуго Монтейльскому и своему же сеньору Изоарду из Гапа и сказал, что опять разговаривал с епископом. Адемар велел крестоносцам отказаться от корыстных планов, поститься в течение некоторого времени и босыми обойти с крестным ходом вокруг стен Иерусалима. Если они сделают это с покаянным сердцем, то в течение девяти дней возьмут Иерусалим. Когда Пьер Дезидерий говорил, что видел, будто Адемар мучился в адском огне за сомнения в Святом Копье, большинство ему не поверило, но сейчас, может быть, потому, что любимый епископ предстал в более возвышенном свете, а также и потому, что его поддержали монтейльские родственники, армия ничуть не усомнилась в истинности видения. Все с готовностью повиновались указаниям Адемара. Вожди приказали войскам поститься в течение следующих трех дней, и армия неуклонно придерживалась поста. В пятницу 8 июля по дороге, окружавшей город, прошла торжественная процессия. Первыми шли епископы и священники с крестами и святыми реликвиями. Следом за ними шли великие сеньоры и рыцари, потом пехота, а замыкали процессию паломники. Все шли босыми. Мусульмане собрались на стенах и потешались над ними, но они упивались насмешками врага и, завершив круг, взошли на Масличную гору. Там перед ними проповедовал Петр Пустынный, а потом капеллан Раймунда Раймунд Ажилский и капеллан Роберта Нормандского Арнульф из Рё, который тогда считался самым блестящим проповедником во всей армии. Своим красноречием ораторы тронули и воодушевили христианскую рать. Даже Раймунд и Танкред забыли о своих ссорах и поклялись вместе сражаться за Крест.

Энтузиазм все не утихал. В следующие два дня, несмотря на страшную жажду, солдаты упорно трудились над строительством грандиозных осадных башен. В этом им оказало неоценимую помощь мастерство гонуэзцев под руководством Гийома Эмбриако, и даже старики и женщины вносили свою лепту, сшивая воловьи и верблюжьи шкуры и прибывая их к открытым частям деревянных конструкций для защиты от греческого огня, который применяли сарацины. К 10 июля конструкции

были готовы, и их прикатили в назначенные места, одну против северной стены, другую — на гору Сион. Третью, размером немного меньше, поставили напротив северо-западного угла укреплений. Строительные работы тщательно скрывались от глаз мусульманского гарнизона, и тот был поражен и напуган, увидев, что им противостоят такие внушительные крепости. Правитель Ифтикар поспешил укрепить слабые участки обороны, и осадные башни упорно обстреливали камнями и жидким огнем, чтобы не дать им приблизиться к стенам.

Было решено начать штурм в ночь с 13 на 14 июля. Основное наступление предполагалось начать одновременно с горы Сион и восточного сектора северной стены, а на северозападном углу будет предпринята ложная атака. По сведениям, которые приводит Раймунд Ажилский, а его цифрам можно доверять, боеспособные войска на тот момент составляли 12 тысяч пехотинцев и 1200–1300 рыцарей. Помимо них, было еще множество паломников, чье число он даже не пытается оценить, мужчин, слишком старых или слишком немощных, чтобы сражаться, а также женщин и детей. Первым делом нападающие должны были подвести деревянные башни к стенам, а для этого нужно было заполнить проходивший вдоль них ров. Всю ночь и весь день 14 июля крестonosцы упорно выполняли поставленную задачу, тяжело страдая от обстрела с укреплений, откуда их заваливали камнями и снарядами с жидким огнем, и отвечая тяжелой бомбардировкой из собственных патерелл. К вечеру четырнадцатого числа людям Раймунда удалось подвести свою башню через ров к стене. Но оборона была по-настоящему яростной, ведь этим сектором, по-видимому, командовал сам Ифтикар. Раймонду не удалось закрепиться у стены. На следующее утро башня Готфрида подошла к северной стене, рядом с теперешними Цветочными воротами. Готфрид и его брат Эсташ Булонский командовали с верхнего этажа. Около полудня им удалось перекинуть мост от башни до верха стены, и два фламандских рыцаря, Литольд и Гильберт из Турне, во главе отряда отборных лотарингских бойцов перебрались на стену, а за ними вскоре последовал и сам Готфрид. Как

только этот участок стены был захвачен, множество нападающих получило возможность взобраться по лестницам в город. Пока Готфрид оставался на стене, воодушевляя новоприбывших и отдавая приказ открыть Ворота Колонны для основных сил крестоносцев, Танкред со своими людьми, которые следовали по пятам за лотарингцами, проник на улицы города. Мусульмане, видя, что оборона прорвана, бросились бежать в Аль-Харам-аш-Шариф — на Храмовую гору, где стоят «Купол скалы» и мечеть Аль-Акса, чтобы засесть в мечети и обороняться в ней как в своем последнем оплоте. Но им не хватило времени организовать оборону. Когда мусульмане столпились в здании и на крыше, на них налетел Танкред. Они сразу же сдались ему, пообещав огромный выкуп, и взяли его знамя, чтобы поднять над мечетью. Танкред уже осквернил и разграбил «Купол скалы». Тем временем жители города в смятении бросились в южные кварталы, где Ифтикар еще держался под натиском Раймунда. Вскоре после полудня он понял, что все потеряно. Он отступил в Башню Давида, которую предложил сдать Раймунду в придачу с немалыми сокровищами в обмен на жизнь для себя и своей гвардии. Раймунд согласился и занял башню. Ифтикара и его людей благополучно проводили из города и позволили присоединиться к мусульманскому гарнизону в Аскалоне^[85].

Это были единственные мусульмане города, которым удалось спастись. Крестоносцы, обезумевшие от такой великой победы после таких огромных страданий, бросились по улицам, врываясь в дома и мечети, убивая всех встречных без разбору, мужчин, женщин, детей. В тот день и всю ночь резня не утихала. Знамя Танкреда не защитило беженцев в Аль-Аксе. Рано утром банда крестоносцев ворвалась в мечеть и всех перебила. Когда Раймунд Ажильский позднее в то же утро пошел на Храмовую гору, ему приходилось с трудом пробираться между трупов и потоков крови, которая местами доходила до колен.

Иерусалимские евреи бежали в свою главную синагогу. Но их посчитали пособниками мусульман и не выказали к ним никакого милосердия. Здание спалили со всеми, кто в нем находился.

Бойня в Иерусалиме глубоко потрясла весь мир. Никто не мог сказать, сколько народу в ней полегло, но после нее в Иерусалиме не осталось ни одного жителя — мусульманина или иудея. Даже из христиан многие пришли в ужас от произошедшего, а мусульмане, которые до тех пор готовы были признать франков новым фактором в политических хитросплетениях той эпохи, отныне твердо решили любой ценой выдворить франков вон. Именно это кровавое доказательство христианского фанатизма вернуло к жизни фанатичный ислам. Когда впоследствии более дальновидные латиняне на Востоке пытались найти какие-то точки соприкосновения между христианами и мусульманами, у них на пути всегда стояла память о резне в Иерусалиме.

Когда в живых не осталось ни одного мусульманина, главы крестоносцев торжественно проследовали через опустевший христианский квартал, заброшенный с того самого дня, как Ифтикар выгнал из города его жителей, и возблагодарили Бога в храме Гроба Господня. Потом, 17 июля, они встретились на совете, чтобы назначить в завоеванный город правителя.

Тот, с чьей кандидатурой охотно согласились бы все, уже умер. Вся армия горевала из-за того, что епископ Адемар Пюиский не дождался дня, когда смог бы увидеть своими глазами победу того дела, которому он служил. Невозможно было поверить, что он ее не увидел. Солдат за солдатом свидетельствовал о том, что в первых рядах штурма сражался воин, в ком они узнали черты епископа. Да и другие из тех, кто возрадовался бы победе, не дождались счастливой вести. Симеон, патриарх Иерусалимский, умер за несколько дней до взятия города в изгнании на Кипре. Далек в Италии зачинатель всего Крестового похода лежал при смерти. 29 июля 1099 года, спустя две недели после того, как его воины вошли в

Святой город, но еще до того, как известия успели добраться до Рима, папа Урбан II отдал Богу душу.

Глава 3. Защитник Гроба Господня

В те дни не было царя у Израиля.

Книга судей Израилевых, 17: 6

Цель была достигнута. Христиане вернули себе Иерусалим. Но как его сохранить? Какое правительство в нем поставить? Теперь уже нельзя было откладывать вопрос, над которым не мог не задумываться в глубине души каждый крестоносец. Видимо помня, что Крестовый поход задумывался церковью ради вящей славы Христа, люди чувствовали, что именно церкви и должна принадлежать верховная власть над ним. Будь жив Адемар Пюиский, нет никаких сомнений, что именно от него ждали ли бы решения о том, как устроить Иерусалим и кто будет в нем распоряжаться. Его любили и уважали, и он знал, чего хочет папа Урбан. Вероятно, ему мыслилось церковное государство во главе с патриархом Симеоном, в котором сам он, как папский легат, был бы его советником, а Раймунд Тулузский его светским защитником и командующим армией. Но мы не можем утверждать, что точно знаем его намерения, ибо они погибли вместе с ним. Папа Урбан успел назначить легата ему на смену, о чем еще не было известно участникам Крестового похода, — Даимберта Пизанского^[86]. Даимберт отличался таким личным тщеславием и в то же время так легко поддавался чужому влиянию, что его никак нельзя считать выразителем папской политики. Так у Крестового похода не осталось никого, на чей совет он мог бы положиться беспрекословно.

17 июля лидеры встретились для решения непосредственных административных вопросов. Из домов и с улиц нужно было убрать трупы и организовать их уничтожение. Городские кварталы следовало разделить между солдатами и паломниками. Также надо было подготовиться к неминуемой попытке египтян отбить город. Помимо того, обсуждался вопрос, разрешить ли

Танкреду оставить себе все захваченные ценности, среди которых были восемь огромных серебряных ламп, которые он вынес из «Купола скалы». Потом кто-то сказал, что нужно выбрать короля. Священники и епископы тут же воспротивились. Сначала следует позаботиться о духовных нуждах. Прежде чем выбирать короля, надлежит назначить патриарха, который и возглавит выборы. Гийом Тирский, писавший свою хронику почти век спустя, когда Иерусалимское королевство стало общепризнанным, считал этот протест, хотя и сам был архиепископом, скандальной попыткой церковников выйти за пределы своих полномочий. Однако в то время их предложение отвергли лишь потому, что высказавшие его сами были недостойными церковниками. Патриарх был необходим. Если бы Симеон не умер, крестоносцы признали бы его права. Адемар хорошо относился к нему, и франки сохранили благодарную память о том, что он безвозмездно присылал им продовольствие во время осады Антиохии. Однако для них был неприемлем ни один другой греческий или сирийский иерарх. Более того, никто даже не мог предъявить притязания на патриарший престол, ведь все сановники православной церкви последовали в изгнание за патриархом. Нужно было поставить вместо него латинянина, но среди западного духовенства не нашлось ни одной значительной фигуры. После смерти Адемара самым уважаемым из епископов был Гийом Оранжский, но и он погиб в Мааррат-ан-Нумане. На тот момент самым деятельным из иерархов стал итальянский нормандец Арнульф, епископ Мартуранский. Он предложил сделать патриархом его друга — Арнульфа Малекорна из Рё, капеллана Роберта Нормандского, а самого его сделать архиепископом Вифлеемским. Арнульф из Рё ничем не успел прославиться. Он был наставником дочери Вильгельма Завоевателя, монахини Цецилии, и она же уговорила брата Роберта взять его с собой и пообещать ему епископство. Он был прекрасным проповедником и литератором, но считался человеком излишне светским, а кроме того, его помнили как недоброжелателя Пьера Бартелеми. Более того, вся эта схема производила впечатление заговора нормандцев. Южнофранцузские

священники, которых, разумеется, поддержал Раймунд Тулузский, упорно не соглашались на нее, и предложение о том, чтобы выбрать патриарха раньше, чем короля, было отвергнуто^[87]. Весь этот эпизод был не настолько важен, как думал Гийом Тирский. Как показало будущее, общественное мнение все еще было на стороне церкви в ее спорах со светской властью.

Следующие дни победители посвятили интригам вокруг выборов короля. Из великих сеньоров, которые отправились с походом из Константинополя, осталось только четверо: Раймунд Тулузский, Готфрид Лотарингский, Роберт Фландрский и Роберт Нормандский. Эсташ Булонский всегда держался в тени за спиной брата Готфрида, а Танкред, несмотря на всю свою доблесть, имел мало сторонников, и его считали просто бедным родственником Боэмунда. Самым внушительным кандидатом из перечисленных был Раймунд. В его пользу говорили возраст, богатство, опыт и долгая дружба с Адемаром — то, чем не мог похвастать никто другой. Но он не пользовался популярностью среди соратников. Он слишком часто и слишком заносчиво вел себя так, будто считает себя светским вождем Крестового похода. Его политика добрых отношений с императором была не по душе даже многим сторонникам. За несколько месяцев, когда он фактически возглавлял поход, он не добился никаких успехов, фиаско под Аркой и дискредитация копья нанесли урон его репутации, и, хотя его личная смелость и энергичность ни у кого не вызывали сомнений, как полководец он не принес походу ни одной великой победы. Он стал бы властным и деспотичным королем, но его воинские и политические таланты не внушали доверия. Из остальных самым способным был Роберт Фландрский. Однако не было секретом, что сразу же после взятия Иерусалима он намеревается возвратиться домой. Роберта Нормандского любили в войсках, он пользовался авторитетом как глава нормандцев. Но он не отличался никакими выдающимися качествами и тоже хотел вернуться в Европу. Оставался только Готфрид. Как герцог Нижней Лотарингии, в прошлом он занимал более

высокое место в иерархии, чем любой из его соратников. Герцогством он правил не особенно эффективно, а его поведение в Константинополе показало, что ему присущи подозрительность и упрямство слабого и недалекого человека. Но о его недостатках в качестве государственного мужа и администратора было неизвестно крестоносцам, которые видели в нем храброго и благочестивого человека, преданного участника похода. Говорили, что, когда выборщики наводили справки о личной жизни всех предводителей крестоносцев, свита Готфрида не смогла найти в нем никаких изъянов, разве что чрезмерное пристрастие к молитвам.

Кто вошел в число выборщиков, мы не знаем. Вероятно, какие-то сановники церкви и старшие ленные рыцари главных сеньоров похода. Сначала корону предложили Раймунду, но он отказался. Его отказ всегда удивлял историков, ведь он так явно стремился стать главой похода. Однако он понимал, что его кандидатура не будет искренне поддержана большинством крестоносцев и что его соратники на самом деле никогда не будут ему повиноваться. Даже его собственные солдаты, которым не терпелось вернуться в Европу, заявили, что не желают его согласия. Поэтому он объявил, что не хочет короноваться в Святом граде Христа, рассчитывая, что таким образом заставит и всех остальных отказаться от короны. Тогда выборщики с облегчением обратились к Готфриду, которому, как известно, благоволили и Роберт Фландрский, и Роберт Нормандский. Готфрид без большой охоты согласился на высокое звание, но попросил, чтобы его не именовали королевским титулом. Он будет называться *Advocatus Sancti Sepulchri* — преданным защитником Святого Гроба.

Раймунд посчитал себя обманутым. Но мы не можем сомневаться в искренности Готфрида, когда он отказался надевать корону в том городе, где на Христа возложили терновый венец. Его главным достоинством было то, что его идея благочестия соответствовала идее благочестия типичного крестоносца. Он всегда придерживался того убеждения, что верховная власть в Святой земле должна

принадлежать Христовой церкви. Только после смерти Готфрида и после того, как большинство паломников отправилось по домам, оставив после себя колонию честолюбивых авантюристов и практичных дельцов, в Иерусалиме короновали короля.

Раймунд очень плохо отнесся к возвышению Готфрида. Тогда он владел Башней Давида и отказался отдавать ее новому правителю, сказав, что намерен покамест остаться в Иерусалиме и встретить там следующую Пасху и до тех пор будет жить в башне. К нему с увещаниями явились Роберт Фландрский и Роберт Нормандский, и тогда он согласился передать башню в распоряжение епископу Альбары до того момента, как этот вопрос не будет улажен на общем совете. Но вскоре после того, как он выехал из Башни Давида, епископ, не дожидаясь законного решения совета, передал ее Готфриду. Перед Раймундом епископ оправдывался тем, что был безоружен и ему пришлось уступить; но Раймунд Ажилский своими глазами видел огромные запасы вооружения, которые беспомощный прелат взял с собой, въезжая в дом возле храма Гроба Господня. Возможно, его подтолкнули к этому те из людей Раймунда, которым не терпелось убедить своего господина вернуться во Францию. В гневе Раймунд сначала заявил, что немедленно возвращается домой. Он покинул Иерусалим, но направился со всеми своими войсками в долину Иордана. В исполнение указаний, которые дал ему Пьер Бартеlemi еще в Антиохии, все его люди взяли по пальмовой ветви, и он повел их от Иерихона к реке. Затем вся честная компания с молитвами и пением псалмов омылась в святом потоке и оделась в чистую одежду; «хотя зачем святой человек велел нам все это делать, мы пока не знаем», — замечает Раймунд Ажилский. Не желая возвращаться в Иерусалим к сцене своего унижения, Раймунд разбил лагерь у Иерихона.

То, что Раймунд не получил иерусалимскую корону, ослабило позиции его сторонников. Когда 1 августа духовенство собралось, чтобы избрать патриарха, Арнульф из Рё победил, несмотря на все старания

оппозиции. Уверенный в поддержке лотарингцев и нормандцев Франции и Италии, епископ Мартуранский смог убедить большинство присутствующих избрать Арнульфа. Напрасно Раймунд Ажилский и его товарищи указывали им на то, что избрание не может считаться каноническим, ведь Арнульф не был даже иподиаконом, да и его моральные устои таковы, что в армии о нем даже сочиняли стишки. В войсках приветствовали его назначение. В политике Арнульф придерживался умеренности. Если духовенство ожидало, что он будет навязывать свою волю Готфриду, то оно ошиблось. Возможно, осознавая, что он не имеет достаточного веса, чтобы быть правителем Иерусалима, он ограничился церковными делами. Здесь его целью было латинизировать подвластную ему сферу. С одобрения Готфрида он поставил двадцать каноников, которые стали проводить ежедневные богослужения у Гроба Господня, и дал храму колокола, чтобы созывать людей на молитву — мусульмане не позволяли христианам звонить в колокола. После этого он прогнал оттуда священников восточного обряда, которые проводили службы в храме. В то время, как и сейчас, там находились алтари всех разновидностей восточного христианства, не только православных греков и грузин, но также и армян, сиро-яковитов и коптов. Местные жители-христиане с радостью вернулись в Иерусалим через день после его взятия латинянами, но теперь они пожалели о своих прежних господах. Когда Ифтикар прогнал их из города, несколько православных священников увезли с собой святейшую реликвию Иерусалимской церкви — часть Животворящего Креста. Теперь они не желали отдавать ее патриарху, который пренебрегал их правами. И только пытками Арнульф заставил хранителей святыни рассказать, где они ее прячут. Но, несмотря на растущее возмущение, у местных православных христиан не было иного выбора, кроме как согласиться на латинских иерархов. Их высшее духовенство находилось в рассеянии, а назначить собственных епископов и патриарха в противовес латинским им даже не пришло в голову. В Палестине пока еще не произошло раскола между восточным и западным

христианством, хотя Арнульф уже сделал первые шаги к тому, чтобы он стал неизбежным. Еретические церкви, к которым мусульмане относились терпимо, обнаружили, что после латинского завоевания для них начались мрачные времена.

После возвышения Готфрида у него испортились отношения с соратниками, которые прежде держали его сторону. По какой-то причине он вскоре оскорбил Роберта Нормандского, да и Роберт Фландрский к нему охладел. Тем временем Танкред отправился в Наблус, жители которого сообщили в Иерусалим, что готовы сдаться. С ним поехал брат Готфрида Эсташ Булонский, быть может, для того, чтобы не дать ему, как обычно, прибрать к рукам всю добычу. В городе их приняли хорошо, но, видимо, поживы им это не принесло.

Вскоре после их отъезда в Иерусалим прибыло посольство из Египта, которое обвинило франков в нарушении слова и велело им уйти из Палестины. После этого стало известно, что египетская армия под командованием самого визиря аль-Афдаля прибыла по морю в Палестину и приближается к Аскалону. Поэтому Готфрид послал за Танкредом и Эсташем, приказал им спуститься на прибрежную равнину и доложить о передвижениях врага. Они поспешили к Кесарии, затем повернули на юг к Рамле. По пути они захватили несколько высланных египтянами разведчиков и от них раздобыли сведения о численности и диспозиции войск визиря. Узнав, что аль-Афдаль дожидается флота, который должен подойти к нему с дополнительными припасами, и нападение со стороны франков будет для него полной неожиданностью, они послали гонца к Готфриду, чтобы поторопить его и застать египтян врасплох. Готфрид тут же собрал армию и призвал соратников идти вместе с ним. Роберт Фландрский откликнулся на призыв, а Роберт Нормандский и Раймунд, который все еще находился в долине Иордана, ответили, что пока подождут, подтвердятся ли новости. И только после того, как их собственные разведчики доложили об обстановке, они согласились выступить на врага. 9 августа Готфрид вышел

из Иерусалима с Робертом Фландрским и всеми своими воинами. Их сопровождал патриарх Арнульф. Когда они прибыли в Рамлу и встретились с Танкредом и Эташем, епископ Мартуранский получил приказ спешно возвращаться в Иерусалим, чтобы сообщить всем, насколько велика опасность, и призвать всех, кто в силах держать оружие, присоединиться к армии. К тому времени Роберт Нормандский и Раймунд уже убедились в правдивости новостей и десятого числа выехали из Иерусалима. В городе остался лишь крохотный гарнизон, а Петр Пустынник получил указание проводить молебны и крестные ходы, прося у Бога заступничества, и православные бок о бок с латинянами молились о победе христиан. Рано утром 11 августа вся крестоносная рать собралась в Ибелине, в нескольких милях за Рамлой. Она без промедления двинулась на равнину близ Ашдода, где в наступивших сумерках обнаружила и угнала скот, который привезли с собой египтяне для снабжения войск. После короткого ночного отдыха крестоносцы вышли на зеленую и плодородную равнину вокруг Аль-Мадждаля, чуть севернее Аскалона, где стояла армия визиря. В тусклых лучах рассвета они выстроились в боевые порядки, Раймунд справа, со стороны моря, оба Роберта и Танкред — в центре, а Готфрид — слева; и как только войска заняли позиции, они немедленно бросились в атаку на египтян. Аль-Афдаля удалось застигнуть врасплох. Он не выставил дозорных и не ожидал встретить франков так близко. Его воины почти не сопротивлялись и через несколько минут уже бежали в панике. Большая группа египтян укрылась в роще сикомор, где их и сожгли дотла. На левом фланге Раймунд загнал множество врагов в море. В центре Роберт Нормандский и Танкред проникли в глубину вражеского лагеря, и личная гвардия Роберта захватила штандарт визиря и много из его личного имущества. Сам визирь с горсткой воинов сумел бежать в Аскалон и там сел на корабль, который увез его обратно в Египет. Всего за несколько часов крестоносцы одержали полную победу и подтвердили, что Иерусалим останется в их руках.

Победители взяли громадную добычу. Роберт Нормандский выкупил штандарт визиря за двадцать серебряных марок у захватившего его нормандца и преподнес патриарху Арнульфу. Меч визиря продали другому сеньору за шестьдесят безантов. В обозе нашлось огромное количество драгоценных слитков и камней, и вдобавок в руки крестоносцев попало немало оружия, доспехов, лошадей и скота. В субботу 13 августа христиане с триумфом вернулись в Иерусалим, нагруженные трофеями. А все, что нельзя было унести, они сожгли.

Уже тогда крестоносцы осознавали все значение этой победы. Но хотя она гарантировала, что египтяне не вернут себе утраченных владений, это еще не означало, что франки немедленно оккупируют всю Палестину. Египетский флот пока еще господствовал на побережьях и защищал свои портовые города. После битвы Готфрид надеялся захватить Аскалон, чей гарнизон понимал, что не сможет выстоять против сплоченных сил крестоносцев. Но там не забыли об иерусалимской бойне. Аскалонские мусульмане не желали себе такой же участи. Они знали, что в Иерусалиме уцелели только те, кто сдался Раймунду Тулузскому, и поэтому он имел высокую репутацию человека, который держит слово. Тогда они послали в лагерь крестоносцев и сказали, что сдадут город только ему. Готфрид, который с самой их стычки из-за Башни Давида относился к Раймунду с большим подозрением, отказался признавать какие-либо условия капитуляции, если город не сдастся лично ему. Раймунд был разгневан и унижен и немедленно выступил на север со всеми своими людьми, а Роберт Нормандский и Роберт Фландрский были так возмущены мелочностью Готфрида, что тоже покинули его. Без их помощи Готфрид не мог идти на риск и атаковать Аскалон в одиночку, и таким образом город был потерян для франков более чем на полвека.

Затем город Арсуф предложил сдаться Раймунду. Но и тут Готфрид отказался признать их уговор, и Раймунд снова ушел в негодование. Друзья Готфрида заявляли, что Раймунд даже уговаривал гарнизон в Арсуфе твердо

стоять против Готфрида, стараясь убедить их в его слабости. К концу августа Раймунд и оба Роберта решили отправиться в Палестину. И герцогу Нормандскому, и графу Фландрскому уже не терпелось вернуться домой. Они исполнили свой христианский долг и могли считать свои обеты выполненными. Несмотря на недавние ссоры, у Готфрида сжалось сердце, когда они прощались. Во время последнего разговора он молил их, как только они вернутся в Европу, сделать все возможное, чтобы побудить новых воинов отправиться на Восток и сражаться за Крест, напоминая им, какие опасности грозят оставшимся в Святой земле. В начале сентября они отправились в путь на север к морю. Их сопровождал Раймунд. Однако, что касается графа, его отъезд не был решенным делом, ведь он поклялся остаться на Востоке. Он потерял Иерусалим, но ему ничто не мешало последовать примеру Боэмунда и Балдуина и основать собственное княжество. Наибольшие возможности в этом смысле ему предлагала Центральная Сирия, так как она находилась в удобном отдалении и от тюрок, и от египтян, в основном в руках мирного Бану Аммар. А кроме того, он мог рассчитывать на поддержку Византии^[88].

Вместе с Раймундом и Робертом ушло большинство их людей. Лишь немногие из обеих армий остались, чтобы обосноваться в Палестине. Однако на север под знаменем графа Фландрского вернулось и некоторое число людей Готфрида, включая Балдуина Бургского. Танкред и его немногочисленные сторонники остались в Палестине.

Путешествие на север проходило легко. Мусульманские правители приморских городов торопились снабдить проходящую армию провизией. В середине сентября она достигла Тортосы, где все еще стоял оставленный Раймундом гарнизон, и двинулась к Джабале. Там ее руководители услышали вести, которые их сильно потрясли и встревожили.

Незадолго до смерти папа Урбан назначил легата, который должен был сменить Адемара в Палестине. Его выбор пал на Даимберта, архиепископа Пизанского. Урбан хорошо разбирался в своих соотечественниках-французах,

но с итальянцами допускал ошибки. Даимберт показал себя деятельным архиепископом и был известен своим интересом к священным войнам. Поэтому в 1098 году папа послал его легатом ко двору короля Альфонсо VI Кастильского. Там Даимберт проявил рвение и компетентность в трудах по организации церквей на отвоеванных у мавров землях. Однако там ходили слухи, что его администрация замечена в коррупции, в частности, он утаил для себя большую часть сокровищ, посланных королем Альфонсо папе Урбану. Несмотря на весь пыл архиепископа, было ясно, что это человек тщеславный, честолюбивый и непорядочный. Назначив его своим легатом на Восток, Урбан в значительной степени подорвал собственную же политику^[89].

Даимберт отправился из Италии еще до конца 1098 года. Его сопровождал пизанский флот, снаряженный муниципалитетом Пизы. Вне всяких сомнений, Даимберт рассчитывал, благодаря своему влиянию на пизанцев, использовать их для упрочения собственных позиций, а они со своей стороны понимали, что его помощь будет им чрезвычайно полезна в деле получения концессий. Из них получилась настоящая банда разбойников. На пути на Восток они предавались грабительским набегам на Ионические острова, Керкиру, Лефкас, Кефалонию и Закинф. Новости об их зверствах вскоре добрались до Константинополя, и император выслал против них флот под командованием Татикия, который много месяцев пробыл в Антиохии, и урожденного итальянца Ландульфа. Византийцы попытались перехватить пизанцев, пока те проходили мимо острова Самос, но прибыли слишком поздно, а затем не смогли догнать их у Коса. В конце концов мореходы завидели друг друга в районе Родоса. Византийцы попытались принудить их к бою и захватили пизанский корабль с родственником Боэмунда на борту, но внезапно поднялся шторм и позволил пизанцам ускользнуть. Затем пизанцы попытались высадиться на Кипре, но правитель острова, византиец Филокал сумел отразить их с некоторыми потерями. Тогда они

направились к побережью Сирии, а византийский флот пристал к берегу Кипра.

После ухода товарищей в Иерусалим Боэмунд занимался тем, что укреплял свои позиции в Антиохии. Пока ему нечего было бояться со стороны тюрок. Его главной заботой были византийцы. Он знал, что император его ни за что не простит, и, пока византийцы владели лучшим флотом в восточных морях и гаванью Латакия чуть южнее его владений, он не мог чувствовать себя в безопасности. Примерно в конце августа Боэмунд решил привести дело к развязке и отправился атаковать Латакию. Но без флота он ничего не мог поделать. Город был хорошо укреплен, и гарнизон мог получать припасы и подкрепления с Кипра. Поэтому когда к берегу пристали пизанцы, у которых не было причин любить византийцев, их прибытие оказалось очень своевременным для Боэмунда, и он поспешил договориться с Даимбертом и пизанскими капитанами, которые пообещали ему всяческое содействие.

Император приказал своему адмиралу наказывать акты пиратства, совершаемые латинянами, но при этом хотел избежать открытого разрыва. Татикий не знал, как ему поступить в этой новой ситуации. Посоветовавшись с правителем Кипра, он попросил находившегося на острове византийского полководца Вутумита, вероятно в роли посла по особым поручениям на Востоке, отправиться в Антиохию и расспросить Боэмунда. Но Боэмунд был непреклонен, и посольство ничего не добилось. Вутумит вернулся на Кипр и вместе с Татикием и основным флотом отправился доложить в Константинополь о создавшемся положении и получить дальнейшие указания от императора. У Сикеи на западном киликийском побережье началась буря, разбившая множество византийских кораблей, но собственная эскадра адмирала смогла продолжить путь. После этого пизанцы расположили свои корабли так, чтобы блокировать Латакию с моря.

В этот момент Раймунд и оба Роберта прибыли к Джабале. Раймунд, вполне естественно, пришел в ужас от событий в Латакии. Ему не нравилось все, что делал

Боэмунд, а сам он придерживался курса на союз с византийцами. Но и его соратники были не менее потрясены. Даже осуждая какие-то действия императора, они понимали необходимость хотя бы какого-то сотрудничества между восточными и западными христианами. К тому же перед ними стояла проблема транспортировки их армий в Европу, а эта задача была практически невыполнима без помощи византийцев. И что было совсем уж неудачно, новый папский легат начал свое пребывание на Востоке с того, что неизбежно должно было вызвать яростное негодование у большинства восточных христиан. Даимберта вызвали в лагерь у Джабалы. Сеньоры встретили его гневными протестами, и он понял свою ошибку и отозвал пизанский флот. Лишившись его помощи и увидев, что собственные товарищи злы на него, Боэмунд был вынужден прекратить осаду. Тогда Раймунд вместе с обоими Робертами вошел в Латакию с полного согласия ее жителей и водрузил свой штандарт на цитадель рядом со штандартом императора. Правитель Кипра, которому сообщили об этих событиях, выразил свое одобрение и предложил безвозмездно предоставить Роберту Фландрскому и Роберту Нормандскому корабли для доставки его войск в Константинополь — первый этап их возвращения домой. Предложение приняли с благодарностью. Оба Роберта благополучно добрались до византийской столицы, где их радушно встретил Алексей. Они отказались остаться на Востоке и поступить к нему на службу и после недолгого пребывания продолжили путь на Запад. Мы не знаем, сколько человек уплыло вместе с ними. Возможно, кто-то мог сесть на генуэзские корабли, которые шли прямо в Италию. Раймунд же остался в Латакии.

Между тем Даимберт прибыл в Антиохию к Боэмунду. Боэмунд понимал, что это за человек, и вскоре легат снова оказался под его влиянием. Служителю церкви не терпелось оказаться в Иерусалиме, и Боэмунд решил его сопровождать. Вместе с другими крестоносцами Боэмунд давал клятву помолиться у Гроба Господня, и то, что он до сих пор ее не исполнил, портило ему репутацию. Возможность совершить паломничество в компании

Даимберта и таким образом укрепить свой союз с ним была слишком хороша, чтобы ее упускать. Кроме того, нужно было подумать о будущем Иерусалима. У Готфрида не было законного наследника, а здоровьем он был слаб. Возможно, папскому легату придется заниматься вопросами преемства, да и в любом случае Боэмунду не помешало бы держаться в курсе о том, что происходит в Иерусалиме. Было объявлено, что Даимберт и Боэмунд уедут из Антиохии в конце осени, чтобы прибыть в Святой град к Рождеству.

Услышав об этом, Балдуин послал из Эдессы сказать, что он отправится в паломничество вместе с ними. Ему тоже еще оставалось исполнить обет, и он чувствовал, что может ненадолго оставить Эдессу, к тому же это явно было в общих интересах, чтобы крестоносцы отправились в дорогу как можно более многочисленной силой. Но и его интересовал вопрос преемственности. Он был братом и ближайшим родственником Готфрида на Востоке — поскольку Эсташ Булонский, вероятно, уехал из Палестины вслед за Робертом Фландрским — и не менее честолюбив, чем Боэмунд. Боэмунд, возможно, впоследствии пожалел, что взял его с собой. С Боэмундом и Балдуином ехали все их воины, которых можно было снять с обороны, и немало женщин. По сведениям Фульхерия Шартрского, в целом они насчитывали двадцать пять тысяч человек^[90].

Паломники тронулись в путь в первых числах ноября. Боэмунд и Даимберт шли вдоль побережья, где пизанский флот охранял их с фланга. Когда они проходили через Латакию, Раймунд отказался помочь им провизией. В Баниясе, чуть южнее, они задержались, чтобы их нагнал Балдуин. Он прибыл в Антиохию уже после отъезда Боэмунда, зато Раймунд куда лучше принял его в Латакии. Жители Банияса, греческие христиане, видимо признававшие над собой власть императора, неприветливо встретили паломников и, похоже, совсем не хотели снабжать их припасами. Продолжив путь, паломники вскоре начали бедствовать от голода. Тортоса, которую они миновали в конце месяца, успела вернуться в руки

мусульман, и тамошний гарнизон напал и перебил оставших из арьергарда. Никакой еды там раздобыть не удалось, мало помог и Триполи, где хлеб продавали так дорого, что только богачи могли позволить его себе. Можно было жевать сахарный тростник, росший в окрестностях Триполи, но хоть он и заинтересовал паломников как нечто невиданное, наесться им было невозможно. Наступил неожиданно холодный декабрь, шли непрерывные дожди. Смерть косила престарелых и немощных, погибло и большинство вьючных животных. Но толпа брела вперед, не останавливаясь нигде дольше необходимого. В середине декабря они дошли до Кесарии, где смогли купить еды, а двадцать первого числа прибыли в Иерусалим.

Готфрид обрадовался их приходу. Ему отчаянно требовались люди, и он надеялся уговорить многих из них остаться в Палестине и обосноваться в поместьях, которые он теперь мог им предложить. Это ему отчасти удалось. Когда Боэмунд и Балдуин вернулись на север, некоторые рыцари со своими людьми остались с Готфридом. Разгром египтян в Аскалоне означал, что хотя прибрежные города, за исключением Яффы, пока еще находились под властью Фатимидов и защитой египетского флота, нагорья Иудеи и Самарии вышли из-под их контроля. В тамошних селениях в основном жили христиане, невоинственные земледельцы, которым в течение многих поколений запрещалось носить оружие. Мусульманские власти нещадно эксплуатировали их при любой удобной возможности, как только центральное правительство проявляло слабость. На первых порах они приветствовали смену господ, и к концу лета власть Готфрида распространялась уже до Изреельской долины на севере и за Хеврон до Негева на юге; хотя в Южной Иудее его авторитет был не так силен, так как местные жители были в основном мусульманами, а также из пустыни туда постоянно прибывали бедуины. Хеврон, который крестоносцы называли Святым Авраамом, был основательно укреплен, чтобы господствовать над окружающей местностью.

Между тем Танкред с небольшим отрядом в двадцать четыре рыцаря с их воинами и слугами проник вглубь Галилеи. Еще недавно владение ею оспаривали между собой Фатимиды и Дукак Дамасский; но после разгрома Фатимидов у Аскалона Дукак еще не успел оккупировать провинцию. Поэтому местные мусульмане не оказали сопротивления Танкреду. Когда его небольшая армия подошла к столице Тивериаде, они бежали на территорию, подвластную Дамаску. Христиане, составлявшие в городе меньшинство, с ликованием встретили Танкреда. Евреи же, у которых была там многочисленная колония, не радовались, помня судьбу своих иерусалимских собратьев. Танкред укрепил Тивериаду, затем отправился в христианский город Назарет и на гору Фавор и увенчал свои завоевания захватом и укреплением Бейт-Шеана (Скифополя), который сторожил проход из Изреельской долины к Иордану. Галилейские мусульмане поспешили убраться из провинции, и после их ухода Танкред совершил ряд блестящих и молниеносных набегов в арабском духе на окрестные владения мусульман. Они не только принесли ему и его сподвижникам богатую добычу, но и подтвердили его власть над Галилеей. Таким образом, христианское государство разрослось и слилось в единый блок территорий, полностью отрезав фатимидские города от внутренней части Трансиордании и Хаурана. Поскольку египтяне пока еще были не готовы отомстить за Аскалон, а Дукак Дамасский слишком глубоко погрузился в семейные ссоры, чтобы пойти на риск наступательной войны, в ближайшем будущем Готфриду не грозили никакие опасности. Оно и к лучшему, ведь с имевшимися у него силами, которые Гийом Тирский, опираясь на документы того времени, оценивает в три сотни рыцарей и две тысячи пехотинцев, он бы не смог выдержать серьезного контрнаступления. В первую очередь именно распри между самими арабами позволили небольшому, но назойливому государству укрепиться в границах их владений.

Путешествуя на юг, Даимберт и Бозмунд вместе выработали свой будущий политический курс. Готфрид не обойдется без их помощи. Ему нужны были морские

силы, которые мог предоставить пизанский флот, преданный Даимберту, и ему нужны были все до единого рыцари, которых мог уступить ему Боэмунд. Паломники провели Рождество в Вифлееме. Как только празднества окончились, новоприбывшие раскрыли свои карты. Патриарха Арнульфа, который нажил себе немало врагов и остался без покровителя, так как герцог Нормандский был уже далеко, низложили на том основании, что его избрание было неканоническим; по наущению Боэмунда, вместо него иерусалимским патриархом выбрали Даимберта. Ходили слухи, что повернуть эту сделку помогли дары, сделанные Боэмунду и Готфриду. Сразу же после интронизации нового иерарха Готфрид и Боэмунд преклонили перед ним колена и получили от него право инвеституры на территориях Иерусалима и Антиохии.

Эта церемония была не простой формальностью, и смысл ее совершенно ясен. Среди паломников всегда бытовало мнение, что Святая земля должна быть вотчиной церкви. Но Арнульф не обладал ни авторитетом, ни характером, чтобы добиться превосходства над светскими властями. Даимберт прибыл как папский легат, его престиж усиливало то, что он был назначен папой Урбаном, да к тому же привез с собой столь ценное достояние, как эскадра кораблей и энергичная поддержка Боэмунда. Обычный крестоносец не имел причин отрицать его права, а Готфрид, несмотря на приступы упрямства, был все же слабым и неуверенным человеком и питал искреннее почтение к церкви. Он надеялся, что, признав ее верховную власть, он поставит свой трон на должное моральное основание и будет пользоваться ее полной поддержкой в управлении мирскими делами страны. Он еще не знал Даимберта. У Боэмунда мотивы были куда изощреннее. Признав главенство Даимберта, он ничего не потерял, ведь патриарх будет слишком далеко, чтобы вмешиваться в антиохийские дела. Боэмунд охотно пренебрег правами патриарха Антиохийского — грека, в котором подозревал агента Византии. Формально получив свою власть от высшего иерарха латинской церкви на Востоке, он снимал возражения любых латинян, которые поддерживали притязания императора, и мог рассчитывать

на их искреннюю помощь в том случае, если византийцы попытаются на него напасть. Возможно, именно на такой случай он принял титул князя Антиохийского. Титул князя (принцепса), привязанный к какой-либо территории, был мало известен на Западе, разве что в Южной Италии, где так именовались некоторые нормандские правители, занявшие ломбардские земли и не признававшие над собой иных государей, кроме наместника святого Петра. Поэтому такой титул прекрасно подходил Боэмунду. В то же время его племянник Танкред взял титул князя Галилейского, видимо чтобы показать, что его сюзерен не Готфрид, а патриарх. Даимберт был в восторге от того, что ему приносили присягу. По всей вероятности, папа Урбан задумывал превратить Святую землю в церковную вотчину, но не желал при этом ломать существующую церковную иерархию. Конечно, он бы с радостью приветствовал, если бы латинский священнослужитель встал во главе всех восточных патриархий, при условии что это можно было бы устроить законным и мирным способом. Но возникает вопрос, одобрил бы папа, если бы иерусалимская патриархия присвоила себе власть над более древней и исторически старшей патриархией Антиохии, или нет. Даимберт добивался для своей патриархии такой же непрерываемой духовной и светской власти на Востоке, как та, которой добивался сам папа Григорий VII для папства на Западе. Момент был выбран прекрасно, ибо Урбан был уже мертв. Вести об избрании Пасхалия II, который стал папой римским 13 августа, не достигли бы Иерусалима раньше следующей зимы. Даимберт, вероятно, был знаком с Пасхалием, который до него был папским легатом в Испании, и знал, что это человек ничем не выдающийся и бесхарактерный. Вряд ли он стал бы чинить Даимберту препятствия, при условии что тот признал бы его номинальное владычество.

Балдуин Эдесский не давал присяги патриарху. То ли его просили сделать это, а он отказался, то ли вопрос даже не поднимался, это нам неизвестно, но, очевидно, его отношения с Даимбертом нельзя было назвать сердечными^[91].

По окончании церемонии Боэмунд и Балдуин вместе отправились по домам в первый день 1100 года. Большинство их сторонников вернулось вместе с ними, но некоторые остались и получили от Готфрида в дар палестинские лены. Готфрид и Даимберт проводили паломников до Иерихона и Иордана, где встретили праздник Богоявления и провели церемонию водосвятия. Затем Боэмунд и Балдуин двинулись на север в долину Бейт-Шеана и дальше к Тивериаде. Там они решили не идти вдоль побережья, а направиться прямо, мимо Баньяса и долины Литани в Полую Сирию. Они не встретили никаких помех, пока не зашли вглубь Полой Сирии, близ руин Баальбека. Эта область подчинялась Дукаку Дамасскому, который планировал там их перехватить. Колонна шла с Боэмундом во главе и Балдуином в арьергарде, когда ее атаковали дамасские силы. Но Дукака больше интересовало, как бы побыстрее выгнать их со своей территории, нежели их полный разгром, и поэтому он напал без особой ярости. Франки легко отразили атаку и продолжили путь, спустились к морю через Аль-Букайю, а оттуда пошли вдоль побережья мимо Тортосы и Латакии в Антиохию. Еще до конца февраля Балдуин вернулся в Эдессу.

Усиление вооруженных сил позволило Готфриду установить контроль над приморскими равнинами Палестины. Его территория была отрезана от моря, не считая коридора, ведущего в Яффу. Осенью он попытался расширить этот коридор, захватив небольшой порт Арсуф к северу от Яффы. Жители Арсуфа, которые хотели сдаться Раймунду Тулузскому, но не смогли из-за вмешательства Готфрида, после отъезда Раймунда из Палестины посчитали разумным договориться с Готфридом и отправили к нему заложников. Взамен они впустили к себе в город одновременно и жителем, и заложником рыцаря из Эно Жерара Авенского. Но Готфриду нужна была прямая власть над городом, и поздней осенью он с небольшим войском пришел его покорять. Его первой жертвой пал его же друг Жерар Авенский, которого жители Арсуфа тут же связали и вывесили за стеной, где его ничто не защищало от

франкских стрел. Напрасно Жерар кричал, умоляя Готфрида пощадить его. Готфрид ответил, что продолжил бы штурм, даже если бы на его месте был его родной брат Эсташ. Вскоре Жерара, пронзенного двенадцатью стрелами его же соотечественников, снова втянули на веревке в город. Однако его мученичество оказалось напрасным. Войска Готфрида не смогли преодолеть городских стен, и две возведенные им осадные башни на колесах одна за другой погибли в греческом огне, запасами которого располагал гарнизон. 15 декабря он снял осаду. Однако он оставил половину армии в Рамле с приказом опустошать область вокруг Арсуфа и не давать жителям возделывать поля.

С прибытием подкреплений Готфрид продолжил свою политику с еще большим размахом. Его люди стали совершать набеги все дальше, действуя против всех фатимидских городов на побережье, Аскалона, Кесарии и Акры, а также Арсуфа, пока уже ни один из них не стал получать какие-либо припасы от земледельцев. В то же время с помощью пизанских моряков он укрепил Яффу и обустроил ее гавань. Корабли со всех итальянских и провансальских портов, привлеченные перспективами торговли с новым государством, прибыли туда, чтобы присоединиться к пизанцам и разделить с ними выгоды. С их помощью Готфрид смог заблокировать палестинское побережье. Фатимидским кораблям было все сложнее доставлять по морю снабжение в мусульманские гавани. Обе стороны промышляли пиратством, но в целом больше всего страдали жители портовых городов.

В середине марта египтяне, отвечая на настоятельные мольбы Арсуфа, прислали по морю небольшое войско для укрепления его гарнизона. Воодушевленные этим, жители Арсуфа организовали контратаку на франков, но попали в засаду, в которой погибла большая часть их солдат. В отчаянии город отрядил к Готфриду послов, которые прибыли в Иерусалим 25 марта и принесли ему в дар символические ключи от городских башен, а также обязались ежегодно выплачивать дань. Готфрид принял их капитуляцию, а право взимать с них дань отдал одному из

своих первейших рыцарей — Роберту Апулийскому. Несколько дней спустя Готфрид с удивлением и восторгом увидел, что в Иерусалим вдруг явился Жерар Авенский. Он оправился от ран, и арсуфские власти отправили его назад в знак своей доброй воли. Готфрид, которого мучили угрызения совести, отдал ему в ленное владение Святой Авраам, иначе говоря, Хеврон.

Аскалон, Кесария и Акра вскоре последовали примеру Арсуфа. В начале апреля их эмиры собрались и отправили к Готфриду послов, нагруженных подарками в виде зерна, плодов, масла и арабских скакунов. Они предложили ему ежемесячно выплачивать дань в пять тысяч безантов, если им позволят мирно возделывать свою землю. Готфрид не отверг их авансов, и вскоре между мусульманскими городами и их христианским владыкой установились сердечные отношения. Мелкие мусульманские шейхи, жившие у подножия гор, покорились ему еще раньше. Пока Готфрид стоял лагерем перед Арсуфом, к нему явилась их делегация с дарами в виде продовольствия, и их приятно удивила и глубоко тронула та простота, в которой он жил, — простота, которая объяснялась не только его личными вкусами, но и бедностью. Она прекрасно укладывалась в их представления о великом, но скромном воине, и так ему оказалось легче добиться их дружбы.

Затем шейхи Трансиордании решили наладить с ним взаимовыгодные связи. Они издавна посылали излишки своих продуктов в приморские города, а франкское государство перерезало им пути. Они обратились к Готфриду с просьбой позволить им снова посылать свои караваны через Иудею. Готфрид дал разрешение, но постарался, насколько можно, перенаправить торговлю в христианский порт Яффу. В то же время итальянцев поощряли везде, где возможно, перехватывать торговлю между мусульманскими приморскими городами и Египтом, чтобы эти города стали зависеть от торговли с христианами. Так вся Палестина начала интегрироваться в одно экономическое целое с ее заморскими связями с

Европой. Политика франков принесла быстрые плоды в виде богатства и процветания крестоносного государства.

Растущее влияние среди соседей-мусульман подвигло Готфрида к попытке расширить свою власть на земли за Иорданом. В стране Суват на востоке от Галилейского моря жил эмир, которого крестоносцы прозвали Толстым Крестьянином. Танкред совершал набеги на его земли и заставил его покориться франкам, но, как только Танкред уехал восвояси, Толстый Крестьянин забыл о клятвах и позвал на помощь своего владыку Дукака Дамасского. Тогда Танкред обратился к Готфриду. Закрепившись в этом месте, франки смогли бы развернуть богатую торговлю из Джаулана и Хаурана в палестинские порты, а земли самого Сувата славились плодородием. Готфриду не терпелось поучаствовать в его завоевании. В начале мая он привел войска, чтобы вместе с Танкредом совершить набег, который привел их через земли Толстого Крестьянина в самое сердце Джаулана. Когда они возвращались, нагруженные добычей, Дукак напал на их арьергард, которым командовал Танкред. Готфрид в передних рядах продолжал двигаться вперед, не подозревая о происходящем; и Танкреду удалось спастись, только потеряв многих людей и всю свою долю добычи. Но Дукак считал, что у него недостаточно сил, чтобы преследовать франков. Убедившись, что они вышли из его владений, он вернулся в Дамаск. Готфрид с добычей продолжил путь в Иерусалим, но Танкред пылал желанием мести. Передохнув со своим войском в Тивериаде и собрав подкрепления, он провел еще один рейд на дамасскую территорию, да с такой свирепостью, что Дукак послал к нему с предложением перемирия. В ответ Танкред отправил в Дамаск шестерых рыцарей, которые передали Дукаку, что ему предлагается либо принять христианство, либо покинуть Дамаск. Разъяренный таким оскорблением, Дукак ответил послам, что они либо станут мусульманами, либо умрут. Лишь один из них отрекся от веры, а с пятерыми остальными зверски расправились. Танкред сразу же попросил Готфрида помочь ему отомстить за их мученическую смерть, и Готфрид вновь отправился к нему, чтобы вместе совершить набег, еще

более грозный, чем первый. В течение двух недель они разорjali Джаулан, пока мусульмане прятались за стенами своих городов. Дукак, как всегда, побоялся начинать кампанию и даже не пытался им сопротивляться. Толстый Крестьянин увидел, что господин его покинул, и, разоренный франками, снова согласился признать Танкреда повелителем и выплачивать ему регулярную дань.

Хотя среди соседей-мусульман авторитет Готфрида возрастал, в собственных владениях его власть шла на убыль. С Танкредом, его главным вассалом, у него установились добрые отношения, но, по всей видимости, Танкред, несмотря на все его призывы к Готфриду о помощи, действовал по собственному усмотрению. И пока князь Галилейский вел себя как независимый монарх, Готфрид обнаружил, что его независимость все больше и больше ограничивает столь опрометчиво принятый им сюзерен — патриарх Иерусалимский. Даимберт не удовольствовался положением номинального и теоретического владыки; он желал, чтобы оно основывалось на реальной власти. Готфрид, который всегда робел перед церковью и теперь боялся остаться без помощи пизанцев, не хотел отказывать ему в просьбах. В Сретение 2 февраля 1100 года он передал иерусалимской патриархии квартал Яффы. Затем Даимберт потребовал, чтобы ему отдали контроль не только надо всей Яффой, но и над самим Иерусалимом и его цитаделью — Башней Давида. Готфрид снова уступил, но под влиянием своих рассерженных рыцарей настоял на отсрочке. На торжественной пасхальной мессе 1 апреля он пожаловал патриархии оба города, но объявил, что будет владеть ими до своей смерти или пока не отвоюет два других великих города у неверных. Это было неудовлетворительное решение, поскольку нелегко строить высокоорганизованное государство с временной столицей. Видимо, у Готфрида не было настоящего правительства, не считая его ближайших вассалов, а теперь он не мог рассчитывать и на создание его в Иерусалиме. Если бы Даимберт был превосходным администратором или, как Адемар, мудрым политиком, вполне возможно, что

задуманное им иерархическое правление продержалось бы дольше, но его близорукая попытка прогнать из столицы мирян — защитников города, от которых зависела безопасность христианских государств, не могла не привести к катастрофе. Даже та отсрочка, которую получил Готфрид, лишь усилила неуверенность в будущем. Но провидение оказалось милостивым к Иерусалиму.

Когда Готфрид вернулся в Галилею около 18 июня из рейда в Джаулан, он узнал, что в яффскую гавань вошла сильная венецианская эскадра. Понимая, насколько полезной была бы она для овладения побережьем, он поспешил лично приветствовать мореходов. Из Тивериады он отправился мимо Акры и Хайфы в Кесарию. Эмир, торопясь выразить уважение к своему государю, пригласил его на пир, где Готфрида приняли со всеми почестями. С пира Готфрид отправился напрямик в Яффу. Прибыв в город, он почувствовал недомогание, а дойдя до странноприимного дома, который сам велел построить для почетных гостей, лишился чувств. Его друзья перечислили все, что он ел за столом у эмира, и стали шептаться о том, что Готфрида отравили. Хотя в действительности он, скорее всего, заболел тифом. На следующий день он почувствовал себя достаточно окрепшим для того, чтобы принять командующего венецианской эскадрой и епископа, который его сопровождал, и договориться об условиях, на которых они будут помогать крестоносцам. Однако напряжение оказалось слишком сильно для него, и он попросил домашних доставить его в Иерусалим. В более прохладном воздухе столицы Готфрид немного оправился, но был слишком слаб, чтобы заниматься делами^[92].

У постели больного начались политические препирательства. Даимберт нетерпеливо дожидался того момента, когда сможет стать полновластным властелином города. Венецианцы торопились зафиксировать свои договоренности. Они приехали в Иерусалим двумя группами, чтобы поклониться святыням, первая 21 июня, а вторая 24-го; но их командир и епископ, вероятно,

остались в столице дольше для ведения переговоров. Услышав об их приезде и о болезни Готфрида, Танкред поспешил из Галилеи на юг. Из своей спальни Готфрид поручил кузену, бургундскому графу Гарнье из Гре, действовать от его имени и одобрил условия, выдвинутые венецианцами. По договору им позволялось свободно торговать на территории всего франкского государства, во всех городах им отдавались во владение церковь и рынок, также они должны были получить третью часть от каждого города, который помогут захватить, и весь город Триполи, за который будут выплачивать Готфриду дань. Взамен они обязались помогать крестоносцам до 15 августа. После этого обсуждался вопрос о том, какие города следует атаковать этим летом. Было решено, что, несмотря на договор эмира с Готфридом, главной целью должна стать Акра, а также следует взять Хайфу. Танкред надеялся присовокупить Акру к своему княжеству, но Готфрид уже лично пообещал Хайфу своему другу Гельдемару Карпенелю.

В первые две недели июля Готфрид как будто окреп, и окружающие считали, что он еще может выздороветь. Активно продвигались планы похода на Акру. Войска Танкреда пришли в столицу, а Гарнье из Гре встал во главе войск Готфрида. Тогда патриарх Даимберт решил сопровождать экспедицию, дабы показать себя высшим авторитетом в государстве и иметь право голоса при распределении территорий. Он не доверял Гарнье и считал, что может оставить Иерусалим, когда Готфрид слишком болен, чтобы хоть что-то предпринять, а все его люди отправились в поход. Никогда еще Даимберт не промахивался так сильно.

Патриарх, Танкред и Гарнье со всеми своими войсками выступили из Иерусалима 13 июля и направились к Яффе, чтобы наладить связь с венецианцами. Когда они подошли к городу, Гарнье вдруг слег с болезнью. Он явно был не в состоянии продолжать поход, поэтому пробыл четыре дня в Яффе, и затем его на носилках отнесли обратно в Иерусалим. Тем временем армия быстро наступала на север вдоль побережья, и

венцианские корабли готовились подойти к ним с фланга. Но северный ветер задерживал их, и они почти не продвинулись вперед.

Едва Гарнье успели доставить в Иерусалим, как сердце Готфрида не выдержало. В среду 18 июля, укрепленный соборованием, Готфрид, герцог Лотарингский и Защитник Святого Гроба, упокоился с миром. Он был слабым и неразумным правителем, но люди всех стран уважали его за смелость, скромность и веру. В Иерусалиме известие о его смерти встретили глубоким трауром. Его тело с пышностью выставили для прощания и через пять дней похоронили в храме Гроба Господня.

Глава 4. Иерусалимское королевство

Нет, пусть царь будет над нами.

1-я Книга Царств, 8: 19

Во время болезни Готфрид составил последнюю волю, в которой в исполнение данного на Пасху обещания завещал Иерусалим патриарху. После его смерти в городе не осталось никого из высших сеньоров, кроме Гарнье из Гре. Патриарх и главные рыцари уехали вести кампанию у Акры. Сам Гарнье был при смерти, но все же понял, что ему следует делать. Поднявшись с постели, он немедленно занял Башню Давида и поставил там личную гвардию Готфрида. Затем, посоветовавшись со служащими Готфрида, а также с епископом Рамлы Робертом и бывшим патриархом Арнульфом, он спешно послал епископа Рамлы с двумя рыцарями в Эдессу — сказать Балдуину, что его брат скончался, и вызвать его в Иерусалим для принятия наследства, ибо они намерены повиноваться только родственнику Готфрида. Этот ход был спланирован заранее, так как посланное Балдуину приглашение было составлено от имени многих рыцарей, которые в тот момент находились с армией, например Гельдемара Карпенеля и Вихера Немца. Они состояли из лотарингцев и северных французов, которые отправились в Крестовый поход вместе с Готфридом или привязались к нему на Востоке и яростно противостояли нормандцам и итальянцам, под чье влияние подпал Готфрид. Но они тщательно хранили свою тайну и сочли разумным хранить ее и дальше. Армии не сообщили о кончине герцога^[93].

Но пока венецианские корабли стояли еще в районе Яффы в ожидании, когда переменится ветер, к ним прибыл гонец из Иерусалима с сообщением о смерти Готфрида. Их командир, задумавшись, как это повлияет на кампанию, сразу же отправил три свои самые быстроходные галеры вдогонку за Танкредом и патриархом, чтобы узнать об их дальнейших планах.

Известие потрясло армию, которая любила Готфрида. Даимберт, по-видимому, колебался. Его очень волновало обещанное наследство. Но он был уверен в завещании Готфрида и полагал, что лотарингцы остались без вождя. Когда Танкред, который не собирался упускать такую возможность воспользоваться помощью венецианцев, предложил пока отложить нападение на Акру, но хотя бы взять Хайфу, патриарх согласился. Однако он послал своего человека в Иерусалим, чтобы тот занял Башню Давида от его имени.

Армия двинулась к Хайфе и стала лагерем на склонах горы Кармель, и вскоре в бухту прибыла венецианская эскадра. Хайфу населяли в большинстве своем евреи, а охранял небольшой египетский гарнизон. Евреи, помня, какая судьба постигла их единоверцев в Иерусалиме и Галилее, были готовы защищаться до конца. Мусульмане предоставили им оружие, и они бились со всем упорством, присущим их народу. Венецианцы потеряли корабль во время боя в гавани и, удрученные, вышли в бухту; а Танкред, которому вдруг стало известно, что Готфрид обещал Хайфу Гельдемару Карпенелю, пришел в ярость, отозвал свои войска и ушел мрачно сидеть у себя в палатке. Даимберту понадобились все его дипломатические таланты, чтобы уговорить его вернуться к атаке. Даимберт сказал ему, что венецианцы вот-вот собираются уплыть, и обещал позаботиться о том, чтобы Хайфу получил самый достойный. Танкред уступил просьбам, и начался новый штурм. В ходе отчаянной битвы крестоносцам удалось приступом взять главную башню, и они ворвались в город. Те из мусульман и евреев, кто мог бежать из города, бросились искать приюта в Акре или Кесарии, но большинство перебили.

Хайфа пала около 25 июля. Сразу же после победы главы армии собрались на совет, чтобы решить, кому она достанется. У Танкреда было больше всего войск, и Даимберт был на его стороне. Гельдемар Карпенель ничего не смог поделаться, и его выставили из города. Он удалился вместе с лотарингцами и отправился в Южную Палестину, где занял Хеврон, чей прежний хозяин Жерар

Авенский, вероятно, пока еще находился в Хайфе с Танкредом^[94]. Затем Даимберт и Танкред сошлись обсудить более важный вопрос о будущем правительстве Иерусалима. Даимберт к тому времени уже получил новости из столицы. Его посланец обнаружил, что Башней Давида завладел Гарнье из Гре и отказался передать ее представителям патриарха; а также он узнал, что Балдуина вызвали на юг. Сам Гарнье умер 23 июля, истощенный своими последними трудами, но, хотя друзья патриарха увидели в его смерти Божью десницу, которая покарала его за нечестие, это не принесло им добра; ибо башня тем не менее оставалась в руках лотарингцев, и те не собирались ее отдавать. У Даимберта не было никакой надежды настоять на своих притязаниях без чужой помощи. Для него был очень важен союз с Танкредом, ибо Галилейское княжество теперь протянулось от района восточнее Галилейского моря до моря Средиземного, отрезав Иерусалим от севера. Танкред, со своей стороны, ненавидел Балдуина с самой их ссоры в Киликии, случившейся еще три года назад. С полного одобрения Танкреда Даимберт решил предложить Боэмунду стать правителем Палестины. Его секретарь Мореллус получил приказ немедленно отправляться в Антиохию с письмом для князя.

Даимберт не хотел, чтобы Боэмунд питал какие-либо иллюзии относительно характера его будущей власти. В своем послании он для начала упомянул о том, как Боэмунд помог ему стать главой патриархии, которую он назвал матерью всех церквей и госпожой всех народов, закрыв глаза на аналогичные притязания Рима. Затем он поведал Боэмунду об обещаниях Готфрида и пожаловался на то, что окружение герцога пытается ему помешать. Он повторил условия передачи ему городов, оговоренные в день Пасхи, и подчеркнул, что по ним Иерусалим должен отойти ему после смерти Готфрида. Но Гарнье из Гре нечестиво захватил Башню Давида и предложил наследие Готфрида Балдуину. Поэтому Даимберт просит Боэмунда прийти к нему на помощь, как отец Боэмунда пришел на помощь к папе Григорию VII, когда его притесняли

германские императоры, — но это воспоминание было не столь уж лестно для церкви, как, похоже, думал Даимберт. Боэмунду следовало написать Балдуину и запретить ему приезжать в Палестину без разрешения патриарха, а если Балдуин не повинует, то Боэмунд должен принудить его к послушанию силой. Иначе говоря, чтобы патриарх правил Палестиной вразрез с желаниями рыцарей, от которых зависела оборона страны, христианский князь Антиохии должен объявить войну христианскому графу Эдессы.

Мы уже никогда не узнаем, что ответил на это письмо Боэмунд. Едва ли он проявил такое безрассудство, чтобы рискнуть пойти на конфликт с Балдуином, к тому же если бы он и явился в Палестину, то недолго оставался бы покорен патриарху. Но приглашение до него просто не дошло. Удача отвернулась от Даимберта.

За последние месяцы обстановка в Северной Сирии переменилась. Раймунд Тулузский провел зимние месяцы в Латакии, управляя ею совместно с представителями императора. Он находился в прекрасных отношениях с правителем Кипра, от которого мог получать снабжение. В какой-то момент весной он получил письмо от Алексея, который благодарил его за помощь и просил передать Латакию византийским властям. К письму прилагалось приглашение погостить при императорском дворе. Вероятно, письмо доставил из Константинополя евнух Евстафий, недавно повышенный до адмирала имперского флота. Он вышел в море с мощной эскадрой и сразу же принялся отвоевывать порты Западной Киликии, Селевкию и Корикос, а затем овладел областью в Киликии дальше на восток, которая находилась под контролем Боэмунда, и занял Тарс, Адану и Мамистру. Раймунд принял приглашение и отплыл в Константинополь в начале июня. На Кипре он встретил венецианский флот, шедший в Яффу, и прибыл в столицу империи примерно в конце месяца. Его супруга, графиня Эльвира Арагонская, которая находилась рядом с ним во всех его путешествиях, осталась в Латакии под защитой византийских властей и остатков армии Тулузы и Прованса.

Секретарь Даимберта Мореллус прибыл в Латакию в конце июля по пути в Антиохию. Власти задержали его для проверки бумаг и обнаружили при нем письмо для Боэмунда. Его отправили на перевод людям Раймунда, и тех оно настолько потрясло, что они спрятали письмо и арестовали Мореллуса.

Если бы Боэмунд получил письмо, оно изменило бы к лучшему все его будущее. В начале августа, еще не зная о событиях в Палестине, он выступил из Антиохии вдоль Евфрата в ответ на просьбу мелитенских армян. В начале лета он укрепил свою юго-восточную границу за Оронтом, разгромив контрнаступление Ридвана Халебского, который был вынужден просить помощи у эмира Хомса. Отношения между Хомсом и Халебом были слишком натянутые, чтобы заставить Боэмунда волноваться, даже если мусульмане отвоевали Тель-Маннас, оставшийся без достаточного сильного гарнизона, когда Раймунд Пиле уехал на юг вместе с графом Тулузским. Боэмунд понял, что у него есть шанс расширить свои владения на север. Не имея флота, он не мог помешать византийцам отвоевать Киликию, однако он торопился овладеть перевалами через Антитавр, по которым с большой вероятностью пошла бы византийская армия, собираясь напасть на Антиохию. Поэтому, когда Гавриил Мелитенский, опасаясь набега эмира Севастии, Данишмендида Малика Гази Гюмюштекина, молил Боэмунда ему помочь, тот с готовностью отозвался. Три лета эмир разорял владения Гавриила, и теперь там боялись, что он пойдет и на сам город. После того, что случилось с его зятем Торосом в Эдессе, Гавриил не хотел обращаться к Балдуину, хотя тот и находился ближе. Но Боэмунд уважительно относился к армянам. Среди его друзей был армянский епископ Антиохии Киприан и епископ Мараша Григорий. Через них как посредников Гавриил предложил сдать город Боэмунду, лишь бы избавиться от тюркской угрозы.

Перед отъездом из Антиохии в ответ на этот призыв Боэмунд совершил поступок, который раз и навсегда ознаменовал его разрыв с греками, а его последствия

вызвали первый непоправимый раскол между греческой и латинской церквями. Иоанн IV, восстановленный Адемаром на патриаршем престоле Антиохии, вплоть до той поры продолжал носить свой сан. Но он был греком, и Боэмунд подозревал его в симпатиях к византийцам и в том, что он убеждал своих православных прихожан надеяться на спасение, которое придет от императора. Боэмунд изгнал его из города и назначил вместо него латинянина Бернарда Валанского, который был капелланом при Адемаре и которого Боэмунд недавно сделал епископом Арты, и доставил его в Иерусалим для введения в сан. Позднее латиняне, в частности Гийом Тирский, стремясь доказать законность латинской линии патриархов, заявляли, что Иоанн сам снял с себя патриарший титул, но на самом деле это произошло лишь после того, как Иоанн добрался до Константинополя и уступил место греческому преемнику. Он поселился в монастыре на острове Оксия, где написал трактат с осуждением латинских обрядов и горько жаловался в нем на притеснения со стороны латинян. Его полномочия перешли к патриарху, которого избрали высланные православные иерархи. Таким образом возникли две соперничающие линии патриархов, греческая и латинская, и ни одна не желала уступить другой. В Антиохии благодаря Боэмунду схизма между церквями стала очевидной, и Алексей добавил к своим планам по возвращению Антиохии в лоно империи твердое решение посадить на антиохийский престол законного патриарха.

Устранив таким образом главный источник потенциальной измены в Антиохии, Боэмунд отправился в Мелитену. Не желая оставлять свою столицу без достаточного гарнизона, он взял с собой только кузена Ричарда Салернского и триста рыцарей с контингентом пеших воинов. Армянские епископы Антиохии и Мараша сопровождали его; возможно, что и среди его рыцарей было несколько армян. Уверенный, что даже такими скромными силами он в состоянии одолеть тюрок, Боэмунд беспечно углубился в горы, отделявшие Мелитену от долины Аксу. Там в засаде его уже поджидал эмир и внезапно напал на франков. Они были застигнуты

врасплох и окружены. После короткого, но ожесточенного боя их армия была полностью разгромлена. Армянские епископы погибли, и Боэмунда, так долго наводившего ужас на неверных, вместе с Ричардом Салернским угнали в позорную неволю.

Но не кто иной, как Балдуин, спас Северную Сирию для христианства. Боэмунд, увидев, что выхода нет, отрезал прядь своих белокурых волос и вручил ее одному солдату, которому удалось проскользнуть мимо тюрок, после чего он помчался в Эдессу. Там, показав прядь волос в доказательство своих полномочий, он передал Балдуину сообщение Боэмунда. Боэмунд молил выволить его из плена, прежде чем тюрки уведут его вглубь Анатолии. Но Балдуина больше интересовала безопасность франкских государств, чем судьба его старого друга и соперника. Он немедленно выступил в путь с небольшим войском всего в сто сорок рыцарей, но у него была превосходно поставлена разведка, а перед ним бежали слухи, значительно преувеличивая размер его армии. Малик Гази Гюмюштекин на утро после победы подошел к стенам Мелитены, чтобы показать гарнизону головы убитых франков и армян. Но, услышав о подходе Балдуина, он решил, что лучше всего ретироваться с добычей и пленниками к себе во владения. Балдуин последовал за ним в горы, но боялся слишком далеко проникать в такую местность, где легко мог попасть в засаду, да и местным жителям он не доверял. Затем он вернулся в Мелитену. Боэмунд и Ричард Салернский в цепях отправились в долгий плен в холодном замке Никсар (Неокесария), далеко в понтийских горах.

Гавриил Мелитенский приветствовал Балдуина как своего освободителя и поспешил признать его власть. Взамен Балдуин оставил с ним пятьдесят рыцарей, чтобы укрепить оборону города. Благодаря им Гавриил смог отразить атаку Данишмендидов несколько месяцев спустя, когда тюрки узнали, что Балдуин уехал на север.

Лишь по возвращении в Эдессу после своих кампаний примерно в конце августа Балдуин принял посланцев из Иерусалима, которые пришли рассказать ему

о смерти брата. Весь сентябрь он готовился к дальнему пути, устраивая управление Эдессой на время своего отсутствия. Его кузен Балдуин Бургский находился в Антиохии, где, видимо, действовал как заместитель Боэмунда и, может быть, связной между двумя сеньорами. Его призвали в Эдессу, где Балдуин поручил ему управлять графством от его имени. 2 октября Балдуин со своим окружением и личной гвардией в двести рыцарей и семьсот пехотинцев отправился в Иерусалим, немного горя о смерти брата, как рассказывает нам его капеллан Фульхерий, но больше радуясь своему наследству.

Напрасно надеялся Даимберт, что Боэмунд ему помешает. Боэмунд пропал в плену, и антиохийские франки с восторгом приветствовали человека, спасшего их от последствий недавнего провала. Из Антиохии, где он задержался на три дня, Балдуин отправил жену с ее дамами морем в Яффу, так как опасался подвергать их опасностям путешествия. В Латакии, где его хорошо приняли местные власти и он провел там две ночи, к нему присоединилось еще множество солдат. Но их энтузиазма хватило ненадолго, ибо вскоре стало известно, что турки из Дамаска вознамерились расправиться с ним на дороге вдоль побережья. К тому времени, когда Балдуин добрался до Джабалы, его войско сократилось до ста шестидесяти рыцарей и пятисот пехотинцев. Форсированный марш благополучно привел его в Триполи. Новый эмир города Фахр аль-Мульк находился в наисквернейших отношениях с Дукаком Дамасским, который посягал на ливанское побережье. Поэтому он с удовольствием помог Балдуину не только необходимой ему провизией, но и сведениями о передвижениях и планах Дукака.

Там, где прибрежная дорога из Триполи подходит к Бейруту, у переправы через Нахр-эль-Кельб, Собачью реку, она идет по узкому карнизу между горами и морем. Этот проход был знаменит еще с античных времен, и каждый одолевший его завоеватель, начиная с фараона Рамсеса, отмечал свою победу надписью на скалах. Там дамасские войска поджидали Балдуина. Предупрежденный эмиром Триполи, он продвигался с

большой осторожностью и предстал перед всей армией Дукака вместе с войском эмира Хомса, а арабская конница из Бейрута стояла у берега, готовая отрезать его отступление. Его попытка пересечь реку перед лицом столь превосходящих сил противника полностью провалилась. К счастью для него, сгустилась ночь, и он сумел отступить. Эмир Хомса уговаривал дамаскинцев атаковать франков в темноте, но военачальники Дукака предпочли дождаться рассвета, когда им мог содействовать мусульманский флот. Они удовольствовались тем, что всю ночь обстреливали ряды франков. «Как мне хотелось очутиться дома, в Шартре или Орлеане, — писал Фульхерий, рассказывая о битве, — и остальные чувствовали то же». Но это отнюдь не обескуражило Балдуина. Рано утром он сделал вид, что отступает, но позаботился о том, чтобы поставить в арьергарде своих лучших бойцов. Дамаскинцы нетерпеливо бросились в погоню, но, когда дорога снова сузилась за Джунией, примерно в 5 милях (около 8 км) к северу, Балдуин внезапно развернулся и обрушился на преследователей всею мощью своих тяжеловооруженных рыцарей. Они были застигнуты врасплох и отступили, смяв ряды, столпившиеся за ними. Вскоре на узкой дороге воцарилась неразбериха, и Балдуин довел свою атаку до конца. Арабские корабли не могли подойти близко к берегу, чтобы помочь союзникам, и среди них начала распространяться паника. К ночи вся мусульманская рать бежала в горы или за стены Бейрута. Балдуин переночевал у Джунии, а на следующее утро его армия, нагруженная добычей, пересекла Собачью реку без каких-либо помех.

С тех пор мусульмане уже не преграждали ему путь. Он благополучно прошел мимо Бейрута и Сидона, а в Тире египетский правитель охотно снабдил его припасами. В последний день октября Балдуин добрался до христианского порта Хайфы. Хайфа принадлежала Танкреду, но Танкред уехал в Иерусалим, где помогал Даимберту в тщетных попытках отобрать Башню Давида у лотарингцев до прихода Балдуина. В его отсутствие франки Хайфы предложили впустить Балдуина в город; но он им не доверял и предпочел разбить лагерь за стенами.

Его войска отдыхали в течение нескольких дней, и затем он продолжил путь вдоль побережья до Яффы. Узнав о его приближении, Танкред поспешил в Яффу, чтобы попытаться не впустить его в город, но горожане прогнали его. Балдуин вошел в Яффу под ликующие крики жителей, но не стал там задерживаться. 9 ноября он поднялся в горы и вошел в Иерусалим.

Еще на подступах к городу местные жители выходили приветствовать его с исступленным восторгом. Не только все франки, но и греки, сирийцы и армяне вышли толпой встретить его за стенами и с почетом проводили к Святому Гробу. Его враги разбежались. Даимберт убрался из патриаршего дворца в монастырь на Сионе, где проводил время в молитвах и благочестивых занятиях. Танкред ушел на север в свои галилейские владения. Анархия, царившая в Палестине после смерти Готфрида, закончилась. В праздник святого Мартина, в среду 11 ноября, с общего одобрения и к общей радости, Балдуин взял титул короля Иерусалимского.

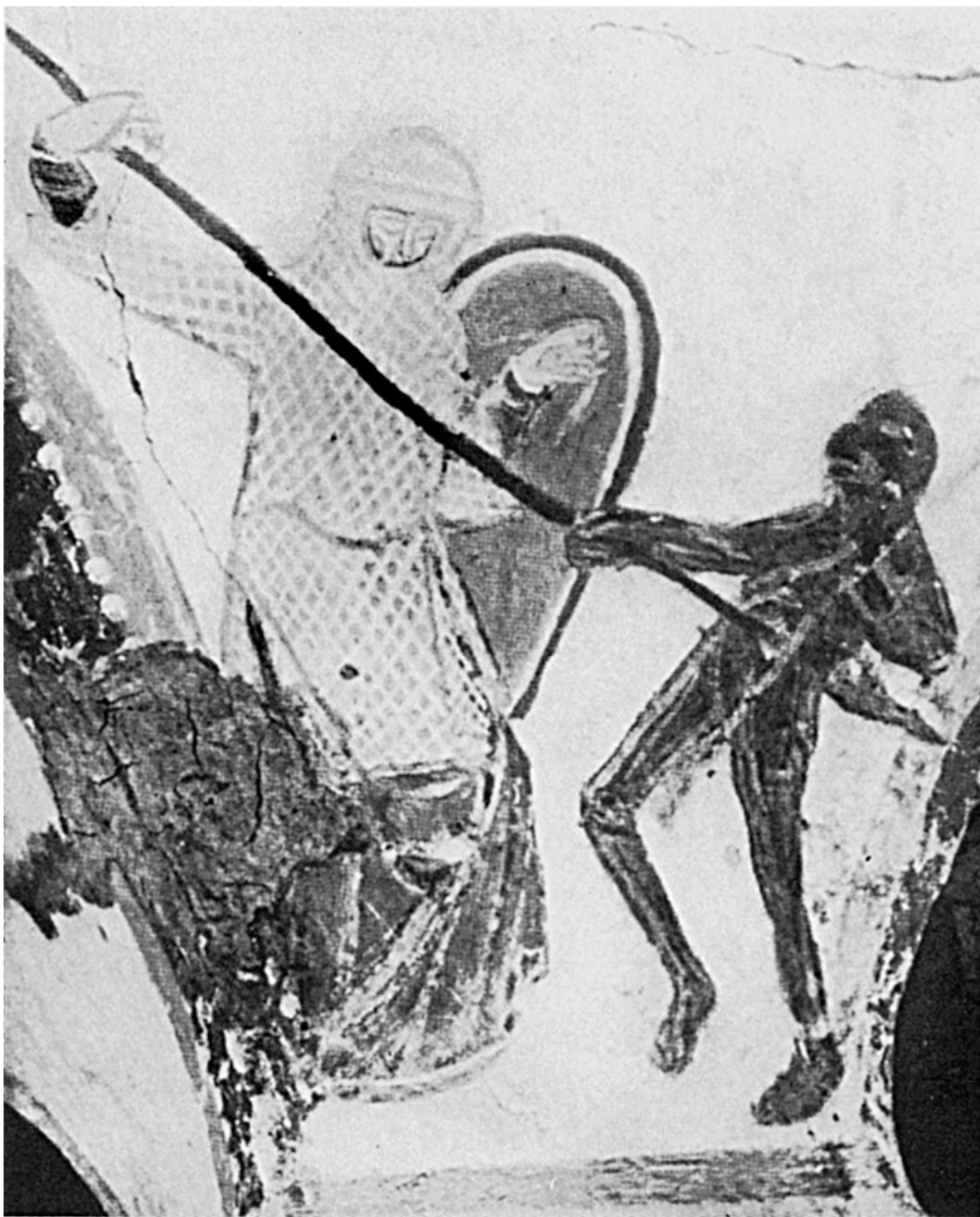
Балдуин был слишком мудр для того, чтобы мстить. Враги Даимберта, такие как бывший патриарх Арнульф, надеялись увидеть его позор. Но Балдуин ничего не предпринял против него. Он оставил ему полные права, а сам тем временем отправился в кампанию против арабов; и Даимберт мало-помалу осознал, что ему следует признать свое поражение и извлечь из него хоть какую-то выгоду. Когда Балдуин вернулся в Иерусалим в середине декабря, Даимберт был готов поладить с ним миром. Его надежды основать теократическое государство рассеялись, но он все же мог остаться номинальным главой и обладать огромным влиянием на королевство. Балдуин, от чьего внимания не ускользнули тесные связи Даимберта с пизанцами, охотно простил его и подтвердил его права на патриарший престол. Танкред оказался не таким сговорчивым. Балдуин вызвал его в Иерусалим ответить за неповиновение, когда он не подчинился известным ему распоряжениям Готфрида относительно того, кому владеть Хайфой. Дважды Танкред не отвечал на вызов, но потом наконец согласился встретиться с Балдуином на берегу

речки Аль-Ауджа между Яффой и Арсуфом. Но когда пришло время, он не явился, а попросил вместо этого встретиться в Хайфе. Было найдено более простое решение. Антиохийские франки остались без предводителя с тех самых пор, как Боэмунд попал в плен, а Балдуин Бургский уехал править Эдессой. Они предложили Танкреду прийти и править ими в качестве регента вместо дяди. Перед Танкредом это приглашение открывало новое и более широкое поле действия, где Балдуин не сможет его затмить; а Балдуин был рад отделаться такой малой кровью от вассала, которому не доверял и которого не любил. Беседа в Хайфе состоялась в начале марта 1101 года и прошла в атмосфере радушия. Танкред передал свой галилейский лен Балдуину и уехал в Антиохию, увозя с собой его добрые пожелания.

Уже в Рождество 1100 года в церкви Рождества Христова в Вифлееме Балдуин поклялся в верности патриарху Даимберту, а тот венчал Балдуина королем.

Таким образом, более чем через четыре года после того, как рыцари Западной Европы покинули свои дома ради Крестового похода, было основано Иерусалимское королевство. Из всех великих вождей честь возглавить его выпала Балдуину, безденежному младшему сыну графа Булонского. Один из его соперников был уничтожен. Многие из них вернулись на Запад — Роберт Нормандский, Роберт Фландрский, Гуго Вермандуа и Этьен Блуаский. Его собственный брат Эсташ Булонский, у которого были шансы унаследовать королевство после Готфрида, предпочел ему свои владения на берегах Ла-Манша. Что касается его главных соперников на Востоке, то Боэмунд беспомощно сидел в плену у тюрок, а Раймунд, до сих пор безземельный, жил в Константинополе клиентом императора. Но Балдуин не торопился и не упускал возможностей. Из них всех он оказался самым способным, самым терпеливым и самым дальновидным. Он завоевал свою награду, и будущее покажет, что он был ее достоин. Его коронация положила великолепный и многообещающий конец истории Первого крестового похода.

Вклейка

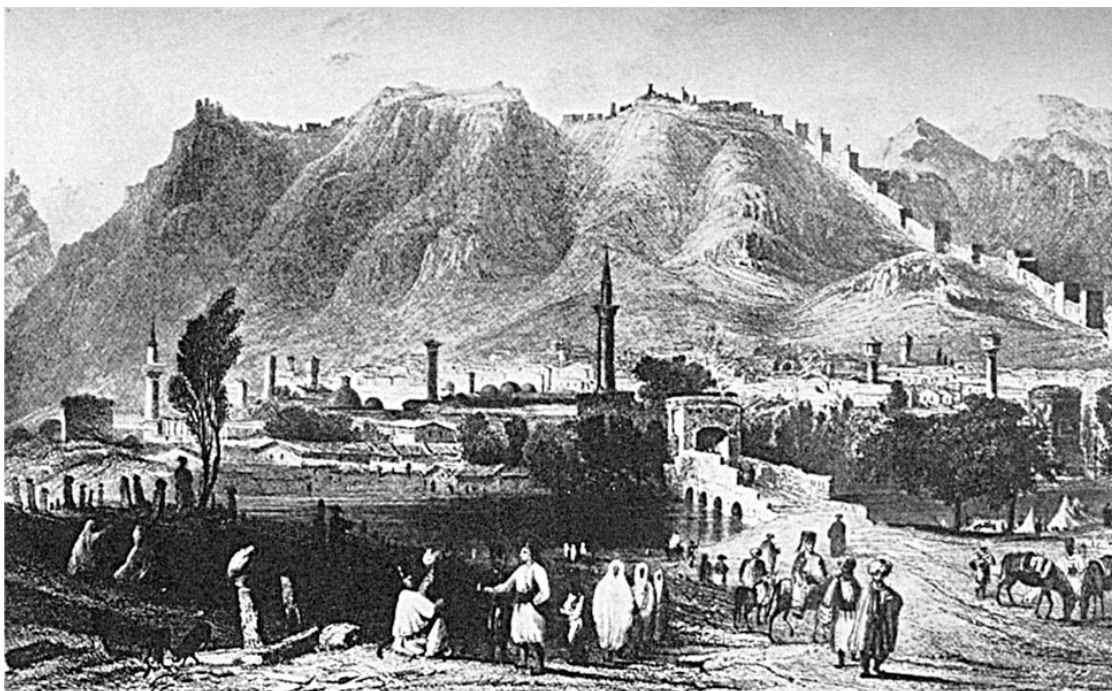
Рыцарь конца XI века

Паломник конца XI века

Император Алексей I перед Христом

Антиохия с противоположного берега реки Оронт. На первом плане укрепленный мост. Участок стены, где крестоносцы пробились в город, находится справа, на склоне за городскими строениями

Рамла

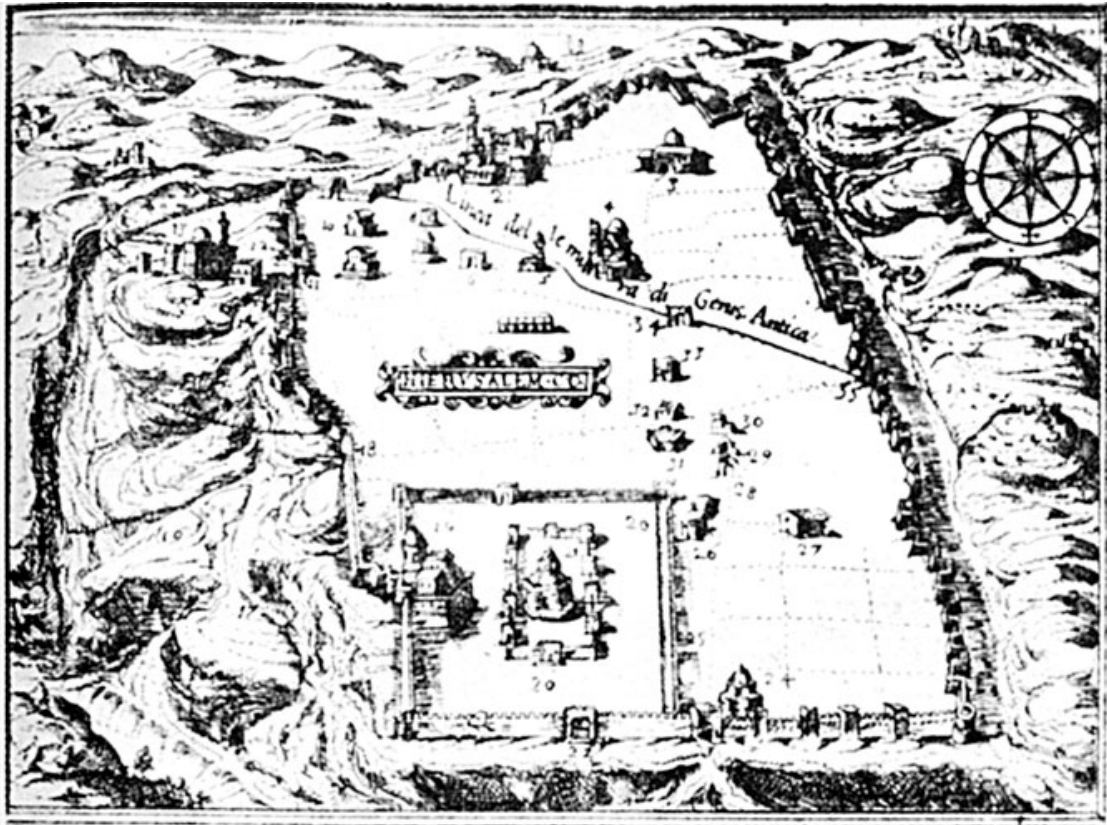

Гавань Яффы

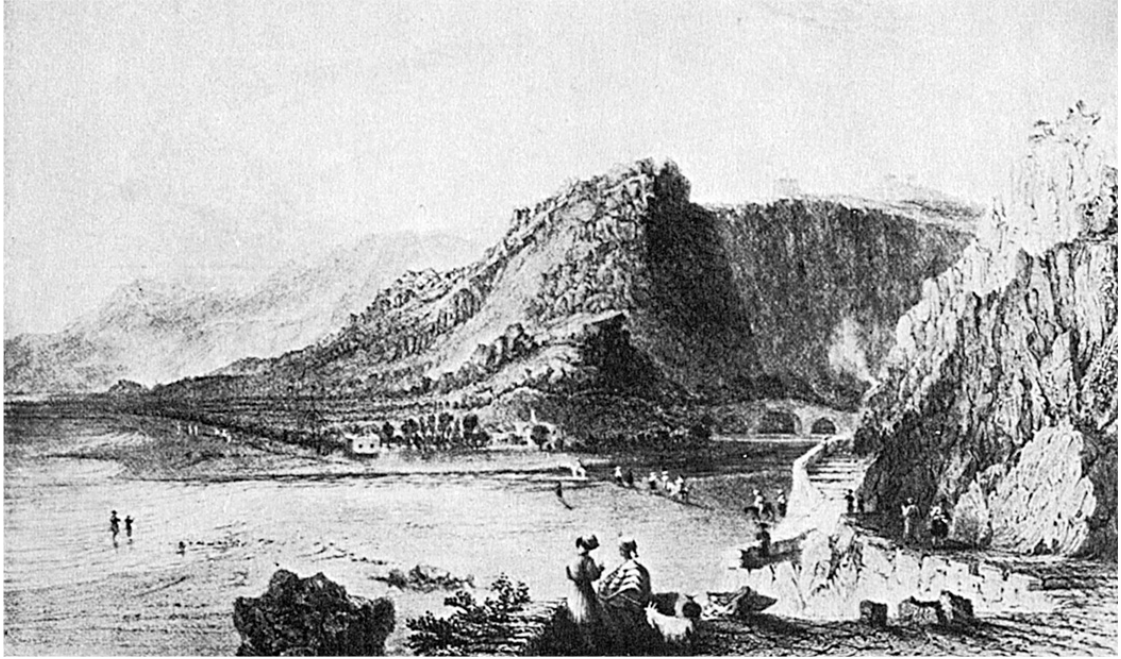
A.	Il S. Cenacolo.	H.	Porta di Giaffa.
B.	Ruine della torrè di David.	F.	Acquedotto.
C.	Casa di Caifa.	G.	Fontana di Bersabea.
D.	Castello.	H.	Mont'Oliueto.

Иерусалим с южной стороны. Иллюстрация из труда 1587 года

1	Porta di Giuffa.	13	Il S. Cenacolo. (cor. della V.M.	25	Probatica Piscina.
2	Castello de Pisani.	14	Doue i Giu. vollero pigliare il	26	Casa di Pilato.
3	Monastrio de' Catolici.	15	Doue S. Pietro pianse.	27	Casa del Re Herode.
4	Chiesa del S. Sepolero.	16	Fonte di Siloe.	28	L'arco di Pilato.
5	Casa di Zebudo.	17	Fonte di Maria Verg.	29	Chiesa del Spasmo.
6	Porta Fecrea.	18	Porta Sterquilina.	30	Simon Cireneo.
7	Casa di S. Marco.	19	Chiesa della Presc. della V.M.	31	Casa dell' Epulone.
8	Casa di S. Thomaso.	20	Piazza del Tempio.	32	Casa del Fariseo.
9	Chiesa di S. Giacomo.	21	Tempio di Salomone.	33	Casa di Veronica.
10	Casa d'Anna Pontef.	22	Porta Aurca.	34	Porta Iudicialis.
11	Porta David.	23	Porta di S. Stephano.	35	Porta Efraim.
12	Casa di Caipha Pontef.	24	Chiesa di S. Anna.	36	Basarre.

План Иерусалима. Иллюстрация из труда 1587 года

Устье Собачьей реки

notes

Сноски

В настоящее время установлено, что патриарх Софроний и Софроний, друг Иоанна Мосха, — одно и то же лицо. *(Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)*

Химьяриты — древний семитский народ в Южной Аравии. (*Примеч. пер.*)

Хиджра — переселение мусульман во главе с Мухаммедом из Мекки в Медину, считающееся началом первого исламского государства. (*Примеч. пер.*)

Историю о молебне Ираклия и прощальных словах приводит Михаил Сириец и несправедливо обвиняет императора в том, что перед отъездом тот разграбил сирийские города.

Роль, которую сыграли в этом иудеи, подчеркивается во всех первоисточниках, особенно у Себеоса и в «Учении Иакова», написанном константинопольским иудеем, который в то время находился в Карфагене.

В 923 и 924 годах толпа разрушила православные церкви в Рамле, Аскелоне, Кесарии и Дамаске, после чего халиф аль-Муктадир помог христианам отстроить их заново.

Вероятно, эти хвалебные гимны впервые прозвучали на праздновании триумфа Михаила III над сарацинами в 863 году.

В 987–988 годах Василий отправил в Каир послов, которые доставили деньги на уход за Гробом Господним в Иерусалиме. Вплоть до 1081 года Шайзаром управлял епископ от имени императора.

Аль-Мукаддаси также рассказывает нам, что в Сирии и Палестине писцы и лекари были почти сплошь христианами, а кожевники, красильщики и ростовщики — евреями.

Аль-Мукаддаси около 985 года писал, что в Сирии «люди живут в ужасе перед византийцами... ибо их границы постоянно разоряют, а крепости разрушают снова и снова».

Иероним в письме XLVI упоминает первые паломничества в Палестину. Первым паломником, чье имя нам известно, был епископ малоазиатской Кесарии Фермилиан, живший в начале III века (Иероним). Затем в III же веке в Палестину отправляется каппадокийский епископ Александр (Евсевий). Ориген говорит о желании христиан «пройти по стопам Христа».

Сам Иероним в письме XLVII рекомендует своему другу Дезидерию побывать в святых местах и объясняет, что, приехав в Палестину, он стал лучше понимать Писания. Однако в минуты досады, как, например, в письме LVIII к Павлину Ноланскому, он говорит, что тот, кто не побывал в Иерусалиме, ничего не потерял.

Святой Григорий Нисский категорически не одобряет практику паломничества (письмо II). Святой Иоанн Златоуст выражает почти такое же неодобрение («К народу Антиохийскому»), однако в другом месте жалеет о том, что обязанности не позволяют ему совершить паломничество («Толкование на послание к Ефесеянам»).

Святой Амвросий твердо верил в силу реликвий и самолично нашел несколько из них (письмо XXII). Святой Виктриций в своем «Восхвалении святых» утверждает, что реликвии обладают силой и благодатью. Святой Василий, с другой стороны, желал убедиться в их абсолютной подлинности. См. его письмо к святому Амвросию о мощах епископа Миланского, письмо СХСII.

Первым из подобных кающихся преступников, чье имя нам известно, был франкский аристократ Фромон, который с братьями поехал в Палестину в искупление совершенного преступления в середине IX века.

Брейер высказывает предположение, что неприязненные отношения между византийцами и паломниками создались из-за «схизмы» Михаила Керулария. Риан доходит до того, что допускает, будто византийские власти намеренно закрыли путь в Палестину. Это, по-видимому, основывается на его интерпретации путешествия Литберта из Камбре, которое на самом деле объясняется условиями, существовавшими в Сирии в то время. Однако письмо папы Виктора действительно позволяет предположить, что имперские чиновники не всегда проявляли радушие в отношении паломников. Причиной охлаждения была неприязнь к нормандцам, а не какая-то схизма.

Огромное паломничество из Германии 1064–1065 годов, в котором приняли участие 7 тысяч человек, нашло положение южнее византийской границы крайне неблагоприятным.

Дельбрюк высмеивает данные восточных летописцев об огромной численности армии Романа IV — более 100 тысяч человек, но все же нет никаких сомнений в том, что его армия была необычайно велика; только, указывает Лоран, по причине того, что Константин X экономил на армии, ее оснащение не отвечало поставленным целям, да и доля профессиональных солдат была чрезвычайно мала.

Гийом Тирский считал, что эта катастрофа оправдывает движение крестоносцев, поскольку Византия уже не могла защитить восточное христианство. Дельбрюк полагает, что важность битвы преувеличена; однако из имеющихся данных ясно следует, что вследствие ее империя еще много лет была не в состоянии вывести на поле боеспособную армию.

Анна Комнина лестными словами описывает внешность своего отца в «Алексиаде». Анонимный *Synopsis Chronicon*, который не всегда расположен к императору, говорит, что он был «велик в изволении и в поступках».

Сишельгаита сопровождала мужа во всех походах и даже сама командовала войсками, хотя маловероятно, что она непосредственно участвовала в боях с оружием в руках. (*Примеч. пер.*)

Коптская «История патриархов Александрийских» весьма благоприятно сравнивает правление тюрок с последующим правлением франков в Палестине. Знаменитая стрела, которую Орток выжег на крыше храма Гроба Господня, была не оскорблением, а знаком его верховной власти. Патриарх Иерусалимский Евфимий находился в Константинополе в конце 1082 года и в это время вместе с посольством отправился в Фессалоники к Боэмунду, а его преемник Симеон присутствовал там на соборе в 1086 году, когда был осужден Лев Халкидонский. Однако в 1089-м он вернулся в Иерусалим. На этом соборе присутствовал и патриарх Антиохийский.

Анна Комнина описывает смерть Чаки, однако затем в ее истории появляется новый Чака. Вероятно, это был сын первого, и он звался ибн Чака, а Анна упростила его имя. Аналогично западные авторы называют султана Кылыч-Арслана просто Сулейманом, поскольку слышали, что его называют ибн Сулейманом.

Молебственные дни — в западной церкви 25 апреля и три дня перед Вознесением, выделяемые для молитв и поста. (*Примеч. пер.*)

Майорат — порядок наследования, при котором земельное и иное имущество переходит исключительно к старшему сыну. (*Примеч. пер.*)

Дар Константина — подложный документ, по которому император Константин Великий в благодарность за чудесное исцеление от проказы по молитве папы Сильвестра I якобы передает папам верховную власть над Западной Римской империей и всем духовенством, включая патриархов восточной церкви. (*Примеч. пер.*)

Филиокве (букв. «и от сына») — принятое западной церковью добавление в текст Символа веры в соответствии с учением о том, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. (*Примеч. пер.*).

Диптих — список имен, поминаемых в ходе литургии
(Примеч. пер.).

Есть сведения, что филиокве было введено в Символ веры во время коронации Генриха II в Риме в 1014 году.

Греческие источники не упоминают этих переговоров, однако у нас нет оснований сомневаться в том, что они были.

Из формулировки процитированных выше постановлений синода, очевидно, следует, что патриарх Сергей II действовал в 1009 году, не посоветовавшись ни с синодом, ни с другими патриархами.

Лейб, *Deux Inedits Byzantins sur les Azymites*, сомневался в авторстве Симеона, так как трактат, по-видимому, написан в ответ на другой, написанный Бруно Астийским около 1108 года. Однако Михель, *Amalfi und Jerusalem im griechischen Kirchenstreit*, показал, что он является ответом на сочинение некоего Лаика из Амальфи, у которого Бруно списал свой трактат.

Речь Урбана приводят пятеро хронистов: Фульхерий Шартрский, Роберт Монах, Бальдерик Дольский, Гвиберт Ножанский и Вильгельм Малмсберийский. Вильгельм писал примерно тридцать лет спустя, но другие четверо говорят так, будто слышали речь своими ушами. Бальдерик и в самом деле утверждает, что присутствовал при этом. Однако и Бальдерик, и Гвиберт признают, что их варианты речи могут быть не вполне точны. Все варианты значительно отличаются друг от друга. Манро анализирует различия между ними в надежде установить фактический текст, собрав те пункты, по которым летописцы соглашались. Однако ясно, что все авторы записали речь в том виде, в котором, по их разумению, должен был произнести ее папа, и добавили в нее собственные излюбленные риторические приемы.

«Исповедую» — краткая покаянная молитва, произносимая в начале католической мессы. (*Примеч. пер.*)

Новый Иерусалим, или **Небесный Иерусалим**, — в Откровении Иоанна Богослова небесный град, обителище святых угодников, место блаженства. (*Примеч. пер.*)

Из первоисточников единственный подробный рассказ о походе Петра Пустынника и Готье Неимущего приводит Альберт Аахенский. Его достоверность под большим сомнением, но одно кажется ясным: что Альберт почерпнул свои сведения от очевидца, который, скорее всего, сам делал какие-то записи. Некоторые приводимые им цифры неубедительны, да и Петр порой поступает непоследовательно; но автор, по всей вероятности, хотел изобразить его исключительно с выгодной стороны, даже в ущерб связности повествования. Хроника Циммерна содержит некоторые дополнительные сведения, но, похоже, путает Крестовые походы 1096 и 1101 года. Есть еще краткое упоминание о Петре в «Хронике Бари».

Эккехард, Hierosolymita, сообщает, что Крестовый поход официально не проповедовали в Германии по причине схизмы.

Гвиберт говорит, что у Петра были неприятности во время путешествия по Венгрии, но, видимо, он путает Петра с Эмихо.

Альберт Аахенский изображает Петра жаждущим мести, хотя в других местах он предстает миролюбивым человеком. По-видимому, человек, от которого Альберт получил свои сведения, полагал, что такая свирепость только делает честь Петру. В рассказе о пограничной печенежской страже неоднократно повторяется цифра 7, и ее также не следует понимать буквально. Альберт путает реки Мораву и Саву.

Эскорт, присланный из Константинополя навстречу Петру, встретил его в Софии 9 или 10 июля, пройдя более 400 миль (640 км). Хотя, скорее всего, это был конный эскорт и потому продвигался быстро, он должен был выехать из столицы еще до того, как гонец, посланный из Ниша после прибытия туда Петра 3 июля, успел добраться до императорского двора. По Иречку, Die Heerstrasse von Belgrad, у татар, которые доставляли австрийскую имперскую почту в начале XIX века, уходило пять дней на дорогу, притом что они скакали галопом и меняли лошадей на почтовых станциях. Расстояние составляет более 650 миль (более 1045 км). Византийские дороги были лучше османских, но почтовые станции, скорее всего, были организованы не так эффективно. Специальному курьеру в то время могло понадобиться 5–6 дней, чтобы добраться от Ниша до Константинополя. Следовательно, Никита должен был послать в столицу доклад о прибытии Петра еще до того, как тот фактически пересек границу.

Альберт Аахенский говорит, что осталось 30 тысяч из сорока.

Альберт Аахенский и анонимные «Деяния франков», приводят подробные описания набегов и окончательного краха Петрова ополчения. Автор «Деяний», который, по-видимому, основал свою версию на рассказе кого-то из уцелевших, с кем он встречался в Константинополе, везде утверждает, что Алексей был враждебен Петру и обрадовался, узнав, что его людей перебили, хотя вновь признает, что они вели себя дурно и поджигали церкви. Альберт демонстрирует благодарность императору за его великодушие, добрые советы и скорое спасение уцелевших. Анна Комнина приводит более короткий рассказ, в котором жалуется на поведение франков и говорит, что Петр, который, как она ошибочно считает, находился при армии, винил в постигшем ее несчастье богопротивные поступки тех ее членов, которые не желали ему подчиняться.

Сефарды — субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове, на территориях современных Испании и Португалии.
(Примеч. пер.)

Анна Комнина признает, что Иоанн Комнин не давал Гуго полной свободы, но ее рассказ полон и убедителен. Западные источники, «Деяния франков», Фульхерий и Альберт, заявляют, что его держали в неволе, узником. Его последующие поступки этого не подтверждают.

Два самых полных отчета о поведении Готфрида в Константинополе содержатся в «Алексиаде» Анны Комнины и у Альберта Аахенского. Как указывает Шаландон, *Histoire de la première Croisade*, рассказ Анны гораздо более убедителен, чем Альберта, и его можно считать достоверным, за исключением завышенной оценки численности Готфридова войска. В «Деяниях франков» содержится короткий и весьма пристрастный рассказ. Точное местонахождение Пелеканона не установлено. Лейб в своем издании Анны Комнины отождествляет его с Хереке примерно в 16 милях (25 км) западнее Никомедии. Рамсей, *Historical Geography of Asia Minor*, предполагает, что он находился ближе к Халкидону. Из описания у Анны ясно следует, что он находился ближе к парому до Циветота и удобно расположен для того, чтобы поддерживать связь с Константинополем. Иоанн Кантакузин, единственный другой византийский автор, который упоминает Пелеканон, помещает его восточнее Дакивизы, современного Гебзе. Паром до Циветота отправлялся от Эгиали, что на полпути между Гебзе и Хереке, примерно в 6 милях (10 км) от того и другого. По сведениям, которые приводит Анна, именно при Пелеканоне Алексей принял крестоносцев после падения Nikei; но Этьен Блуаский говорит, что Алексей находился на острове, когда Этьен видел его в тот раз. Ясно, что Пелеканон, где бы он ни находился, не является островом, а также не мог он быть и полуостровом Эгиали, который Анна называет правильно. В данном случае свидетельству Этьена можно доверять. Следовательно, есть вероятность, что сам Пелеканон находился ближе к Эгиали, но Алексей перебрался на один из островов у побережья либо на остров напротив Тузлы, в 12 милях (19 км) западнее Эгиали, где до сих пор стоят значительные заметные руины с византийских времен, или на остров Святых Петра и Павла против Пендика, который был знаменитым византийским курортом.

Анна Комнина называет предводителя этой группы «графом Раулем» — по-гречески ὁ Ῥαοὺλ καλοῦμενος Κόμης, кто это был, неизвестно, так как он больше нигде не упоминается. Из того факта, что император посчитал необходимым для убедительности привести Готфрида на церемонию приведения к присяге, я делаю вывод, что они прибыли из Лотарингии, а не Франции, так как во втором случае было бы гораздо разумнее пригласить Гуго, чтобы произвести на них впечатление. Мы знаем, что Рено Тульский прибыл для участия в Крестовом походе под эгидой Готфрида. Альберт Аахенский с самого начала говорит о нем как об одном из спутников Готфрида, но принимать его свидетельство буквально излишне. Анна плохо запоминала франкские имена и порой называла графов не по именам, а по титулам, как в случае с Раймундом, которого она зовет «Исангел» (от Сен-Жиль). Но Рауль — имя, уже знакомое ей, так как она знала Рауля, посла Гвискара. Поэтому она могла сократить имя Рено де Туль до знакомой ей формы.

Известный как Ричард Принципат.

Боэмунд, вероятно, выбрал дорогу, которая шла по территории нынешней Албании, через Пермети и Корчу и повторяла северо-западный изгиб, прежде чем пересечь границу и уйти на юго-восток в Касторию.

О переговорах Раймунда с императором говорится у Раймунда Ажилльского и в «Деяниях франков». Обе хроники согласны в том, что Раймунду не терпелось отомстить за поражение своей армии при Родосто и что лишь с трудом другие принцы уговорили его принести хоть какую-то присягу. Обе также согласны насчет условий принесенной им клятвы. Только Раймунд Ажилльский приводит важную информацию о том, что граф был готов служить под началом лично императора Алексея. Я полагаю, что его мотивы легко объяснить завистью к Боэмунду. Анна Комнина, которую последующие события настроили в пользу Раймунда, ничего не говорит об этих переговорах, но всего лишь замечает, что ее отец любил и уважал «Исангела» — то есть графа Сен-Жильского — за его обходительность и честность. Она прибавляет, что Алексей вел долгие разговоры с графом, и цитирует его слова, когда он предостерегал императора от Боэмунда и обещал сотрудничать с византийцами. Я не вижу оснований считать, что она путает этот визит с другим, который Раймунд нанес Алексею в 1100 году; Альберт Аахенский, чьи сведения исходят от солдат Готфрида, соглашается, что Раймунд уехал из Константинополя в прекрасных отношениях с Алексеем, пробыв там две недели.

Проследить передвижения крестоносцев сложно. Армия Готфрида находилась в Пелеканоне с начала апреля, и там к ней присоединилось войско Боэмунда. Эти две армии, скорее всего, выступили вперед 29 или 30 апреля, войско Готфрида на три дня раньше Боэмунда, прежде чем туда прибыла армия Раймунда, чтобы не создавать толкучки в лагере. Армия Раймунда дожидалась его в Пелеканоне, пока он возвращался повидать императора.

«Деяния франков» рассказывают о марше Готфрида в Никею. Анна Комнина говорит, что часть армии добиралась по морю прямо от Пелеканона до Циветота. По сведениям Альберта Аахенского, Готфрид достиг «Руфинеля» в ту же ночь, после того как покинул лагерь (у Пелеканона), и остановился там, где получил сообщение от Раймунда из Константинополя, и там же к нему присоединился Петр Пустынный. Под «Руфинелем» он, видимо, понимает Никомедию, которая находится в дне пути от Пелеканона. О прибытии Раймунда 16 мая сообщают «Деяния франков», как и о прибытии северных французов, а также Фульхерий Шартрский, который приводит конкретную дату.

Анна Комнина намекает, что у ее отца были свои мотивы, когда он наконец прислал корабли на озеро, и говорит, что одновременно он отправил на помощь латинянам на суше войска под началом Татикия и Циты.

Анна Комнина приводит подробное описание сдачи города и честно признает, что византийцы обманули крестоносцев. Западные источники просто говорят, что Никея сдалась императору.

Раймунд Ажилский говорит, что император обещал рыцарям всю добычу, взятую в Никее, и обязался построить там латинский монастырь и гостиницу для паломников, и причиной ссоры было то, что он не выполнил обещанного. Однако Фульхерий Шартрский, Ансельм Рибмонский и Этьен Блуаский говорят о его необычайной щедрости, а последний утверждает, что на самом деле император раздал между принцами лучшую долю добычи, а еду — между небогатыми крестоносцами; и даже в «Деяниях франков» говорится, что он щедро одарил неимущих франков. Анна Комнина рассказывает о второй присяге. Груссе, *Histoire des Croisades*, без всяких причин предполагает, что Танкред и тогда отказался приносить присягу, и даже Шаландон, *Essai sur le Règne d'Alexis Comnène*, приходит к выводу, что этого не могло быть, потому что впоследствии Алексей фактически ни разу не обвинил его в нарушении клятвы. Но рассказ Анны ясен и убедителен. С другой стороны, версия этого эпизода у Рауля Канского явно вымышлена и представляет дело так, будто придуманное Танкредом было в действительности. Ансельм признает, что некоторые сеньоры были недовольны императором. Альберт Аахенский сообщает о раздаче даров Алексеем во время осады.

Автор «Деяний франков» заявляет, что император по-доброму отнесся к пленникам только ради того, чтобы раздражить крестоносцев.

Дорилей, который и дал название этой битве, находился примерно в 2 милях (около 3 км) на северо-запад от современного Эскишехира. Точное место битвы до сих пор вызывает споры. Анна называет его «дорилейской равниной», крестоносцы в своем письме к Урбану — «долиной Доротиллы», вероятно, это означает Дорилей; Раймунд Ажилский — Campus Floridus, а Альберт Аахенский — «долиной Декоргани, коя ныне зовется Озеллис». Хагенмайер, *Chronologie de la Première Croisade*, считает, что крестоносцы не могли дойти до самого Дорилея раньше ночи 30 июня, так как до него 22 часа пути от Левки. Он помещает место битвы возле современного «Босузука» (он имеет в виду Бозююк) или Инёню. Но прямая византийская дорога шла мимо обоих этих мест и шла через Сёгют и выходила на равнину примерно в 8 милях (13 км) северо-западнее Дорилея. Тюрки атаковали внезапно. Следовательно, они должны были прятаться в холмах, притом что Адемар тоже воспользовался холмами, чтобы застать тюрок врасплох, напав на них с тыла. Перед тем как дорога входит на равнину, горы там слишком крутые, чтобы на них можно было производить подобные маневры. Но равнина Сары-су, греческого Бафиса, в которую ведет дорога, отделена от долины Порсука, греческого Тимбриса, низкой грядой холмов, которые легко перейти и которые пролегают до места слияние рек чуть выше Дорилея. Если крестоносцы разбили лагерь в долине Сары-су, тюрки могли нанести неожиданный удар из долины Порсука, а наблюдательный пост на высотах Караджашехир, чуть южнее Порсука, позволил бы им следить за передвижениями крестоносцев. Вероятно, Адемар также вошел в долину Порсука, чтобы ударить по тюркам с тыла. Я лично побывал в этих местах и прихожу к выводу, что битва произошла на равнине Сары-су, где в нее входит прямая дорога из Левки. Чтобы добраться до этого места, передовым отрядам понадобилось бы пройти около 85 миль (137 км) за четыре

дня, так как они вышли из Никеи утром 26 июня, но, по всей видимости, задержались на день в Левке. Арьергард вышел из Никеи два дня спустя, но, скорее всего, не задерживался в Левке. Форсированным маршем он смог догнать авангард в полдень дня битвы. Командиры арьергарда, так как они ехали верхом, вероятнее всего, смогли добраться до Левки и посоветоваться с соратниками еще до того, как подошла их пехота.

Никто не жаловался на Татикия и византийцев, пока армия не добралась до Антиохии, но к тому времени он уже стал *inimicus* — врагом. Отношение к нему должно было становиться все враждебнее, чтобы Боэмунд сумел добиться такого быстрого успеха своей пропагандой.

Анна Комнина говорит о доблести Боэмунда в этой битве. Видимо, свои сведения она взяла у Татикия. Комету упоминает Фульхерий Шартрский.

Имеется в виду не кесарь, а великий дука, то есть главнокомандующий флотом, Иоанн Дука, брат жены императора, сын кесаря Иоанна Дуки. (*Примеч. пер.*)

Как главный армянский князь, принадлежащий к армянской церкви, он дал приют армянскому католикосу Григорию Вахраму. В то же время в Ани находился его соперник — католикос Василий.

По утверждению Матфея Эдесского, брат Ошина Пазун был еще жив. У Рауля Канского Ошин называется Урсином.

По Матфею Эдесскому, у Балдуина было сто всадников, когда он взял Турбессель, и шестьдесят, когда он выступил на Эдессу. Сопровождавший его Фульхерий Шартрский говорит, что у него было «*milites paucos*» («мало воинов»), когда он выступал, и восемьдесят при переходе через Евфрат.

Гийом Тирский говорит, что моряки и дальше остались с Танкредом.

Невозможно с абсолютной точностью установить личность тестя Балдуина. Альберт Аахенский называет его Тафнуз и говорит, что он был братом Костандина. Гийом Тирский называет его Тафрок. Дюлорье в своем издании Матфея Эдесского исходит из того предположения, что это должен быть Торос, брат Костандина Рубеняна, однако он признает, что брат Костандина с таким именем неизвестен. Хагенмайер в своем издании Фульхерия Шартрского соглашается с этим мнением. Однако ясно, что Костандин, которого имел в виду Альберт, это Костандин Гаргарский. Хонингманн в статье «Мараш» в «Энциклопедии ислама» предполагает, что Тафнуз — это в действительности Татул. В поддержку этой гипотезы у нас есть сведения о том, что Татул вернулся в Константинополь в 1104 году и что супруга Балдуина попросила отпустить ее к родителям в Константинополь вскоре после того, как он отверг ее в 1104 году. Нет никаких причин полагать, что ее звали Арда, как ее иногда называют.

Фульхерий Шартрский и Раймунд Ажилский приводят краткое описание Антиохии. Гийом Тирский описывает ее полнее. Западные хроники называют реку Оронт Ферринс (Фульхерий Шартрский — «Оронт или Ферринс»), Фар (Гийом Тирский называет это вульгарной ошибкой), или Фарфар («Деяния франков»), или Фарпар (Альберт Аахенский).

Альберт Аахенский. Симеон присылал крестоносцам гранаты, «яблоки с кедров ливанских», бекон и вино. Письмо, датированное октябрем, посланное из Антиохии, чтобы сообщить западной церкви о том, как идет поход, написано от имени Симеона и Адемара, и «главным образом последнего, ибо ему папа Урбан вверил христианскую армию» (Хагенмайер).

Раймунд Ажилский говорит, что Татикий предложил еще плотнее стянуть кольцо блокады. Его не послушали, и вскоре после этого он предательски бежал, отдав города Мамистру, Тарс и Адану Боэмунду. Этот в высшей степени невероятный дар, видимо, придумал сам Боэмунд и пустил слух по армии. «Деяния франков» говорят, что он бежал исключительно из трусости под предлогом организации снабжения для войск. Альберт Аахенский говорит, что его палатка стояла на краю лагеря, так как он с самого начала собирался бежать. А сбегая, лживо обещал вернуться. Версия Анны Комнины, которая наверняка основывается на рассказе самого Татикия, звучит убедительнее всего.

Давид в книге Robert Curthose сомневается, мог ли Эдгар Этелинг плыть с этой флотилией, поскольку осенью 1097 года он еще находился в Шотландии, а корабли должны были отплыть из Англии раньше. Но почти наверняка флотилия состояла из английских «варягов», покинувших Англию давным-давно и ходивших по Средиземному морю по приказу императора, к тому же мы видим, что и позже они действуют по его указанию. Эдгар вполне мог быстро прибыть в Константинополь, чтобы временно предложить свои услуги императору, и присоединиться к флотилии там. Ордрик Виталий уверен, что он был с флотилией и захватил Латакию во время осады Антиохии, хотя Вильгельм Мальмсберийский относит захват Латакии к более позднему времени.

Как говорит анонимная «История священной войны», крестоносцы уже отправляли посольство в Египет из Никеи по совету Алексея. Список послов выглядит подозрительно; вероятно, они все же входили в посольство, выехавшее от Антиохии. Однако есть вероятность, что европейцы все же вспомнили о совете императора.

Автор «Деяний франков» называет его Пиррус и говорит, что он был тюркок. Анна Комнина зовет его «неким армянином». Рауль Канский называет его «богатым армянином». Матфей Эдесский — «одним из главных жителей города», но не указывает народности. Раймунд Ажильский называет его «quidam de Turcatis» («некто из отуреченных»), вероятно имея в виду христианина-вероотступника. Арабские источники, Кемаль ад-Дин и ибн аль-Асир, не указывают его народности, второй называет его именем Фируз. Первый говорит, что он был бронником по имени Заррад, мастером по кирасам, которого Яги-Сиан наказал за тайное накопление запасов. Гийом Тирский, видимо полагаясь на арабские источники, говорит, что он принадлежал к клану Бени Зарра «quod in lingua Latina interpretatur filii loricatoris» («что на латыни означает сыновья бронника»). Он принадлежал к хорошей семье. В старофранцузском переводе Гийома Тирского прибавлено, что он был «эрмин» — армянин.

Фульхерий Шартрский говорит, что Этьен покинул лагерь за день до падения Антиохии, то есть 2 июня. Он утверждает это с сожалением, но не приписывает его поступок трусости. «Деяния франков» утверждают, что он бежал под предлогом болезни. Раймунд Ажилский объясняет бегство трусостью, и, по-видимому, таково было общее мнение. Гвиберт Ножанский считает необходимым найти ему оправдание. Этьена избрали «вождем» армии («Деяния франков»), или «диктатором» (Раймунд Ажилский), или «господином, всех дел распорядителем и начальником» (сам Этьен Блуаский в письме). Это ни в коей мере не означает, что его назначили главнокомандующим или политическим лидером Крестового похода, ибо он никогда не возглавлял военных операций, а Адемар был единственным человеком, за которым признавали хоть какую-то политическую власть над главами похода. Вероятно, Этьен заведовал административной частью и отвечал за организацию снабжения.

Самое красочное описание взятия Антиохии содержится в «Деяниях франков», хотя они умалчивают о том, что Боэмунд не сумел захватить цитадели. Раймунд Ажильский в своем рассказе упоминает об этом и говорит, что первым из крестоносцев вошел в город Фульк Шартрский. Рауль Канский называет его Гуэль Шартрский. Фульхерий Шартрский приводит более короткий отчет. Гийом Тирский приводит развернутое повествование, но в нем много недостоверных подробностей. Он дополняет историю рассказом о жене Фируза. Ибн аль-Асир рассказывает о бегстве и гибели Яги-Сиана.

Анна Комнина говорит, что Пьер Ольпский пришел с другими беглецами из Антиохии. Но его поставили управлять Команой, откуда он и должен был явиться и принести новости об приближающейся с востока армии тюрок, чтобы помешать Алексею двинуться вперед. Анна однозначно говорит о том, что именно это известие заставило императора повернуть назад. Если франки уже разбиты в Антиохии, для него было безумием продолжать поход.

Новости об отступлении императора не могли добраться до Антиохии раньше, чем через значительное время после поражения Кербоги.

Все авторитеты упоминают обретение копья, включая и Анну Комнину, которая называет его не копьем, а гвоздем и приписывает находку Петру Пустыннику. Ибн аль-Асир говорит, что Петр сам зарыл копье.

Видимо, Боэмунд и сам начал сомневаться в подлинности копья (Рауль Канский).

Вероятно, имеется в виду Евмафий Филокал.
(Примеч. пер.)

Альберт Аахенский говорит, что Гинимер взял Латакию у тюрок осенью 1097 года и владел ею от имени Раймунда Тулузского. По Ордерiku Виталию, Эдгар Этелинг и англичане взяли ее от императора где-то в начале 1098 года и отдали под власть Роберта Нормандского. Давид, доверяя рассказу Альберта, полагает, что англичане, скорее всего, должны были взять напрямую от тюрок и что Роберт был там зимой 1097/98 года. Раймунд Ажильский утверждает, что Роберт отсутствовал в Антиохии во время похода в декабре 1097 года. Однако сомнительно, что англичане успели прибыть к сирийскому побережью раньше марта. Рауль Канский говорит, что Роберт отправился в Латакию, которая находилась под властью императора, во время бегства Этьена Блуаского. Однако несколько дней спустя он принимал участие в битве с Кербогой, и все источники об этом упоминают. По сведениям Гвиберта Ножанского, какое-то время Роберт управлял Латакией, но его прогнали из-за поборов. Я привожу ту версию, которая представляется мне наиболее убедительной.

Раймунд Ажилский поддерживает Пьера Бартеlemi; Фульхерий Шартрский и Альберт Аахенский проявляют недоверие, но не встают ни на чью сторону. Рауль Канский открыто враждебен Пьеру. Автор «Деяний франков» вообще опускает этот эпизод.

Фульхерий Шартрский говорит, что что его убило камнем.

Гора Радости (*фр.*).

Иевусеи — доеврейский народ Иудеи. (*Примеч. пер.*)

Фульхерий Шартрский упоминает эфиопские войска. Раймунд Ажилский и «Деяния франков» упоминают отравление колодцев. Армянский католикос Вахрам находился в то время в Иерусалиме, но, видимо, ему удалось оттуда сбежать (Матфей Эдесский).

Сирокко — удушающий, знойный ветер в средиземноморском регионе, не прекращающийся по несколько дней, а иногда и недель. (*Примеч. пер.*)

«Деяния франков» говорят, что войска вошли в город в тот самый час, когда умер Христос.

Даимберт добрался до Латакии в сентябре 1099 года. Следовательно, он должен был отправиться из Италии задолго до взятия Иерусалима.

Фульхерий Шартрский говорит, что выбрать патриарха было невозможно до получения рекомендаций от папы. Вероятно, он имеет в виду это первое обсуждение. Давид называет его Арнульф из Шока и считает именование «из Рё» неверным.

Когда именно Раймунд принял решение насчет княжества в Центральной Сирии, неизвестно.

Альберт Аахенский неприязненно рассказывает о прошлой жизни Даимберта. Возможно, что архиепископ отправился в путь еще до того, как Урбан узнал о смерти Адемара, и либо был назначен легатом в дороге, либо принял на себя управление как высший церковный иерарх на Востоке.

Фульхерий Шартрский говорит, что Боэмунд пригласил Балдуина его сопровождать, так как чем больше народу, тем безопаснее поход. Также он сообщает о количестве паломников, которое, вне всяких сомнений, преувеличено.

Ничто не говорит о том, что Балдуин когда-либо давал Даимберту вассальную присягу за Эдессу. Из дальнейших событий явственно следует, что новый патриарх ему не доверял.

Матфей Эдесский, предположительно опираясь на слухи, ходившие среди местных христиан, прямо говорит, что эмир отравил Готфрида.

Руководители армии узнали о смерти Готфрида только от венецианцев.

Нет никаких данных о том, что Жерар протестовал против действий Гельдемара.